Ставропольский государственный университет

На правах рукописи

Перковская Галина Алексеевна

Развитие исторического образования в университетах России во второй половине XVIII – начале XX в.

Специальность 07.00.02 – Отечественная история
Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор социологических наук,
профессор
В.А. Шаповалов.

Ставрополь, 2005 г.

Оглавление. Стр.

Введение……. 3

Глава 1. Становление исторического образования в университетах России во второй половине XVIII - первой половине XIX в.

1.1. Влияние культуры классицизма на развитие русской исторической науки и образования……. 24

1.2. Образовательная политика правительства в первой половине XIX в. и создание историко-филологических факультетов в российских университетах …….. 36

1.3. Содержание исторического образования в университетах России….. 59

Глава 2. Эпоха Великих реформ и формирование принципов дальнейшего развития исторического образования в российских университетах.

2.1. Реформирование системы университетского исторического образования в ходе либерально-буржуазной политики Александра II в 50-х – 60-х г.г. XIX в…... 82

2.2. Становление специализации исторического образования в российских университетах……. 102

2.3. Подготовка научно-педагогических кадров историков в российских университетах в 50-е – 70-е г.г. XIX в…….…. 118

Глава 3. Тенденции развития исторического образования в российских университетах в последней трети XIX - начале XX в.

3.1. Изменение правительственного курса в области высшего образования в 70-80-е гг. XIX в. и принятие устава 1884 г……..……. 139

3.2. Реорганизация учебного процесса на историко-филологических факультетах в университетах России в конце 70-80-х гг. XIX в…… 162

3.3. Модернизация системы университетского исторического образования на рубеже XIX – XX вв……..…… 174

Заключение...……. 198

Примечания……... 206

Список источников и литературы.…… ...235
Приложения

Введение.

Актуальность темы. Осмысление особенностей развития высшего исторического образования в дореволюционный период, понимание его сущностных характеристик приобретает особую актуальность в современных условиях, когда со всей очевидностью возникла необходимость повышения роли университетского образования, в том числе исторического, в связи с происходящими процессами его модернизации. Эта ситуация актуализирует осмысление пути, пройденного российской высшей школой, и изучение практического опыта, накопленного профессорско-преподавательским составом университетов и правительством России в XIX - начале XX вв. в деле подготовки историков. Подготовка историков в университетах Российской империи в XIX – начале XX вв. составляла неотъемлемую часть университетской образовательной системы, представляя важнейшую отрасль университетского образования ввиду особой роли, которая отводилась правительством России истории, как науке, в деле защиты устоев Российской империи и соответствующего идейного воспитания общества.

Проблема данного исследования актуальна в контексте современных тенденций отечественной историографии, одной из которых является изучение истории науки. Становление исторического образования в российских университетах неотделимо от развития исторической науки в стране.

Таким образом, обращение к теме истории университетского образования, в том числе и исторического, представляется своевременным в эпоху гуманитаризации и гуманизации образования. Характерной чертой, обусловившей устойчивость классических университетов как неотъемлемой части европейской культуры, является сочетание функций научно-исследовательской деятельности, обучения и воспитания; в них транслируются не только знания, но и прививаются общечеловеческие ценности; многогранное образование сочетается с воспитанием личности.

Объектом исследования является историческое образование в университетах России во второй половине XVIII – начале XX вв., как неотъемлемый компонент образовательной системы.

Предметом исследования выступают эволюция государственной политики в области университетского образования, в том числе историко-филологического; пути организационного оформления исторического образования в университетах Российской империи на протяжении XIX - начала XX вв.

Хронологические рамки исследования охватывают период от основания первого российского университета в Москве в 1755 г. до 1917 г. Именно в это время историческое образование в университетах России прошло период становления и оформилось в стройную систему. В результате революционных потрясений 1917 г. система университетского образования, в том числе и исторического, подверглась коренным изменениям на новых принципах, в соответствии с иными целями и задачами.

Территориальные границы исследования включают города Российской империи XIX – начале XX вв., которые являлись значимыми научными и культурными центрами того времени, где сформировались классические университеты. Среди них – Москва, Дерпт, Казань, Харьков, Петербург, Киев, Одесса, Варшава.

Научная новизна исследования исторического образования в университетах России в дореволюционный период, по мнению автора, заключается в следующем:

- выявлены культурно-исторические предпосылки становления и развития высшего исторического образования в России;

- с позиций современного состояния исторической науки оценивается характер взаимодействия правительства и университетских корпораций в вопросах развития высшего образования, в том числе исторического, в деле подготовки научно-педагогических кадров;

- становление исторической науки и образования в университетах

Российской империи рассматриваются в исследовании как единый процесс развития и передачи исторического знания.

Практическая значимость. Обращение к опыту развития исторического образования в дореволюционной России и усвоение его традиций может быть полезно для организаторских и управленческих образовательных структур. Материалы и результаты исследования могут быть затребованы учеными на современном этапе реформирования системы исторического образования. Выводы и заключения представленной работы можно использовать в преподавании соответствующих разделов Отечественной истории, при подготовке специальных курсов; при написании обобщающих работ и учебников, курсов лекций и методических пособий.

Степень изученности проблемы.

Изучение истории высшей школы в России имеет основательную историографическую традицию, создававшуюся трудами многих поколений исследователей. В развитии изучения истории университетов можно выделить три основных этапа.

К *первому этапу* относятся труды по истории университетов Российской империи, вышедшие в дореволюционный период. Данная тема стала осмысливаться с конца 50-х гг. XIX в., когда началась подготовка нового университетского устава. Впервые краткий исторический обзор университетского образования был дан в работе знаменитого врача и педагога Н.И. Пирогова «Университетский вопрос». Пирогов отвергал чисто утилитарный взгляд на университеты как на средство «подготовки для государства людей с дипломами, званиями и правом на чины». Он писал, что «основанные передовыми людьми своего времени, они (университеты) были настоящими и единственными представителями современной науки. Не было различия между академией и университетом. Кто двигал науку, тот и учил» (1).

В 1855 г. к столетию первого российского университета в Москве специальной комиссией под руководством профессора словесности этого университета С.П. Шевырева была подготовлена «История Московского

университета» (2). Эта «История» представляла собой систематическое изложение событий и законодательных актов по истории университета за сто лет, расположенных по царствованиям. Данному труду, как и любому юбилейному изданию, была свойственна идеализация, особенного последнего царствования. Однако, наряду с перечислением «монарших милостей», содержатся и тщательно подобранные документы, причем не только опубликованные, но и рукописные. Опираясь на эти документы, С.П. Шевыревым представлены данные о предметах университетского курса, о числе обучающихся, сообщаются сведения по годам о докторах, кандидатах и магистрах университетов, охарактеризованы некоторые из воспитанников. Данная книга положила начало серии капитальных публикаций по отдельным университетам.

60 – 70-е гг. XIX в. явились периодом расцвета «государственной школы» в русской историографии. Важное место в работах русских ученых, относящихся к этому времени, занимает проблема взаимоотношений между университетскими корпорациями и государством. В этом отношении большой интерес для исследования представляют труды В.И. Герье, К.Д. Кавелина, Е. Феоктистова (3). Этими исследователями впервые был рассмотрен вопрос о зависимости университетской автономии от исторических особенностей той или другой страны. В размышлениях о высшем образовании этих авторов сочетались позиции последовательных государственников со сторонниками либеральных свобод. Последнее проявило себя в рассуждениях по поводу университетских учебных традиций, стойкости профессорской корпорации по отношению к внешнему воздействию.

В 1870-е гг., в связи с началом очередного обсуждения университетского вопроса в России вышли работы профессора В.С. Иконникова, представляющие несомненный интерес для нашего исследования (4). Эти труды отличает широта постановки проблемы университетского образования на общем фоне духовной жизни России. Исследования этого ученого ценны большим фактическим материалом, причем значительная его

часть посвящена предыстории создания системы российских университетов.

Разработка общих критериев оценки университетского образования в России последней трети XIX – начала XX в. шла параллельно с трудоемкой работой по истории отдельных университетов. В этой связи определенный научный интерес представляют труды Н.И. Булича, Д.И. Багалея, М.Ф. Владимирского-Буданова, В.В. Григорьева, А.И. Маркевича, Е.В. Петухова (5). Тщательно изучив историю своего учебного заведения, авторы детально выяснили процесс возникновения университетов, представили сведения об организации учебного процесса, предметных кафедр, вспомогательных учебных учреждений. Они проанализировали методику преподавания в данных вузах, в том числе и на историко-филологических факультетах.

В ряде статей общественных деятелей и профессоров российских университетов освещаются изменения в организации исторического образования в последней трети XIX в. В работах В.И. Владиславлева, А.И. Георгиевского, П. Никитина, И.В. Помяловского прослеживается острая полемика по вопросам усиления преподавания классических дисциплин в российских университетах в 80-х гг. XIX в. (6)

Вместе с общим развитием исторической науки, переживавшей значительный подъем в конце XIX - начале XX в., история российских университетов стала в большей степени изучаться как поступательный процесс, имевший свои закономерности развития, в основе которых лежал уровень правого развития общества. Наиболее плодотворно в этом направлении работали историки либерального направления Г.А. Джаншиев, А.А. Корнилов, П.Н. Милюков, С.В. Рождественский, М.И. Сухомлинов, труды которых, представляют несомненную ценность для данного исследования (7). Авторами обстоятельно рассмотрена правительственная политика по университетскому вопросу в XIX в., выявлены общие закономерности развития университетского образования, исследовано взаимовлияние общественных процессов и университетов.

Умело подобран и систематизирован фактический материал, дающий

общее представление о развитии университетского образования в России, в труде П. Ферлюдина «Исторический обзор мер по высшему образованию в России» (8).

В первое десятилетие XX в. в центре исторического исследования оказалась проблема взаимоотношений власти, общества и университетов. Развернувшееся в начале 1900-х гг. студенческое движение против «Временных правил», разработанных под руководством министра народного просвещения Н.П. Боголепова, фактически сводивших на нет университетскую автономию обострило «университетский вопрос» в России. Анализ социально-политической ситуации в России в начале XX в., оценка значения «университетского вопроса» для всего комплекса социально-политических проблем страны рассмотрены в статьи общественных деятелей и профессоров университетов, опубликованных в этот период (9). Характерными чертами работ П.Г. Виноградова, В.Н. Ивановского, Н. Кольцова, А. Клоссовского явились обоснование необходимости отмены университетского устава 1884 г., а так же разработка проектов реорганизации учебного процесса в российских университетах, в том числе на историко-филологических факультетах.

В связи с событиями 1905 г. появляются работы Э. Амичиса, А.И. Георгиевского, С. Мельгунова, освещающие роль университетов в развитии революционно-демократического движения, формирование и деятельность студенческих кружков (10).

В целом дореволюционными исследователями был собран обширный фактический материал и создана основа для дальнейшего изучения проблем развития российских университетов. Эти труды сохраняют свое научное значение и в настоящее время.

Ко *второму этапу* мы отнесли работы по историографии университетов России советского периода. В это время, в связи с политической и социально-экономической трансформацией общества, исследователи стали рассматривать проблемы истории университетов с новых теоретических и методологических позиций. Основными тенденциями историографии истории образования, в том

числе университетского, явились фундаментальная зависимость от советской идеологии и закрытость для диалога с научными оппонентами. Традиции изучения университетского образования как части духовной жизни России, заложенные дореволюционными исследователями, были прерваны. Организация учебного процесса, состав студенчества и профессорско-преподавательских кадров, подготовка специалистов трактовались как неактуальные для изучения проблемы. Значительное внимание ученых уделялось, прежде всего, революционному движению в университетах.

В первые годы Советской власти университетская проблематика практически исчезла из сферы изучения. Само существование университетов в это время находилось под угрозой. Однако в связи с необходимостью повышения престижа страны в условиях проведения СССР активной внешней политики в 30-е гг. XX в., в официальных кругах были признаны необходимыми меры, призванные оживить культурную жизнь в стране. В частности, большое внимание уделялось организации исторического образования и подготовке кадров квалифицированных историков. В Московском и Ленинградском университетах были восстановлены исторические факультеты, началось возвращение «академического облика» системе гуманитарного образования. В это время выходят работы Е.А. Косминского и М.К. Корбута, освещающие научную и учебную сферу деятельности российских университетов в дореволюционный период (11). На глубоком анализе развития исторической науки и традиций преподавания исторических дисциплин в дореволюционных университетах основано капитальное историографическое исследование В. П. Бузескула (12).

В 1940-х гг. зарождается научное направление по изучению истории ученых степеней в России. Его основоположником считается Г.Г. Кричевский, разработавший исследовательскую программу сбора, библиографического описания и изучения магистерских и докторских диссертаций, защищенных в университетах дореволюционной России (13).

Специальное постановление ЦК ВКП(б) «О мерах улучшения

преподавания общественных наук в высших учебных заведениях», подготовленное в 1951 г., призывало ученых покончить с догматизмом и начетничеством в общественных науках (14). Проблематика истории общественных наук наиболее серьезно начала разрабатываться авторами многотомного историографического издания под редакцией М.В. Нечкиной «Очерки истории исторической науки в СССР». Впервые в советский период с наибольшей полнотой представлен систематизированный фактический материал по историографии университетского образования со строгим соблюдением хронологической последовательности. В первом и втором томах издания содержатся факты, характеризующие государственную политику в области образования в дореволюционный период, состояние исторического образования в российских университетах, подготовку научно-педагогических кадров, связи русских ученых с зарубежной наукой (15). Очевидно стремление авторов к объективному изложению при известной идеологизации научных оценок.

Первым опытом обобщающего исследования по истории университетского образования явилась книга А.С. Бутягина и Ю.А. Салтанова «Университетское образование в СССР», вышедшую в 1957 г. Дореволюционный период в развитии российских университетов, рассмотренный в первом разделе этой работы, описан в традиционных для марксистско-ленинской историографии тонах, и в целом не дает целостного представления об истории российских университетов до 1917 г. В то же время, авторами были выделены наиболее прогрессивные черты дореволюционных российских университетов, такие как общенаучная теоретическая база учебного процесса, установление связи между учебной и научной работой, развитие практических элементов в учебном процессе, ведущая роль лекции в учебном процессе, создание при университетах научных обществ по важнейшим отраслям наук в целях развития свободного научного творчества, пропаганда научных знаний среди широких слоев населения и организация учебных диспутов, самоуправление и выборность руководящих органов университетов

(16).

Интерес для нашего исследования представляют работы А.С. Асиновской, С.С. Дмитриева, К.И. Козловой, Г.Л. Курбатова, А.С. Шофмана, в которых нашли отражение научная и педагогическая деятельность ведущих профессоров российских университетов, складывание системы преподавания исторических наук, подготовка научных кадров, формирование научных школ (17).

Вопросы университетского образования, в том числе гуманитарного, затрагивались в 1950-е гг. в советской историографии, посвященной отечественной науке и культуре. Анализ развития научных знаний в России в XVIII – первой половине XIX в. дан в монографии В.П. Зубова, который прослеживает отражение идей немецкой философии в трудах русских ученых-профессоров университетов (18). В работе А.С. Цетлин специальный раздел посвящен развитию исторической науки в Московском университете во второй половине XIX в. Деятельность ведущих профессоров-историков оценивается с позиций их приверженности определенным идеологическим концепциям. Исследователь отмечает преобладание идеалистических взглядов в научных теориях этих авторов, в то же время доказывает наличие определенных материалистических тенденций (19).

Оживление интереса к истории высшей школы России и университетского образования, в частности, сопровождаемого появлением значительного числа работ по данной проблематике, хронологически совпало с выходом в 1967 г. постановления ЦК КПСС об общественных науках. В период с конца 60-х до конца 80-х гг. XX в. история общественных наук была обязательным атрибутом не только книг, содержащих указанную тематику, но и фундаментальных обобщающих изданий. В 70-е – 80-е гг. XX в. стала складываться историография отдельных отраслей общественного знания. Наиболее полно была представлена история исторической науки в стране, хотя основное внимание уделялось развитию исторической науки и ее преподавания в советский период, а идеологический характер научных оценок сохранялся.

История университетов рассматривалась учеными с позиций конфронтации университетов и царского правительства, однозначно трактуемого как враг прогресса российских университетов. Такой подход игнорировал многие сюжеты академической жизни. Вместе с тем, была основательно изучена источниковая база проблем истории университетов в дореволюционный период, обобщен исторический опыт воспитательного воздействия исторической науки на общество, прежде всего на молодежь.

Особого внимания заслуживают труды, посвященные политике государства в отношении университетов (20). Указанная проблематика содержится в фундаментальных исследованиях Г.И. Щетининой и Р.Г. Эймонтовой, посвященных дореволюционным университетским уставам – важнейшим нормативным документам, определявшим уклад университетской жизни (21). Эти ученые исследовали актуальные для XIX в. проблемы: университетская автономия, взаимоотношения самодержавного правительства и ученых корпораций профессоров и студентов, механизмы подготовки образовательных реформ.

В работах Л.Д. Алексеевой, Л.Г. Кислягиной, А.М. Куликовой рассмотрены вопросы изучения истории в российских университетах, становления преподавания дисциплин на историко-филологических факультетах (22).

Ценность для настоящего исследования представляют биографические труды А.Р. Киреевой, посвященные В.О. Ключевскому, К.Н. Бестужеву-Рюмину. В этих работах проанализированы организация преподавания исторических дисциплин в университетах России, концепции выдающихся ученых, их профессиональная деятельность на педагогическом поприще, методика преподавания исторических курсов (23).

Вопросы университетского образования затронуты в литературе, посвященной развитию образовательных структур и положению интеллигенции. В.Р. Лейкина – Свирская, В.И. Бессонова основательно изучили историю формирования профессорско-преподавательских кадров в

университетах в дореволюционный период, в том числе на историко-филологических факультетах (24). Однако деятельность российских гуманитариев оценивается авторами с позиций преимущественно идеологических, что приводит к выводу, оправдывающему борьбу Советской власти с некоторыми дореволюционными мыслителями.

К *третьему этапу* мы отнесли новейшие исследования конца 80 - 90-х гг. XX в., в которых история университетского образования, в том числе исторического, рассматривается более основательно, как в целом, так и по отдельным аспектам.

Перестройка была для историков не только временем открытия фактов прошлого, но и постижением новых реальностей, переосмысления фактов (25). Этот процесс коснулся и истории университетского образования. Появляются исследования, в которых история общественных наук рассматривается более объективно. В работах времен перестройки прослеживалось стремление более объективно показать процессы, происходившие в образовании в дореволюционный период (26). В то же время работы данного периода несут на себе отпечаток подходов, характерных для советской историографии более раннего времени.

С середины 90-х гг. в отечественной историографии наступил новый этап. Он характеризуется стремлением исследователей к более объективным взвешенным оценкам. В исторической науке окончательно утвердился плюрализм научных позиций. Некоторые точки зрения повторяют советскую историографическую традицию. Другие комментируют идеи западной гуманитарной науки. Вместе с тем, немалое число современных ученых ищут новые аспекты исследований. Впервые затрагиваются многие, ранее не исследуемые вопросы организационной деятельности университетов, проблемы их общественной и научной жизни. Дается более объективная оценка их значения в развитии русской культуры.

Большую роль играют обобщающие работы по истории высшего образования в России, в том числе университетского, рассматривающие место

классических университетов в российской системе образования на различных исторических этапах. Среди них следует отметить фундаментальное издание «Высшее образование: Очерк истории до 1917 г.», подготовленное на базе НИИ высшего образования; коллективный труд Садовничего В.А. Белокурова В.В. Сушко В.Г. Шикина Е.В. «Университетское образование: приглашение к размышлению»; исследования В.А. Шаповалова «Высшее образование в социокультурном контексте» и «Высшее образование в системе культуры»; работы И.В. Захарова и Е.С. Ляхович, А.И. Авруса (27). В них отмечается, что становление и развитие высшего образования в России было детерминировано спецификой и эволюцией отечественной культуры. Взаимодействие государства и академической общественности сформировало специфическую модель университетов России, включавшую в себя как черты западноевропейских университетов, так и национальные особенности.

Современные исследователи склонны рассматривать историю российских университетов как непрерывный процесс взаимодействия университетской корпорации и правительства, в котором имели место как конфликтные ситуации, так и тесное сотрудничество. В этом отношении значительный интерес представляют статьи В.А. Змеева, Ю.Г. Круглова, Е.В. Олесюк, А.А. Шулус, посвященные проблемам реформирования системы образования в дореволюционный период (28).

Обращение к теме о роли классицизма в становлении историко-филологических наук обусловило привлечение исследований Ц. Виттекер, Э.Д. Фролова, в которых обоснована историческая значимость приобщения российского общества к традициям западноевропейского классицизма (29). Особое внимание в этих работах уделяется личности и деятельности С.С. Уварова, влиятельного государственного чиновника, министра народного просвещения времен царствования Николая I. Авторы отмечают замечательное своеобразие общей политической установки С.С. Уварова – стремление соединить усвоение Россией европейской системы образования с сохранением собственной традиционной социально-политической системы.

Все большее применение в отечественной историографии получает культурологический подход к анализу деятельности университетов, позволяющий рассмотреть ментальные модели, складывающиеся в университетской среде. Особенно рельефно такой подход заявлен в сборнике статей, посвященных истории Московского университета «Университеты для России: взгляд на историю культуры XVIII в.» (30), диссертационных исследованиях А.Ю. Андреева, И.П. Кулаковой (31).

Фундаментальный вклад в изучение истории высшей школы в дореволюционной России содержится в статьях и монографиях А.Е. Иванова (32). Особый интерес представляет анализ сословного состава студентов историко-филологических факультетов российских университетов и материально-бытовых условий их повседневной жизни (33).

Среди работ, посвященных истории российских университетов, особого внимания заслуживают труды Ф.А. Петрова (34). Автор решает ранее не разрабатываемые в исторической науке вопросы: анализ комплексной картины становления системы университетского образования как многоаспектного процесса. Ученым привлечен богатый источниковый материал, что позволило не только впервые осветить ряд проблем, но и по-новому оценить ранее известные факты. Автор показал, что первые российские университеты в основном создавались по образцу протестантских университетов в Германии, но не являлись их копией. Главное отличие российских университетов видится Ф.А. Петрову в том, что при их создании максимально учитывались российские традиции культуры и духовной жизни, особенности общественных отношений.

Большую ценность для нашего исследования представляют статьи В.И. Чеснокова (35), А.В. Афонюшкиной, А.Г. Глебова, Т.Н. Поповой, И.М. Чирсковой и др., опубликованные в сборниках, изданных Воронежским государственным университетом. Они посвящены основополагающим вопросам истории российских университетов, в том числе связи исторической науки и исторического образования (36). Значительное внимание уделяется

проблеме взаимоотношений самодержавия и царского правительства с российскими университетами по вопросам развития систем подготовки специалистов в области исторических наук. Многие положения и выводы исследователей имеют большую практическую значимость и могут служить основой для данного исследования.

Обращение автора к вопросам подготовки научно-педагогических кадров на историко-филологических факультетах предполагает привлечение работ по истории ученых степеней Российской империи. Установление их должностной квалификации, развитие нормативно-правовой базы системы аттестации научных кадров в Российской империи, история присуждения ученых степеней в университетах дореволюционной России рассмотрены в трудах А.Е. Иванова, А.Н. Якушева, диссертационных исследованиях И.Г. Воропаева, Д.А Хохловой (37). На основе анализа обширного документального материала учеными показано, что именно университеты Российской империи стояли у истоков создания Положений о производстве в ученые степени. Авторами прослежен процесс совершенствования историко-правовой мысли советов университетов в области присуждения ученых степеней, а так же тенденция к более узкой специализации разрядов наук.

Заслуживают внимания очерки и статьи, посвященные развитию исторической науки, деятельности выдающихся профессоров-историков и становлению преподавания дисциплин на историко-филологических факультетах в дореволюционной России. Среди них работы А.Г. Глебова, Д.А. Цыганкова, Ф.А. Петрова о деятельности профессоров-историков, Л.М. Лаптевой о преподавании славяноведения в российских университетах, Э.Д. Фролова о становлении университетской науки об античности в России, Брачева В.С. о формировании исторической школы в области изучения отечественной истории в Петербургском университете (38). Авторы показывают, что труды ведущих отечественных историков отвечали современному уровню европейской науки, а в ряде случаев играли авангардную роль. Учеными обращается внимание на патриотические и общественно-

политические установки университетских профессоров. Наряду с этим в работах прослеживается становление научных школ в области исторической науки в российских университетах, развитие историографических традиций трудами ведущих представителей этих школ, рассматривается подготовка научной смены на историко-филологических факультетах российских университетов.

Историографический обзор литературы позволяет сделать вывод, что опыт подготовки историков в дореволюционных университетах долгое время не являлся предметом специальной исследовательской разработки. Вопреки традициям дореволюционной «университетской историографии» советские исследователи основное внимание сосредоточили на участии университетов в революционном и общественном движении. В связи с этим в таких трудах университетский мир был представлен скудно. Новейшая историография рассматривает историю российских университетов как процесс взаимодействия университетской корпорации и правительства, в связи с чем, более полное освещение получают вопросы внутренней академической жизни университетов. Однако многие вопросы требуют исследования и в их числе - организационное оформление историко-филологического и специального исторического образования в университетах России.

Цели и задачи. Принимая во внимание недостаточную изученность и актуальность темы, данная работа ставит своей *целью* выявление характерных черт исторического образования в университетах дореволюционной России на основе комплексного изучения его организации.

Такой подход позволяет поставить следующие *исследовательские задачи*:

- раскрыть основные этапы становления системы исторического образования в российских университетах в связи с конкретными историческими условиями;

- определить приоритетные направления образовательной политики правительства России в первой половине XIX в., в том числе, в области

университетского исторического образования;

- проанализировать связь социально-политической ситуации в России и перемен в структурах университетского образования во второй половине 50-начале 60-х гг. XIX в. Проследить влияние университетского устава 1863 г. на развитие высшего исторического образования в стране;

- выявить пути организации специального исторического образования в университетах Российской империи;

- рассмотреть основные формы подготовки профессорско-преподавательских кадров на историко-филологических факультетах в университетах дореволюционной России;

- исследовать изменения образовательной политики правительства России в последней трети XIX в., и причины этих перемен, выделив пути реорганизации университетского исторического образования, проанализировать результаты реформ.

Методологической основой диссертации явился синтез формационного и цивилизационного подходов для всестороннего изучения объекта исследования. Формационный подход позволяет проследить динамику становления системы исторического образования в совокупности ряда факторов, а так же выявить социально-политические предпосылки преобразований в области университетского образования, в том числе исторического. Цивилизационный подход предоставляет возможность воссоздать атмосферу академической жизни на историко-филологических факультетах в российских университетах в XIX в. и полнее реализовать принцип историзма и объективной оценки событий.

В связи со спецификой предмета исследования для решения поставленных задач автор счел целесообразным использование специальных *методов*: системного, историко-сравнительного, историко-генетического, количественно-статистического.

Источниковая база исследования. Предмет и цели диссертационной работы определили выбор источников, привлеченных для изучения темы.

Комплексный подход к изучению исторического образования в российских университетах потребовал использования различных по видам и информационной насыщенности источников, освещающих историю возникновения, развития и деятельности российских университетов.

Центральное место в источниковой базе диссертации принадлежит архивным документам. Автором изучены материалы фондов Российского Государственного Исторического архива (РГИА), позволяющие сформировать целостное представление о формировании системы университетского образования в России, о направлениях государственной политики в области образования.

Особое значение для исследования имел архив Департамента народного просвещения Министерства народного просвещения (Ф. 733). В процессе исследования автором проработаны инвентарные описи № 86, 88 – 90, 147, 149, 150 – 156, 205, 206. В материалах данного фонда освещены этапы разработки и проведения в жизнь университетских реформ XIX в., представлены сведения о переработке университетских уставов и соответствующей реорганизации управления университетами (38).

Состояние учебной части университетов представлено в ряде общих материалов о делении факультетов на разряды и отделения, о создании кафедр на факультетах (39).

Постановка учебного процесса в российских университетах, вопросы преподавания отдельных дисциплин, в том числе на историко-филологических факультетах, так же отражены в материалах данного фонда (40). Состояние университетского преподавания характеризуется имеющимися программами по отдельным предметам университетского курса (41), правилами и программами испытаний (42).

Исследователем были изучены материалы, характеризующие подготовку профессорско-преподавательских кадров и систему присуждения ученых степеней в российских университетах в период с 1802 по 1918 г. (43).

По перечисленным вопросам университетской жизни, кроме общих для

всех университетов данных, имеются сведения, характеризующие каждый из них в отдельности со времени учреждения до 1917 г. (44).

Ценность для данного исследования представляют так же материалы фондов Главного правления училищ (Ф. 732), Ученого комитета (Ф. 734), Большое значение имеет фонд канцелярии министра народного просвещения (Ф. 735), учрежденной для ведения секретной переписки министра по наиболее важным и срочным вопросам. Определенный интерес представляет фонд редакции «Журнала Министерства народного просвещения» (Ф. 742), где хранятся рукописи ряда статей профессоров и преподавателей университетов.

Важный массив источников представляют опубликованные государственные документы законодательного характера. Нормативно-правовые акты, касающиеся образования, сосредоточены в Полном собрании законов Российской империи, «Сборнике постановлений по министерству народного просвещения» и «Сборнике распоряжений по Министерству народного просвещения». В «Сборнике постановлений по министерству народного просвещения» собраны законодательные акты, утвержденные императором, общего характера и касавшиеся отдельных университетов: уставы, рескрипты, указы, «Высочайше утвержденные» мнения Комитета министров. В «Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения» вошли распоряжения и циркуляры, решавшиеся на уровне министра и не требовавшие утверждения императора. Анализ этих документов позволяет проследить изменения нормативно-правовой базы функционирования университетов в России в XIX – начале XX в.

Отдельную группу источников данного исследования составляют делопроизводственные материалы министерства народного просвещения и университетов, позволяющие проследить принятие и реализацию управленческих решений в области высшего образования. Можно выделить следующие разновидности делопроизводственной документации. Во-первых - переписка образовательных учреждений и министерства народного просвещения. Большое значение имеют отчеты о состоянии и деятельности

российских университетов, содержащие сведения о личном составе профессоров и преподавателей университетов по факультетам, о командировании за границу русских ученых, о деятельности научных кабинетов, библиотек, ученых обществ при университетах. При этом наибольшей полнотой отличается документация Московского университета, дела с печатной отчетностью других университетов Российской империи обстояли хуже. Во - вторых – внутренняя документация этих учреждений (материалы, освещающие работу различных министерских комиссий, обзоры деятельности министерства народного просвещения, протоколы заседания ученых советов университетов, обозрения наук, преподаваемых на историко-филологических факультетах).

Отдельный вид исторических источников представляет статистика. Для данного исследование ценность представляла статистическая информация, позволяющая выявить состояние и развитие учебной базы историко-филологических факультетов российских университетов.

Следующая группа источников представлена публицистическими произведениями профессоров российских университетов, выразившими их мнение по проблемам российских университетов во второй половине XIX в. Среди публицистических произведений второй половины XIX – начала XX в., подвергнутых источниковедческому анализу, имеются работы, явившиеся одновременно объектом историографического изучения: статьи Н.И. Пирогова, В.И. Герье, К.Д. Кавелина, П.Г. Виноградова, и др. В этих трудах имеются характеристики учебной, научной, просветительской деятельности российских университетов.

Одно из ведущих мест в комплексе источников принадлежит *периодическим изданиям*: «Вестник Европы», «Журнал министерства народного просвещения». Анализ статей данных изданий позволяет составить представление о духе эпохи, об уровне преподавания в российских университетах того времени так же дает возможность делать необходимые сопоставления для выяснения места российских университетов в

общеевропейском процессе и о степени влияния Запада на развитие высшего образования в России.

Отдельную группу источников составляют *письма, дневники и воспоминания* государственных деятелей, профессоров, студентов, имеющие особую важность для понимания духа университетской жизни. Они воссоздают подлинную атмосферу университетской среды прошлых лет: быт и нравы студентов, чтение лекций ведущими профессорами со свойственными им манерами, общественные настроения, волновавшие умы молодежи и их наставников. Эти источники представлены в тематических изданиях Московского и Ленинградского университетов (45).

Таким образом, комплексный подход к проблеме основан на привлечении как документов, отражающих эволюцию специального исторического образования в университетах Российской империи, так и материалов, освещающих политику российского правительства в области образования в XIX в.

Апробация исследования. Основные положения диссертационного исследования прошли апробацию на Всероссийском научно-практическом семинаре «Классический университет как центр социального и культурного развития в полиэтничном регионе», состоявшемся в Ставропольском государственном университете 23 – 25 октября 2003 г. при поддержке Института «Открытое общество». А так же на научно-методических конференциях в Ставропольском государственном университете «Университетская наука - региону» в 2002 – 2004 г.г. и научных публикациях.

Структура диссертации. Данная работа состоит из введения, трех глав, построенных по проблемно-хронологическому принципу, заключения, содержащего главные выводы по рассматриваемой проблеме, библиографии и приложений.

Глава 1. Становление исторического образования в университетах России во второй половине XVIII - первой половине XIX в.

1.1. Влияние культуры классицизма на развитие русской исторической науки и образования.

Формирование допрофессионального знания в области истории в России началось в XVIII в. в русле преобразований Петра I. До этого времени историческая наука в стране в широком смысле не отделилась еще от литературы. В основном все, что было сделано в области исторических знаний в допетровскую эпоху, больше служит для иллюстрации бытовавших в то время в русском обществе культурно-исторических представлений.

Ряд исследователей традиционной русской культуры отмечают такую ее особенность как ориентация на вечность, стремление избежать повседневной суеты. Подход к знанию, расширению познания окружающего мира, а так же отношение древнерусского человека к истории соответствовали такому

мироощущению (1). В большинстве случаев история оказывалась равнозначной вечности. С одной стороны в русских книжниках пробуждалась тяга к осмыслению Руси в связи с предшествующей мировой историей, излагаемой в Новом и Ветхом Заветах, в связи с историей Древней Греции и Рима; возникал интерес к собственным национальным истокам и последовательности событий. С другой стороны эта событийная связь воспринималась лишь как внешняя оболочка, скрывающая неподвижный и неизменный смысл истории, существующий независимо от конкретных человеческих усилий. Такой обобщенный взгляд на историю свидетельствовал о целостности и универсализме в древнерусском понимании исторического процесса. В изложении древнерусских книжников, начиная с Иллариона, «история исполнена глубокого смысла, который ей придает вневременный мир вечности, как бы обрамляющего движение преходящей земной жизни…» (2). В результате человеческая история осмысливается не столько с точки зрения времени, сколько пространства. В своей совокупности древнерусские воззрения на историю гораздо ближе к мифологическим представлениям, нежели к христианскому пониманию линейности времени: от Сотворения мира к Рождеству Христову и от Воскресения к Апокалипсису (3).

После Крещения Древняя Русь фактически обрела историческое движение, истоки и смысл христианской истории, осознание своего исторического места в мире. Однако ее культура окончательно не утратила языческих представлений об извечной повторяемости событий, цикличности времени. Противоречиво соединяя в себе новое историческое и прежнее мифологическое понимание окружающего мира, русская культура вплоть до конца XVII столетия сохранила представление об истории как о неподвижной и не развивающейся во времени вечности.

Верность подобным представлениям о мире породила мощную культурно-историческую инерцию, сказавшуюся в политике, науке, философии, искусстве и литературе Нового времени. Медленно она обретала историзм, уходила от воззрений, апеллирующих к традиции, вековому опыту, вечности и

неизменности как категориям национальной культуры (4). Этот процесс имел место в канун петровских реформ, ознаменовавших переход к культуре Нового времени, русской классической культуре.

Преобразования XVIII в. затронули все сферы государственной и общественной жизни России: решительной перестройке подверглись законодательство, управление, финансы, военное дело, дипломатия, образование, просвещение. Решение новых задач требовало появление по-европейски образованных людей. В связи с этим особая забота была проявлена о развитии просвещения в стране: поощрялось дальнейшее развитие книгопечатания, открывались светские школы и училища.

Главным содержанием реформ Петра Великого явилось обмирщение культуры, разрушившее ее средневековую цельность. Будучи логическим продолжением драматических процессов русского религиозного раскола XVII в., полоса петровских реформ разделила единую до того русскую культуру на две культуры: религиозную и светскую. При этом религиозная часть отодвигалась на периферию национально-исторического развития. А новообразованная светская культура укоренялась в центре общественной и культурной жизни страны.

Важнейшим элементом политики европеизации культуры было приобщение русского общества к традициям западноевропейского классицизма. В петровскую эпоху возрастает интерес к наследию античности как основе современной европейской культуры классицизма. Этому способствовал приток новой литературы, усилившийся в результате мер царя, направленных на расширение книгопечатания и переводческой деятельности.

Русский классицизм, как культурный, так и образовательно-научный, явился производным от общего процесса европеизации России (5). Культура классицизма стала естественным основанием развития новой культуры, образования и науки в России в ту эпоху. Она опиралась на созданные греко-римской древностью ценности – философию, универсальное римское право; ориентировалась на выработанные античностью формы государственного

устройства и гражданского быта. Характерным было для нее увлечение античной эстетикой, словесностью, мифологией, древними классическими языками (латинским и греческим) (6).

В этих условиях именно классическому образованию принадлежала главная роль в процессе формирования новой русской культуры. Первоначально организация такой образовательной системы была направлена на всестороннее развитие ума и воли учащихся, независимо от их профессиональных интересов и практической деятельности, усвоение ими единых для европейских народов элементов общего и гуманитарного образования. Существенную черту классического образования составляло изучение древних классических языков, чтение текстов античных авторов, при этом изучение других предметов имело добавочное значение. В свою очередь науки, связанные с исследованием античности, послужили своего рода фундаментом для развития всего комплекса историко-филологических наук, в особенности для науки всеобщей истории.

Ко времени основания первого российского университета в России происходил сложный процесс превращения допрофессиональных знаний в области истории в историческую науку. Русская культура XVIII в. начала проникаться принципом историзма: история перестала восприниматься в соответствии с представлениями средневековой русской культуры как предопределение, застывшая вечность, эталон, идеал мироздания. Она предстала в качестве иллюстрации и урока современникам, как результат участия человека в ходе событий, итог сознательных действий и поступков людей. Появляются первые представления о культурном и социальном прогрессе как поступательном движении общества вперед, его развитии и совершенствовании – от низших форм к высшим. В связи с этим в XVIII в. развивается профессиональный интерес к истории и появляется опыт художественного ее осмысления в поэзии, прозе, драматургии.

Русская историческая наука, возникновение которой относят к XVIII столетию, не была лишь продуктом заимствования с Запада. Она опиралась на

богатое наследие, накопленное на протяжении многих столетий литературой в освоении исторических знаний, в связи с общим развитием образованности на Руси. Так переводы русскими книжниками религиозных и светских памятников греческой письменности, византийских хроник стали главным источником, из которых русские читатели черпали сведения об истории чужих стран, о великих государствах древности. Так же они использовались при составлении Хронографов – первых отечественных обзоров всеобщей истории. Именно наличием длительной исторической традиции объясняется быстрое становление русской исторической науки в XVIII в.

Процессу развития в России исторического знания и становления науки истории способствовали многие факторы. Это были причины такого общего характера, как подъем национального самосознания и обусловленный им интерес к прошлому своего народа; конкретные потребности государственной политики того времени, такие как необходимость обосновывать те или иные законодательные меры, дипломатические представления, реформы. Здесь и общий культурный подъем, тесно связанный с развитием просвещения и образования; и, наконец, установление более тесных политических и культурных связей с западноевропейскими странами. Последнее обстоятельство в наибольшей степени способствовало развитию интереса к всеобщей истории, истории государств классической древности, чья культура легла в основу европейской цивилизации (7).

Для того, чтобы появились отечественные профессиональные историки – исследователи, имеющие представление об историческом процессе, знающие древние языки, знакомые с комплексом вспомогательных исторических дисциплин, усвоившие критические методы обработки исторического материала, необходима была организация исторического образования в рамках средней и высшей школы с гуманитарным уклоном. Программы открывшихся на протяжении XVII – XVIII в.в. греко-латинских школ и академий в Киеве, Москве, Казани, Петербурге не предусматривали специального курса по истории. В этих учебных заведениях обучали древним языкам – греческому и

латинскому, преподавали риторику, пиитику, философию. Само преподавание здесь носило схоластический характер и подчинялось задачам богословия. И только преподаватели риторики использовали примеры, почерпнутые из трудов древних историков.

Таким образом, XVIII в. после петровских преобразований стал временем утверждения новой рациональной культуры. Усиление интеллектуальных и материальных связей с западноевропейскими странами способствовали появлению в России новых для нее тенденций, людей, мировоззренческих позиций. Возникали и расширяли свое влияние очаги новой культуры.

Одним из таких очагов явился университет. В рамках «старой» русской культуры не было такого явления западноевропейской жизни как университет. Как справедливо отмечает В.А. Шаповалов «В силу изолированности (политической, духовной и др.) от Европы становление Московского государства осуществлялось согласно средневековой традиции, когда церковь держала под своим контролем всю культурную жизнь. Характерной особенностью данного периода являлось отсутствие организованной системы образования. Высшее образование на протяжении длительного времени как бы выпадало из контекста русской культуры» (8). Масштабы и динамика петровских преобразований требовали значительного числа квалифицированных специалистов и создания соответствующей системы высшего образования.

Будущее российской школы осложняли многие факторы: отсутствие необходимой традиции, крайняя малочисленность образованных людей. Одним из направлений внутренней политики Петра Первого явилось формирование светского образования в стране и создание условий для развития наук, в том числе гуманитарных. В 1724-1725 г.г. была основана Петербургская Академия наук, в составе которой предусматривался гуманитарный класс. В 1724 г. Петр утвердил проект об учреждении университета при Петербургской Академии наук, составленный одним из сподвижников царя-реформатора Л.Л. Блюментростом. В проекте задачи университета строго отделялись от задач

Академии: «Его дело преподавать молодому поколению науки в современном их состоянии, дело Академии изобретениями и открытиями двигать науку вперед». Однако такой подход разрывал триединую сущность университета, концентрирующую в себе образовательную, исследовательскую и культурно-воспитательную функции, что противоречило самой идее университета (9).

Фактически университет в Петербурге начал существовать лишь с 1747 г., когда был принят новый академический регламент, определивший порядок преподавания в этом учебном заведении. Предусматривалось чтение лекций по трем циклам наук: математическому, физическому и гуманитарному. Преподавание поручалось профессорам, не являвшимся собственно академиками. Однако Академический университет действовал недолго. В XIX в. существовало мнение о том, что Академический университет в Петербурге просто «задохнулся от недостатка студентов» (10). Современные исследователи среди причин прекращения его существования обращают внимание на несамостоятельность Академического университета, «...его привязанность к Академии, что было чревато отсутствием даже зачатков собственно университетской корпорации» (11). Кроме того, указывается, что «…в силу неясности его назначения, аморфности внутренней структуры, своеобразия подчинения и неудачного выбора места основания университет оказался недолговечным и нетипичным для России» (12).

Тем не менее, заслуги Академического университета в деле становления российского университетского образования бесспорны. Были разработаны основополагающие методические приемы образования (принципы проведения диспутов, чтения лекций, система занятий). Постепенно складывались некоторые формы внутренней жизни учебного заведения (порядок поощрения учащихся, нормы их общежития, опыт расселения учеников – все то, что структурировало жизнь учеников и преподавателей (13). В ученой среде Петербурга были сделаны первые значительные шаги в развитии гуманитарных наук, в том числе истории. Труды Г.З. Байера, Г.Ф. Миллера, В.К. Тредиаковского, М.В. Ломоносова оказали плодотворное влияние на

становление исторической науки в России.

Основание системы университетского образования в России заложил Московский университет, открытый 12 января (25 января) 1755 г. При его создании был осмыслен и учтен опыт деятельности Академического университета в Петербурге. «В Москве сложились наиболее благоприятные условия для возникновения и постепенного становления более чем учреждения – культурного и интеллектуального центра особого толка, ставшего первым национальным университетом» (14). При выборе Москвы, в качестве университетского города, руководствовались рядом критериев: университет должен быть обеспечен желающими учиться, местная среда должна давать источники для материального существования студентов, примыкающая к городу округа должна испытывать потребность в специалистах.

Преимущества Москвы в этих отношениях отразил проект университета, составленный И.И. Шуваловым. В нем отмечалось, что Москва есть город, «куда из округ лежащих мест приехать можно»; московское родовитое дворянство, использующее домашних учителей, с готовностью пойдет на продолжение образования детей в университете; сами же выпускники учебного заведения найдут работу в помещичьих семьях как воспитатели. Вторым источником поставки студентов будет разночинство; сам институт домашних учителей и репетиторов станет дополнительным источником материальной поддержки студентов; с другой стороны, содержание последних в Москве дешево, чему способствует и «обилие родства и знакомства у студентов и учеников: почти всякий имеет у себя родственников или знакомых, где себя квартирой и пищей содержать может» (15).

Следует отметить, что следование образцам зарубежных университетов в конкретных российских условиях вело к складыванию собственной жизнеспособной модели системы данных образовательных учреждений. Российские университеты, с одной стороны, были проникнуты общеевропейской идеей независимого академического сообщества, чертами университетской культуры, с другой – наделены чисто российскими

особенностями, обусловленными преобладающей ролью государства. Университет явился для России «…наднациональным сообществом, открывшим человеку XVIII в. путь в просвещенный мир, связь с Западной Европой…» (16). Кроме того, он стал мощным культурным импульсом, формирующим пространство культурных событий, включавшее театр, периодические издания, научные общества и кружки и др. Само существование первых русских университетов создавало новый ритм жизни в городах.

Структура первого российского университета, основанного в Москве М.В. Ломоносовым и И.И. Шуваловым, отражала уровень развития наук середины XVIII столетия. Он состоял из трех факультетов: юридического, философского и медицинского. В отличие от университетов Западной Европы в Московском университете не было богословского факультета, что объяснялось наличием в России специальной системы образования для подготовки служителей православной церкви.

Важное место в системе факультетов университетов принадлежало философскому факультету. Процесс развития его наук в западноевропейских университетах выдвинул этот факультет на первый план: именно предметы философского факультета рассматривались как основа всего научного знания.

Философия в первом русском университете рассматривалась как универсальная наука, охватывавшая все отрасли человеческого знания. Поэтому для всех студентов было обязательно трехгодичное обучение на философском факультете, носившем характер общеобразовательного. Согласно университетской программе основы философии излагались в виде исторических курсов, что должно было подготовить студентов к восприятию более сложных научных построений. Получая хорошую философскую подготовку, студенты приучались мыслить логически, основательно изучали избранные ими предметы, формируя целостное мировоззрение. Что давало возможность в дальнейшем специализироваться будущим ученым в области естественных и гуманитарных наук.

В соответствии с традициями классического образования большое

значение в первом русском университете придавалось изучению древних языков, знание которых являлось главным условием научного исследования античной традиции. В силу отсутствия богословского факультета в первом русском университете были созданы условия для свободного развития гуманитарных наук.

Несмотря на то, что в Московском университете в то время еще не был организован исторический факультет со специальными кафедрами соответствующего профиля, он с первых лет своего существования включается в изучение истории и распространение исторических знаний. По «Проекту» об учреждении Московского университета в нем была предусмотрена на философском факультете должность профессора истории («универсальной или российской, а так же древности и геральдики»). В течение первых лет существования университета ее занимали иностранные профессора. Когда были подготовлены собственные кадры, на эту кафедру пришли русские ученые (17).

В XVIII в. систематического преподавания отечественной и всеобщей истории в университете еще не велось, но были созданы все условия для научного изучения многих исторических проблем. Московский университет во второй половине XVIII столетия играл ведущую роль в деле подготовки передовых преподавательских кадров, разработке методики преподавания университетских дисциплин, подготовке учебных пособий. Из стен университета уже в первое десятилетие его деятельности вышли профессионально подготовленные историки (С.С. Башилов, Х.А. Чеботарев и др.) (18). Стать специалистами в этой области они смогли благодаря основательной гуманитарной подготовке, которую давал университет.

В 1765-1766 г.г. начали преподавать первые выпускники университета – профессора права С.Е. Десницкий и И.А. Третьяков, математик и философ Д.С. Аничкин, оказавшие на исследование исторической науки непосредственное влияние. Ими были сформулированы теоретические положения, развитые исторической мыслью России в XIX в. Особое значение для разработки русской истории имели те работы, в которых прослеживается стремление раскрыть

законы исторического развития, причины возникновения социального неравенства, собственности, религии, семьи.

С.Е. Десницкий первым в Московском университете начал читать курс русского права и его истории, знакомил слушателей с законодательными памятниками, давал им толкование, сравнивал русские законы с западноевропейскими и римскими. В «Юридическом рассуждении о собственности» ученый показал, что развитие человечества зависело от смены хозяйственных форм. С собственностью на землю он связывал «феодальное правление».

Сходными были воззрения И.А. Третьякова, анализировавшего причины возникновения различных государственных форм, а так же зависимость развития науки и искусства от политики государства, борьбы церкви и светского просвещения.

Итак, «успешное развитие Московского университета определялось именно тем, что с самого начала его деятельности профессора соединили качества преподавателей и исследователей, а образовательный процесс не был оторван от науки» (19). Студенты университета не только знакомились с передовыми направлениями философской мысли, но и получали представление о применении теоретических знаний в конкретных исторических исследованиях. Такая подготовка открывала возможности для самостоятельных занятий историей, и уже в первые десятилетия существования университета в Московском университете были созданы условия для научного изучения проблем отечественной и всеобщей истории. Его выпускники своими трудами способствовали развитию отечественной исторической науки. Среди них – Х.А. Чеботарев, один из первых русских профессоров, читал курс русской истории в Московском университете и возглавлял кафедру русской истории.

Роль Московского университета не ограничивалась подготовкой специалистов в области исторической науки. Его деятельность была направлена и на усиление общественного интереса к прошлому страны. В связи с этим началось активное собирание летописей, памятников старины.

Разработка проблем истории, расширение тематики исследований было невозможно без введения в научный оборот широкого круга источников. Но сил немногочисленных ученых университета и Академии наук было недостаточно. Во многом позволило решить эту проблему создание «ученых обществ», которые взяли на себя часть задач и объединили широкий круг лиц, интересующихся историей. Почти все общества, возникшие во второй половине XVIII в., были историко-филологическими.

Просветительская деятельность университета связана и с именем Н.И. Новикова, арендовавшего в 1779-1789 гг. университетскую типографию. Им был введен в оборот огромный документальный материал. Его «Древняя Российская Вивлиотика» стала началом систематизации исторических источников.

За полвека своего существования Московский университет XVIII в. превратился в крупный культурный и научный центр страны. Больших успехов университет добился в области публикации исторических памятников.

Итак, как и в европейских странах, стержнем формирования университетской системы в России, выступал классицизм. Изучение классических дисциплин оставалась общеевропейской тенденцией на протяжении первой половины XIX в. Классическое образование ценили как способствующее интеллектуальному и нравственному развитию личности, являющее примеры чести, долга, служения государству – добродетелей правящего класса. «По существу классическое образование создавало общую основу, объединявшую элиты всех европейских стран. Это был знак отличия, без которого русское дворянство не могло рассчитывать на равенство с себе подобными за границей ни в интеллектуальном, ни в социальном отношении. Более того, внутри каждой страны оно служило средством приобщения к культурной элите» (20). Таким образом, университеты выполняли значимую функцию формирования общественных элит, пополняя последние своими выпускниками.

Успешная деятельность первого российского университета во второй

половине XVIII в. поставила вопрос о развертывании в империи образовательной системы во главе с университетами. В 1782 г. по повелению императрицы Екатерины II была создана Комиссия об учреждении училищ, которая признала, что систему народного образования должны увенчать университеты (21). Комиссии в 1786 г. было предписано ориентироваться на создание университетов в Пскове, Чернигове и Пензе (22). Проект устройства учебного дела в России, предусматривавший расширение сети университетов в стране, подготовленный екатерининской Комиссией, преобразованной в Главное правление училищ, начал осуществляться в царствование Александра I.

1.2. Образовательная политика правительства в первой половине XIX в. и создание историко-филологических факультетов в российских университетах.

Начало XIX в. было ознаменовано крупными преобразованиями во многих сферах жизни российского общества, в том числе, и в области образования. К началу нового столетия государство еще не успело создать особые органы по управлению системой народного образования. В 1802 г. была проведена министерская реформа, результатом которой явилось учреждение восьми министерств. Важное место среди них отводилось Министерству народного просвещения, главными задачами которого стали «воспитание юношества и распространение знаний». В ведении министерства находились высшие, средние и низшие учебные заведения, Академия наук, Академия художеств, типография, цензура.

Наряду с организацией центрального органа управления делами просвещения, были сформулированы и основные положения о создании новой системы руководства учебными заведениями на местах. Таким центром

признавались университеты, которые «…расширяя круг познаний в своих отделениях (округах районах) могут удобно принять на себя надзирание за всеми прочими училищами…» (1).

В январе 1803 г. были утверждены «Предварительные правила народного просвещения», в которых нашли отражение основные принципы организации системы народного образования в России. Предусматривалось создание стройной системы народного образования, включающей четыре рода учебных заведений: приходские училища, уездные училища, губернские гимназии, университеты. Между ними устанавливались преемственные связи в административном и учебном отношении.

«Предварительными правилами» было задано формирование сети высшего образования России. В соответствии с этим документом создавались учебные округа, объединявшие учебные заведения нескольких губерний. Во главе каждого учебного округа находились университеты. Главной обязанностью попечителя учебного округа являлось открытие университета или его преобразование на новых началах, организация системы управления университета подведомственными ему учреждениями. Попечителю подчинялся ректор университета, который избирался на общем собрании профессоров и утверждался министерством народного просвещения. Ректор управлял не только университетом, но и всеми учебными заведениями округа.

«Предварительными правилами» не только намечался общий план развития университетской сети, но и решалась задача интеграции ранее существовавших университетов во вновь создаваемую систему российского образования. Так устанавливалось, что «…учреждаются университеты для преподавания наук в высшей степени…», и что «ныне назначается их шесть. А именно кроме существующих в Москве, Вильне и Дерпте, учреждаются в округе Санкт-Петербургском, Казани и в Харькове. Затем предназначаются для университетов города: Киев, Тобольск, Устюг-Великий и другие, по мере способов, какие найдены будут к тому удобными» (2).

Среди существовавших в России университетов до учреждения

Министерства народного просвещения старейшим являлся Виленский университет, основанный в 1578 г. Однако образцом российского университетского образования стал Московский университет, открытый в 1755 году. Устав, которым руководствовался Московский университет, был принят за основу первого общеуниверситетского устава 1804 г.

Кроме существовавших Московского, Виленского и Дерптского университетов, в 1804 г. были открыты Харьковский и Казанский. Своим основанием многие университеты обязаны широкой поддержке общественности. Ярким примером общественного вмешательства в дело развития высшего образования в России явилось активное участие жителей Харьковской и смежных губерний в учреждении Харьковского университета. Горожанами и представителями дворянства были пожертвованы значительные денежные суммы, земельный участок под строительство здания университета. Конечно, можно согласиться с В.И. Чесноковым, что роль «общественной инициативы» не следует абсолютизировать. Однако условия учреждения университета в Харькове обнаружили зарождение одного из определяющих факторов правительственной деятельности в университетском строительстве: «она шла навстречу проектам в тех городах и губерниях, где имущие сословия при наличии других условий участвовали в финансировании учебного заведения на стадии его учреждения…» (3).

Законодательное регулирование высшего университетского образования в России на протяжении XIX века вплоть до 1917 г. осуществлялось общеуниверситетскими уставами 1804 г., 1835 г., 1863 г. и 1884 г., определявшими структуру и порядок функционирования университетского образования в стране, в том числе и исторического. Отдельный устав имел Дерптский университет, основанный в 1802 г. Виленский и Дерптский университеты, являясь по статусу Императорскими, сохраняли особое устройство, законодательно закрепляемое специальными уставами. Не подлежал действию общеуниверситетских уставов и Варшавский университет. Причины особого законодательного регулирования указанных учебных

заведений видятся в этнической, национальной и религиозной специфике регионов, в которых эти университеты располагались.

Концептуальным документом, определившим основания университетского образования в начале XIX столетия, стали Утвердительные грамоты Московского, Харьковского и Казанского университетов. В них оговаривались особые права и преимущества этих учебных заведений, цели университетского образования. Устанавливалась структура управления, права на выдачу документов об образовании и возведения в ученые степени, определялся порядок чинопроизводства и материального обеспечения профессорского состава.

Одновременно с Утвердительными грамотами были подготовлены уставы этих университетов. «Устав университетов Российской империи» и «Устав учебных заведений, подведомственных университетам» были опубликованы 5 ноября 1804 г. Эти официальные документы явились заключительным этапом работы активных деятелей русского просвещения и государственной администрации по определению основных принципов государственной системы народного просвещения, рассчитанной, в том числе, и на непривилегированные слои населения. В них содержались прогрессивные идеи, присущие русским просветителям.

Устав 1804 г. определил основные принципы деятельности российских университетов начала XIX в.: автономия и академические свободы. При этом функции университета включали в себя образование, исследование и воспитание. На практике же задачи университетского преподавания оказались гораздо шире. Устав 1804 г., подвергаясь различным изменениям, просуществовал более 30 лет. В общих чертах он нашел отражение в Уставе российских университетов 1863 г., составители которого обратились к идеям просветительства времен Александра I.

Став первым комплексным законодательным актом в сфере высшего образования, университетский устав 1804 г. определил содержание, организацию и методы обучения, обязанности руководителей и

преподавателей. При этом Устав исходил из директивных установок «Предварительных правил».

Деление российских университетов на факультеты соответствовало уровню развития науки того времени, и тому, «что было принято в этом отношении в немецких университетах» (4). Предусматривалось четыре факультета: отделение нравственных и политических наук, отделение физических и математических наук, отделение врачебных или медицинских наук, отделение словесных наук. Образцом для распределения и количества кафедр также служили немецкие университеты.

Факультеты университетов ведали следующими делами: распределение лекций, производство экзаменов для получения ученых степеней, назначение тем конкурсных сочинений, обсуждение вопросов, выносимых на факультетские собрания, составление сметы средств на нужды факультета (5). Все постановления факультета выносились на утверждение университетского совета. Таким образом деятельность факультета касалась, главным образом, факультетского преподавания и научной сферы.

В уставе российских университетов 1804 г. отразились наиболее передовые черты современных ему западноевропейских университетов: автономия, свобода преподавания наук. Кроме того, он стимулировал формирование системы гуманитарных наук в российских университетах, хотя не мог сразу поднять их преподавание на должную высоту. Для него характерен и утилитарный взгляд на высшее образование, как на подготовку для государства чиновников (6).

Неотъемлемой составляющей университетского образования являются общественные науки, как учебные дисциплины и как направления исследовательской работы. Образцовое во многих отношениях гуманитарное образование в дореволюционной России базировалось на историко-филологических факультетах. Оформление системы гуманитарного образования в российских университетах шло на протяжении всего XIX в. Начало данного процесса нашло отражение в возникновении новой

университетской структуры – отделения словесных наук.

В соответствии с университетским уставом 1804 г., общественно-филологические дисциплины преподавались на отделении нравственных и политических наук и на отделении словесных наук. Отделение нравственно-политических наук приобрело общетеоретический характер по сравнению с узкоспециальным юридическим факультетом второй половины XVIII в. Само его название свидетельствовало о том, что нравственной подготовке будущих государственных деятелей придавалось особое значение.

Вторым отделением гуманитарного профиля было отделение словесных наук. Учреждение специального словесного факультета расширяло круг изучаемых в университете гуманитарных дисциплин и улучшало постановку их преподавания.

В первой половине XIX в. формирование системы исторического образования проявилось в стремлении придать ему более четкий статус в учебно-научной структуре университетов. В соответствии с традициями германских университетов и средневековыми представлениями о всеобъемлющем свойстве философии, как науки, историческое образование было включено в общую систему философского.

В первой половине XIX в. интенсивное развитие исторической науки носило общеевропейский характер. В этом движении можно выделить несколько ведущих тенденций. Во-первых, сближение истории с философией, обострение интереса к вопросам методологии истории, проблемам философии истории. С другой стороны, не менее интенсивное сближение истории с социальными исканиями. Социальность становится существенным признаком исторического мышления (7).

Развитие науки и учебных средств университетов ставило под сомнение целесообразность существования единого философского факультета в университетах. В соответствии со ст.11 нового устава российских университетов, принятого в 1835 г., философский факультет фигурирует в составе двух отделений, каждое из которых пользовалось правами отдельного

факультета. В рамках одного из них велось преподавание историко-филологических дисциплин: философии, греческой словесности и древностей, римской словесности и древностей, российской словесности и истории русской литературы, истории и литературы славянских наречий, всеобщей истории, российской истории, политической экономии и статистики (8). Другое отделение было физико-математическим.

Участие правительства в делах российских университетов обнаруживается на стадии формирования и развития корпуса университетских исторических кафедр. Мы разделяем точку зрения исследователя В.И. Чеснокова, что «…организация преподавания истории в университетах, опиравшаяся на систему исторических кафедр и наук, вырабатывалась в России первой половины XIX в. как потребностями самих этих учебных заведений, так и при правительственном участии» (9).

Университетские уставы 1804 г. и 1835 г. особое место отводили «составу и предметам каждого факультета». «Состав факультетов» подразумевался как совокупность кафедр, предметы факультетов, не исключая возможность разделения кафедр и их наук на составные части, в ранних университетских уставах были идентичны кафедрам.

Формирование структуры кафедр исторических наук на раннем этапе деятельности российских университетов шло по линии разделения преподавания универсальной истории на историю всемирную и российскую. Устав 1804 г. предусматривал распределение преподавания истории между двумя кафедрами, и соединял его с изучением географии и статистики, как наук, расширяющих и подкрепляющих исторические знания студентов: «…преподавание географии со статистикой давало столь необходимое в то время описание России в широком аспекте…» (10). В то же время сам факт учреждения такой кафедры на отделении словесности предопределил служебное положение географии и ограничивал ее развитие как науки.

Итак, вместо сложной по составу предметов кафедры «истории универсальной и российской, также древностей и геральдики»,

предусмотренной уставом Московского университета 1755 г., в российских университетах были образованы две новые кафедры - «всемирной истории, статистики и географии» и «истории, статистики и географии Российского государства» (11). Со времени устава 1804 г. в распределении предметов между кафедрами исторических наук четко прослеживается разделение между отечественной и всеобщей историей. Правда, на первых этапах деятельности в российских университетах курс всеобщей истории не был расчленен на периоды и читался одним профессором. При этом преподавание античных древностей, как раздела всемирной истории, еще длительное время причислялось к кафедрам классической филологии.

Кроме того, в Московском университете на отделении словесности по инициативе попечителя Московского учебного округа М.Н. Муравьева была учреждена специальная кафедра теории изящных искусств и археологии. Устав 1804 г. предписывал раздельное чтение истории и теории искусства. В Казанском и Харьковском университетах подобных кафедр не предусматривалось.

Дальнейшая эволюция исторических кафедр свелась к освобождению их от дополняющих историческую науку географии и статистики, которые все больше стали приобретать самостоятельное значение. Это было закреплено в уставе российских университетов 1835 г., конституировавшем “чистые” исторические кафедры - всеобщей истории и российской истории, развившиеся затем в крупные подразделения историко-филологических факультетов. При этом история Российского государства была переименована с учетом требований науки отечественной истории в российскую историю. Роль данного предмета в университетском курсе особенно подчеркивалась: «По важности своего значения кафедра нашей отечественной истории во всех университетах, кроме Дерптского (который пользуется особым уставом), составляет предмет отдельный, самостоятельный, обращающий на себя после кафедры закона Божия особенное внимание».

Устав 1835 г. несколько изменил состав предметов, преподаваемых в

первом отделении философского факультета. В частности, к числу преподаваемых дисциплин была прибавлена философия. В Московском университете упразднялась кафедра истории и теории искусств. Составной частью университетского историко-филологического образования становились славяноведение, язык и литературы зарубежных славянских народов, изучавшиеся ранее в академических учреждениях (12). Так, В уставе 1835 г. было предписано «учреждать кафедры истории и литературы славянских наречий» в российских университетах – Московском, Петербургском, Казанском и Харьковском.

Славяноведение представляло собой комплексную дисциплину с филологическим уклоном и включало славянские языки и литературы, «славянские древности» (то есть элементы археологии, истории, фольклора и этнографии), а также историю славян. В русле славянской политики самодержавия этого времени, организации преподавания в университетах истории славян придавалось особенное значение. Подразумевалось, «…что эта область науки не только является частью необходимого для студентов знания отечественной и всеобщей истории, но и несет на себе важную идеологическую нагрузку, научно подкрепляет идеалы славянского единства и взаимности» (13). Однако устав 1835 г. не обозначил ее как самостоятельный предмет историко-филологического образования, и история славянских народов не вошла в структуру кафедры всеобщей истории. Преподавание данной дисциплины было отнесено к учрежденной в 1835 г. филологической кафедре истории и литературы славянских наречий.

Соответствующие кафедры в университетах заняли подготовленные за границей профессора-слависты – О.М. Бодянский в Московском университете, П.И. Прейс – в Петербургском, В.И. Григорович – в Казанском и И.И. Срезневский - в Харьковском университете (14). Процесс становления преподавания славяноведческих дисциплин осложнялся отсутствием определенной программы курсов, специальных учебников. Студенты пользовались в основном библиотеками профессоров, привозивших из

заграничных командировок славянские рукописи или их копии, славянские книги и словари.

На первом этапе преподавания славяноведения в российских университетах история славян не выделялась в самостоятельную дисциплину, что произошло только в 1860-е г.г. К этому времени увеличилось число университетов и славистических кафедр, возникли новые научные общества с собственными печатными органами, выросло второе поколение славистов. Однако вплоть до начала XX в. в России не было славистов, подготовленных, прежде всего, для преподавания истории славян (15).

Несколько отличался состав кафедр первого отделения философского факультета университета св. Владимира, открытого в Киеве 15 июля 1834 г. в соответствии с императорским указом от 8 ноября 1833 г. Во временном уставе этого университета, утвержденном в 1833 г., предусматривалась единая кафедра «всеобщей и российской истории и статистики». При этом преподавание русской истории начиналось после курса всеобщей истории, то есть на старших курсах. Но в 1842 г. университет получил новый устав, уравнявший его в области структуры исторических кафедр с другими российскими университетами (16).

В Санкт-Петербургском университете принципиального разделения кафедры истории в ранний период его существования не произошло. Преобразование Главного педагогического института в университет в 1819 г. не ставило перед собой задачи коренной ломки уже сложившейся структуры учебного заведения. Были сохранены все три факультета института, а также функционировавшие при них кафедры. В том числе и кафедра истории, предметом которой была “история всеобщая и в особенности Российского государства” (17). Самостоятельная кафедра русской истории в университете появилась несколько позже – в январе 1834 года, когда экстраординарным профессором по данной кафедре был утвержден Н.Г. Устрялов.

В Дерптском университете нерасчлененная историческая кафедра просуществовала до 1853 г. Однако эти частные явления не отражали общее

направление в процессе деления исторических кафедр.

Итак, на протяжении первой половины XIX столетия в рамках философского факультета российских университетов вырабатывалась более или менее единая структура кафедр исторического профиля. С одной стороны, было разделено преподавание универсальной истории на историю всемирную и российскую. Кроме того, соответствующие кафедры освобождались от наук, первоначально объединявшихся с историческими. В развитии системы кафедр исторического профиля в университетах Российской империи учитывались потребности университетов, стоявших перед фактом дифференциации наук.

Важной проблемой, связанной со становлением исторического образования и структуры кафедр на соответствующих факультетах в российских университетах, явилась подготовка профессорских кадров для замещения данных кафедр и обеспечения учебного процесса. Развитие университетов Российской империи было сопряжено с поисками теоретических и организационных основ подготовки преподавателей для собственных нужд. Следует отметить, что само понятие «кафедра», широко используемое в университетском и министерском лексиконе в дореволюционной России, фактически отождествлялось с ординарной профессурой по тому или иному фундаментальному предмету факультетской подготовки (18). Открытие университетов в России требовало решения в короткие сроки проблемы их обеспечения профессорско-преподавательскими кадрами. Многие дисциплины не преподавались в виду отсутствия необходимых специалистов, а кафедры оставались вакантными в течение долгого времени.

В обязанность профессоров в соответствии с уставом 1804 г. входило «преподавать курсы лучшим и понятнейшим образом и соединять теорию с практикой во всех науках, в которых нужно;…пополнять свои курсы новыми открытиями, учиненными в других странах Европы…» (19).

Решение проблемы воспроизводства профессорско-преподавательского корпуса требовало совместных усилий правительства и университетской профессуры. Поиски наиболее оптимальных путей подготовки необходимых

специалистов предусматривали не только изучение собственного опыта, но и обращение к традициям университетской жизни стран Западной Европы.

Устав 1804 г. устанавливал меры для пополнения наличного профессорского состава в Московском университете и открывавшихся Харьковском и Казанском университетах. Так, в параграфе 57, предусматривалось назначение правительством кандидатов и утверждение со стороны Министра просвещения лиц, рекомендованных советом университета. В деле замещения вакантных профессорских должностей значительной была роль самого факультета: факультет был первой инстанцией, где ставился и рассматривался детально вопрос о достоинствах предлагавшегося кандидата. В некоторых случаях факультет предварительно назначал для него определенные испытания. В целом, в деле замещения вакантных преподавательских должностей заключались элементы дифференциации функций факультета от совета, выделение его в более самостоятельную часть целого - университета. Данный процесс получил развитие при действии следующих университетских уставов.

Первоначально применялись два способа пополнения преподавательского состава в российских университетах: во-первых, приглашение иностранцев, во-вторых, - немногочисленных русских ученых. Чтобы устранить несоответствие между возросшей потребностью в преподавательских кадрах и возможностью ее удовлетворения, Министерство народного просвещения открыло двери российских университетов для иностранных ученых. Приглашение специалистов из западноевропейских университетов сыграло большую роль в становлении университетского преподавания, в том числе гуманитарных дисциплин. Привлечение иностранных преподавателей в начале XIX столетия являлось насущной необходимостью для российских университетов, так как в стране было недостаточно собственных кадров. Особенно значительным было влияние немецкого элемента: так в Харьковском университете в 1803-1814 гг. из 47 преподавателей 29 были иностранцами (20). Мотивы их переселения были различны, но в основном политического или финансового характера. Следует

отметить, что уровень образования и научный ценз иностранных преподавателей в начале XIX в. был выше, чем российских. Среди иностранцев было немало видных ученых, получивших признание у себя на Родине. Их деятельность позволила в определенной степени решить проблему замещения вакантных кафедр и становления ряда научных дисциплин на первых этапах деятельности российских университетов.

Начало подготовки собственных молодых преподавателей, именуемых «профессорскими кандидатами», А.Н. Якушев относит к 1808 г., когда 12 студентов Петербургского Главного педагогического института были командированы за границу в университеты с целью подготовки к профессорскому званию (21).

В 1827 г. при Дерптском университете было решено создать Профессорский институт для подготовки специалистов, в которых нуждались российские университеты. Этой мерой правительство стремилось обеспечить подготовку национальных кадров для замены профессоров – иностранцев. По настоянию Николая I все направляемые в институт молодые люди должны были быть “непременно природными русскими”. Выбор Дерптского университета в качестве базы для института объяснялся наличием тесных связей с европейской, преимущественно немецкой наукой. Кроме того, университет в Дерпте был лучше, чем другие российские университеты, укомплектован преподавателями, среди которых немало было выдающихся ученых.

В Дерпт направлялись лучшие выпускники или студенты старших курсов российских университетов. После двухлетнего обучения в профессорском институте, двух лет пребывания в различных европейских университетах и года подготовки на родине они должны были сдать экзамены, написать и защитить диссертацию, после чего могли занять профессорские вакансии в российских университетах.

Молодые ученые, окончившие свое образование за границей под руководством опытных профессоров, начали преподавательскую деятельность

в 1830-е гг. Многие из них стали выдающимися учеными и талантливыми педагогами, способствовавшими развитию исторической науки в российских университетах.

К началу 30-х гг. XIX в. настоятельно возникла необходимость обновления профессорского состава и кардинальной структурной перестройки университетских дисциплин на отделении словесности в российских университетах. К этому времени просветительский взгляд на историю и изящную словесность как на средство воспитания идеального человека и гражданина, господствовавший в университетском образовании в первой трети XIX столетия, постепенно стал уступать место более конкретным задачам воспитания образованных и сознательных граждан Российской империи.

Большое значение в свете национальной политики Николая I придавалось изучению отечественной истории и литературы, основ российского государства и права. Устав 1835 г предусматривал создание чистой кафедры русской истории. Среди преподаваемых наук первого отделения философского факультета наряду с всеобщей историей значилась российская история, а не русская, как прежде. Однако кафедра, на которой эта наука преподавалась, осталась «русской».

Министерство народного просвещения, возглавляемое С.С. Уваровым, проявило заинтересованность и целенаправленность в подборе профессоров на эти кафедры. Нужны были люди, которые могли не только возглавить кафедру, но и привить любовь студентам к отечественным древностям, интерес к изучению фактического материала. Характерное для того времени расширение источниковой базы требовало появления во главе кафедры российской истории человека, который сам занимался сбором и публикацией исторического материала. Это «…должно было сменить столь привлекательное для молодежи, но не всегда полезное для исторической науки стремление к ниспровержению авторитетов и вычеркиванию целых периодов истории, которые из-за недостаточной изученности объявлялись баснословными…» (22).

Так на новообразованные кафедры российской истории были назначены

М.П. Погодин в Московском и Н.Г. Устрялов в Петербургском университете. Обе кафедры придерживались в то время одного, шлецеровского в своей основе, понимания задач русской исторической науки; и ориентировались на разыскание и публикацию источников по русской истории и их первичную обработку. Важно отметить патриотическую направленность трудов и учебных курсов обоих ученых в духе теории официальной народности. Так, в самом названии университетского курса Н.Г. Устрялова «Русская история» и его содержании – история «русской народности», позиция ученого обозначена предельно четко. Соответствие данных кандидатур взглядам министра просвещения С.С. Уварова, создателя теории официальной народности, изначально обрекло этих ученых на отрицательное отношение со стороны западнически настроенной молодежи. Негативная оценка взглядов и деятельности профессоров М.П. Погодина, Н.Г. Устрялова позже перешла к либеральным историкам университетского образования, а затем и в марксистскую историографию. Господство подобной точки зрения мешало по достоинству оценить вклад в развитие исторической науки и образования этих ученых и педагогов. Именно они подготовили почву для деятельности выдающихся историков, таких как С.М. Соловьев, К.Д. Кавелин и др. (23).

Устав 1835 г. предъявлял высокие требования к профессорско-преподавательскому составу российских университетов. Так, на должность ординарного или экстраординарного профессора мог претендовать только доктор наук по профилю соответствующего факультета. Чтобы стать адъюнктом кафедры, претендент должен был обладать ученой степенью магистра по профильной отрасли знаний. Профессор мог заведовать в университете только одной кафедрой, по разрешению министра народного просвещения ему разрешалось совмещать работу на второй. Основной обязанностью профессора было чтение лекций студентам в объеме не менее восьми часов в неделю.

Если ученый желал участвовать в конкурсе на замещение вакантной должности профессора, он обязан был прочитать три пробные лекции в

присутствии ректора университета и декана соответствующего факультета. После успешного прохождения конкурса кандидаты утверждались в звании профессора или адъюнкта министром народного просвещения. Кроме того, министр имел право своим решением назначать известных ученых и специалистов на вакантные должности без проведения конкурса.

Таким образом, устав 1835 г. предусматривал следующие способы замещения вакантных кафедр в университетах. Во-первых, избрание кандидатов советом (п. 27-30), во-вторых – выбор кандидатов на конкурсной основе (п.78), назначение со стороны министерства (п. 80). Кроме того, к профессорскому званию готовил и Дерптский университет, но с 1848 г., в русле правительственной политики изоляции России от революционной Европы командирование молодых специалистов за границу было прекращено.

Под влиянием европейской науки, идей гегелевской философии обозначились коренные изменения в преподавании истории в российских университетах с 30-х гг. XIX в. Во главе новообразованных исторических кафедр стали молодые талантливые ученые, яркие личности. С их деятельностью многие исследователи традиционно связывают начало формирования научных школ в области университетской исторической науки, оказавших значительное влияние на ее развитие в стране. Так на кафедры всеобщей истории получили назначение М.С. Куторга в Петербургском университете, М.М. Лунин – в Харьковском.

Задачей университетов в начале XIX в. явилась не только подготовка специалистов для государственной службы, но и формирование контингента собственных абитуриентов. В Казанском и Харьковском университетах в первые годы их существования число студентов было недостаточным, что объяснялось отсутствием в пределах данных учебных округов учебных заведений среднего звена – гимназий, которые стали открываться только после учреждения университетов (24). Кроме того, многие молодые люди, поступавшие в университет, не были готовы к обучению. По воспоминаниям Д.Н. Свербеева «…само преподавание профессоров, как оно не было

поверхностно, не могло идти впрок ни одному из моих сверстников студентов…» (25).

Среди абитуриентов можно выделить две возрастные группы – старшие, выпускники семинарий и гимназий, которые уже были знакомы с науками, преподаваемыми в стенах университета, и действительно учились. Семинаристы были подготовлены к более основательному изучению историко-филологических наук. В семинариях они получали основательную гуманитарную подготовку, базирующуюся на классицизме, составлявшем стержень университетского исторического и филологического образования: они свободно читали и переводили сложные греческие и латинские тексты, писали серьезные сочинения на латыни. Изучали французский, немецкий, староеврейский языки, историю и филологию в объеме, не меньше, чем в классических гимназиях; знакомились с началами философии, логики и психологии.

Что касается младшего поколения студентов, то это были выходцы из аристократических кругов, слабо подготовленные к слушанию университетских лекций и «…больше проказничали». Д.Н. Свербеев описал готовность к обучению в университете, характерную для многих юных дворян, на личном примере: «Русскую историю до Петровского времени знал в главных чертах, о новейшей не имел никакого понятия. То же со всеобщей. Греки и римляне были мне еще сведомы; дошли до моего уха и варвары, и переселение народов, и средние века; но что касается Реформации, и особливо Французской революции, такой близкой к моему отрочеству, то я всегда боялся, когда меня о них спрашивали...» (26).

Однако устав 1804 г. требовал от молодых людей владение определенными знаниями, необходимыми для слушания и восприятия университетских лекций. Так в соответствии с п. 109 устава «никто не мог быть принят в университет студентом, не имея нужных познаний для слушания курсов, в университете преподаваемых» (27). Необходимо было и доказательство наличия образования: для этого в правление университета предоставлялось соответствующее

свидетельство об окончании гимназии или документ, подтверждающий имеющиеся знания в конкретных областях наук. Ни возрастные ограничения, ни оплата за обучение уставом не предусматривались.

К 30-м гг. XIX столетия министерство народного просвещения все больше утверждалось в мысли о необходимости вступительных экзаменов. Их введение было призвано повысить общий образовательный уровень студенчества. Так, принципиальным отличием устава университета св. Владимира в Киеве, разработанного в 1833 г., явился установленный порядок набора студентов: теперь выпускники большинства гимназий лишались права поступать в университет без испытаний.

Общий устав российских университетов 1835 г. также предусматривал четкие правила поступления в университеты. Все желающие стать студентами университетов, должны были выдержать предварительные испытания по правилам, утвержденным Министерством народного просвещения. Преимуществом при зачислении пользовались молодые люди, окончившие полный гимназический курс. По решению ректора университета лучшие выпускники гимназий могли зачисляться без предварительных испытаний.

Однако стремление к обучению в университетах выходцев из непривилегированных слоев общества и переполнение аудиторий изменило позицию правительства в отношении студенчества. По мнению министра народного просвещения С.С. Уварова, число таких студентов необходимо было строго контролировать «посредством законодательства или косвенно – через введение налога на образование» (28). «Принимая во внимание, - говорилось в «предложении» 1845 г., - что в вузах страны через меру умножился прилив молодых людей, рожденных в низших слоях общества, для которых высшее образование бесполезно, составляя лишнюю роскошь и выводя их из круга первобытного состояния без выгоды для них самих и государства, необходимо не столько для усиления экономических сумм учебных заведений, сколько для удержания стремления юношества к образованию в пределах некоторой соразмерности с гражданским бытом разнородных сословий, - повысить плату

за обучение» (29). В то же время студенты из привилегированных сословий не стремились устраиваться на казенную службу. В связи с этим правительство приняло меры, чтобы, с одной стороны, привлечь этих молодых людей к государственной службе, а с другой – отвлечь часть юношества от поступления в университеты. В итоге в 1849 г. количество студентов в университетах сокращалось до 300 человек в каждом.

На протяжении 1830 - 40-х гг. происходит постепенное обособление отделений философского факультета. Завершением данного процесса явилась реорганизация самого факультета, проходившая на фоне укрепления консервативных начал в образовательной политике царизма с середины XIX в. и кампании притеснения философского образования.

К этому времени обострилась внутриполитическая ситуация в стране. С одной стороны, царизм, напуганный сначала выступлением декабристов, а затем революционными потрясениями в Европе 1830 и 1848 гг., принимает меры против опасных веяний с Запада, а так же распространявшихся в русском обществе материалистических и демократических идей. В годы правления Николая I (1825-1855) «формально укрепился узкоутилитарный и дворянско-классовый характер политики правительства в области образования» (30). Политика правительства в этот период была направлена на борьбу с либеральными и революционными идеями среди студентов и профессуры, воспитание у студентов монархических настроений (31).

Одним из инициаторов правительственного курса «…по ограждению юношества, получающего образование в высших учебных заведениях, от обольстительных мудрствований новейших философских систем…» (32) явился министр народного просвещения С.С. Уваров. Будучи высокопоставленным административным работником, он явился и непосредственным творцом официальной образовательной и идеологической программы, консервативной в своей сущности.

С.С. Уваров выдвинул концепцию, в которой утверждалось, что народное образование должно осуществляться в соединенном духе Православия,

Самодержавия и Народности. Предлагалось создание системы образования, основанной на охранительных принципах, способной уберечь молодое поколение от влияния европейских революционных идей. Именно обращение к истокам, национальным особенностям является спасением для России, так как она «…невзирая на повсеместное распространение разрушительных начал, сохраняла теплую веру к некоторым религиозным, моральным и политическим понятиям, ей исключительно принадлежащим» (33). Эти понятия составляют основу будущей идеологии, сформулировать которую, по мнению Уварова, должно министерство народного просвещения.

Министр осознавал, что создание и внедрение подобной идеологии в систему образования – задача трудновыполнимая. Поэтому перед министерством были поставлены основные задачи, выполнение которых должно привести к достижению главной цели. Во-первых, предусматривалось создание такой системы образования, которая, опираясь на национальные корни, одновременно находились бы в органической связи с европейскими системами образования. Кроме того, Уваровым предлагалось разработать систему мер, направленных на ограничение европейского влияния и создание действенной системы надзора за общественным мнением.

В широких общественных кругах программа преобразований С.С. Уварова была расценена как глубоко реакционная. Негативная оценка результатов деятельности С.С. Уварова на посту министра народного просвещения характерна для дореволюционных авторов либерально-демократического толка. Советская историография рассматривала С.С. Уварова прежде всего, как реакционера и создателя «теории официальной народности», которая отражала политические идеалы царизма. В связи с эти имя человека, долгое время возглавлявшего систему народного образования в России, было отодвинуто в историографическую тень.

Своеобразие общей установки Уварова заключалось в стремлении соединить усвоение Россией европейской системы образования с сохранением собственной социально-политической системы. В процессе реформирования

страны, направленного на ее дальнейшую европеизацию, необходимо учитывать, по мнению Уварова, самобытность российского уклада. Главными составляющими последнего выступают фундаментальные устои русской истории Православие, Самодержавие и Народность. Вместе с тем Уваров понимал историческую целесообразность приобщения русского общества к современному европейскому образованию, эталоном которого было именно образование классическое.

Характерной чертой политики Уварова на посту министра народного просвещения явилась принципиальная и последовательная ориентация на классическое образование и антиковедную науку, приверженность эстетическим идеалам классицизма. Источник русского классицизма он видел не столько в латинской образованности, сколько греческой, через Византию смыкавшуюся с Древней Русью (34). Именно мысль о фундаментальном значении греческого классицизма для новой русской культуры реализовывалась в образовательной политике Уварова. Вообще можно отметить в дореволюционной России некоторое преобладание в занятиях классической древностью интереса к эллинству: греческой истории и словесности, что во многом объяснялось традициями византийского влияния на русскую культуру. Так, натиску новых разрушительных идей сознательно был противопоставлен консервативный барьер в лице усиленного классического образования.

В течение 40 -50-х гг. устав российских университетов 1835 г. подвергся целому ряду ограничений. В 1846 г. ряд университетов (Харьковский, Киевский) были подчинены военному ведомству генерал-губернаторств. В 1849 г. были отменены самые важные статьи Устава: Совет лишился выборных полномочий, сокращалась численность студентов, преподавание было строго ограничено рамками программ, прекращались заграничные командировки преподавателей. Тем самым был нанесен удар по академической свободе. Свободное академическое общение, являющееся неотъемлемой составляющей идеи университета, было искусственно ограничено.

И, тем не менее, несмотря на значительное усиление влияния государства

на все стороны российской действительности, в том числе и высшее образование, в университетах царила рабочая атмосфера. Преподавание велось лучшими на тот момент профессорами. Так, в Московском университете на это время приходится деятельность Т.Н. Грановского - профессора всеобщей истории, выдающегося русского историка С.М. Соловьева. В университетских аудиториях занимались студенты, «свято верившие в высокую силу настоящей науки…» (35). Среди них был будущий профессор всеобщей истории Московского университета В.И. Герье, в студенческие годы организовавший кружок консерваторов, ратовавший за улучшение преподавания научных дисциплин.

Революционные события 1848 – 1849 гг. оказали серьезное влияние на положение высшей школы в России. Император Николай I, видел одну из причин революционных выступлений в несовершенстве образовательной системы. В связи с чем он предложил министру народного просвещения князю П.А. Ширинскому-Шихматову «представить соображение о том, полезно ли преподавание философии при настоящем предосудительном развитии этой науки германскими учеными, не следует ли принять меры к ограждению нашего юношества, получающего образование в высших учебных заведениях, от обольстительных мудрований новейших философских систем». В 1849 г. правительственным постановлением кафедра философии была упразднена в российских университетах, чтение же курсов логики и психологии было возложено на профессоров богословия, а программы по этим наукам составлялись по согласованию Министерства Народного Просвещения с Духовным ведомством – Святейшим Синодом (36).

В 1850 г. был реорганизован философский факультет в российских университетах. Некоторые исследователи склонны трактовать акт упразднения философского факультета в плане проявления реакционной политики "изоляции России от Западной Европы" (37). По мнению ряда современных ученых, ликвидация философского факультета, несмотря на ее связь с общей кампанией "потеснения" университетов, была совершенно необходима и

совпала с процессом дифференциации университетских наук и образования. Само наименование факультета «философский» в середине XIX в. выглядело анахронизмом и не соответствовало ни задачам факультета, не готовившего философов, ни кругу преподаваемых в нем предметов (38).

Дифференциация и обособление наук в России предреформенных десятилетий, обусловленные как закономерностями их собственного развития, так и постепенным развитием капиталистического уклада, влекли за собой изменения в структуре и организации университетского образования. Первым признаком такого влияния стало появление в структуре университетов феномена «факультет» (39).

Отделения философского факультета пяти университетов России, в соответствии с постановлением Министерства народного просвещения в 1850 г. были «…переименованы факультетами: первое - историко-филологическим, второе - физико-математическим» (40). Объяснялось это тем, что «…между собой эти отделения не имели ничего общего…и представляли каждый в особенности полный факультет со всеми принадлежностями и соединены без достаточной причины» (41).

Данное деление затронуло и философский факультет особого Дерптского университета. Здесь факультет был создан на основе филолого-исторического класса, входившего в состав философского факультета (42). К числу предметов этого класса были отнесены: «…красноречие, древняя классическая философия, эстетика и история художеств, история литературы, древняя классическая филология, педагогика, российский язык и словесность, статистика и география, историческая наука» (43).

Мы разделяем точку зрения исследователя В.И. Чеснокова, что для российской университетской системы возведение словесного отделения в ранг историко-филологического факультета имело прогрессивное значение, «…поскольку оно позволяло придать подготовке историков-филологов большую профессиональную направленность и создавало условия для развития внутрифакультетской специализации…» (44). Наличие в университетах России

с 1850 г. историко-филологического факультета определяло их национальное своеобразие. Так, в некоторых странах Западной Европы, в том числе Германии, универсальные философские факультеты существуют и в настоящее время.

1.3. Содержание исторического образования в университетах России.

Важной стороной деятельности университетов и Министерства народного просвещения являлась работа по организации учебного процесса на факультетах. В рассматриваемый период историческое образование было соединено с филологическим и входило в общую систему философского образования. Российская университетская мысль на протяжении всего XIX в. признавала единство и обоюдную пользу исторических и филологических знаний. Что нашло отражение не только в чтении части лекций и требовании вести диспуты на защитах магистерских и докторских диссертаций на латинском языке, но и в повышенном внимании к углубленному изучению греческих и римских древностей. Особое внимание в учебном процессе на историко-филологическом отделении философского факультета уделялось изучению древних языков.

Обучение в университетах в начале XIX столетия разделялось на два этапа: общеобразовательный (приуготовительный) непосредственно курс факультетских наук. К общим курсам обычно относились латынь, русский язык, философия, история, основы права, статистика (1). На право слушания лекций слушателям выдавалась табель на латинском языке, в которой по каждому факультету были представлены все предметы университетского учения с именами профессоров. Ректор же отмечал в них, по своему усмотрению, предметы, изучение которых было обязательно для данного студента. В соответствии с п. 109 устава 1804 г. только тот, «…кто прослушал

науки приуготовительные (общеобразовательная часть), может перейти к специальным лекциям по определенному факультету» (2).

Главным результатом деятельности университетов и правительства по организации учебного процесса стало утверждение в российских университетах с начала их деятельности курсовой системы распределения факультетских предметов и чтения по ним лекций, состоявшей в зачете годовых курсов. Устав 1835 г. устанавливал двусеместровую систему. Обязательными для сдачи становились полукурсовые и курсовые переводные экзамены, кроме того, в каждом семестре предусматривался выбор студентом двух предметов, по которым также необходимо было сдать экзамен.

Содержание образования определяется учебным планом. Перед началом каждого учебного года составлялся учебный план, где «курс учения по каждой кафедре во всех факультетах располагался непременно на один год…» (3). Распределение лекций составлялось ежегодно, в начале или конце каждого академического года, перед летними каникулами или после них, на основании заявлений преподавателей о предложенных ими курсах. В соответствии с уставом 1835 г. обязательный учебный план, который предусматривал определенную последовательность в овладении знаниями, устанавливался для каждого семестра.

Устав 1835 г. строго регламентировал деятельность профессоров. Перед началом каждого семестра преподаватели должны были предоставлять декану факультета программы своих чтений в наступающем семестре. Эти программы обсуждались в факультете и предоставлялись на утверждение попечителя учебного округа. По окончании полугодия преподаватели предоставляли отчеты о проделанной работе, рассмотрение которых проходило те же инстанции. Подобная система входила в противоречие с самими основами университетского преподавания, складывавшимися долгое время. И «…вводила администрацию в самую лабораторию профессорского преподавания и вела к крайне вредному для жизни университетов подавлению индивидуальности преподавателей…» (4).

Содержание образования получает конкретизацию в учебных дисциплинах. Историческое образование в рассматриваемый период означало подготовку студентов в области политических наук, изящных искусств и древностей, словесности и истории. Предусматривалось изучение таких исторических дисциплин, как классические древности, всемирная история, история Российского государства и – в Московском университете – теория и история изящных искусств и археология. При этом устав 1804 г. предписывал раздельное чтение истории и теории искусств (5).

Следует отметить, что номенклатура историко-филологических наук, преподаваемых в российских университетах, вырабатываемая в первой половине XIX в., явилась, прежде всего, результатом правительственной политики. Уставы российских университетов 1804 и 1835 гг. не предусматривали инициативы университетов в вопросах о составе факультетских предметов.

Организации преподавания истории в российских университетах придавалось большое значение. Подчеркивалось, что цель его – «не только изучение самих происшествий», но, прежде всего познание причин тех или иных деяний людей для того, чтобы, сопоставляя «нынешнее состояние людей» с прошлым, направить «влияние их на благо общества». Итак, чтобы понимать события и судить о них, историк должен был сначала узнать «природу и свойства людей», в связи с чем ему предписывалось изучать «эмпирическую психологию, естественное и общественное право, международные отношения, государственное хозяйство, статистику и энциклопедию наук, чтобы найти главные точки, с коих он должен взирать на исторические происшествия. Сначала он должен заняться всемирною и частной историей государств, после чего уже пройти историю словесности, земледелия, промышленности». Он должен также был знать и вспомогательные исторические науки: «историческую словесность и критику (т.е. историографию), хронологию, историческую географию, генеалогию, дипломатику, нумизматику и геральдику» (6).

Сами науки факультетского курса распределялись по следующим кафедрам: греческого языка и греческой словесности; древностей и языка латинского; красноречия, стихотворства и российского языка; всемирной истории, статистики и географии; истории, статистики и географии российского государства; теории изящных искусств и археологии; восточных языков (7). Следует отметить, что в ранних университетских уставах (1804 г., 1835 г., второй устав Дерптского университета 1820 г., временный устав университета св. Владимира в Киеве, Высочайше утвержденный в декабре 1833 г.) предметы факультета были идентичны кафедрам, хотя не исключалась возможность разделения кафедр и их наук на составные части. Так, в Харьковском университете в рамках курса всеобщей истории читалась древняя история с хронологией, статистика, география и история европейских государств. Впоследствии были добавлены лекции по истории средних веков и нового времени (общее философское обозрение), а так же специальные курсы исторической критики и истории успехов человеческого ума в искусстве, науке, политике, гражданских и церковных учреждений; новейшая история, нумизматика, историческая пропедевтика, археология всеобщей истории (8).

Некоторые преподаватели словесного отделения, не довольствуясь предметами, определенными уставом 1804 г., читали специальные курсы, законодательно не предусмотренные (педагогика, нумизматика и пр.). В частности, в Харьковском университете профессор Г.П. Успенский читал лекции по русским древностям. Его сочинение “Опыт повествования о русских древностях”, являющееся систематическим очерком внутреннего быта допетровской России, долгое время оставалось единственным в своем роде вплоть до 1890 г., когда в свет вышел труд профессора В.И. Сергеевича “Русские юридические древности”.

Со времени действия устава 1804 г. в преподавании истории четко прослеживается разделении между отечественной и всеобщей историей. Правда, на ранних этапах деятельности российских университетов курсы отечественной и всеобщей истории не были расчленены на периоды.

В соответствии с уставом российских университетов 1835 г. история Российского государства была переименована в российскую историю. Роль данного предмета в университетском курсе особенно подчеркивалась: «По важности своего значения кафедра нашей отечественной истории во всех университетах, кроме Дерптского (который пользуется особым уставом), составляет предмет отдельный, самостоятельный, обращающий на себя после кафедры закона Божия особенное внимание».

Устав несколько изменил состав предметов, преподаваемых на факультете. В русле славянской политики Николая I составной частью историко-филологического образования становилось славяноведение – комплексная дисциплина с филологическим уклоном, включавшая славянские языки, литературы, славянские древности (элементы археологии, фольклора, этнографии), историю славян. Организации преподавания в университетах истории славян придавалось особое значение. Подразумевалось, «…что эта область науки не только является частью необходимого для студентов знания отечественной и всеобщей истории, но и несет на себе важную идеологическую нагрузку, научно подкрепляет идеалы славянского единства и взаимности» (9).

Итак, данная структура наук, преподаваемых на историко-филологическом отделении философского факультета, отразила принципы разграничения, выработанные в западноевропейских университетах: подразделение всемирной истории на историю национальную и всеобщую (зарубежных государств и народов). В реальном воплощении этих принципов российские университеты обнаружили самобытность.

Спектр наук, отнесенных в российских университетах к всеобщей истории, был сложнее, чем в западноевропейских университетах. В русской науке и правительственном мнении всеобщая история рано стала предметом особого внимания, и в уставных перечнях университетских наук она всегда стояла впереди отечественной истории. В данной области исторической науки поддерживались тесные связи с европейскими учеными, особенно в области изучения античности. В области отечественной истории связи были несколько

слабее, что объяснялось незначительным числом специалистов по русской истории среди западноевропейских ученых в XIX в. обычно научные работы писались на основе материалов, находящихся в стране, и не требовали выезда за границу. В самих университетах Западной Европы история России, будучи для них частью всеобщей, не удостаивалась особого положения: она не была самостоятельным учебным предметом.

В первой половине XIX в. в университетской практике утверждались основные формы учебной работы со студентами. Ведущей формой обучающего процесса на протяжении столетия была признана профессорская лекция. Отсутствие учебников предопределило в русских университетах чтение полных лекционных курсов как по русской, так и по всеобщей истории. Предмет последней делился на три части: древняя, средняя и новая, но читались они одним профессором. Правительство придерживалось мнения о необходимости полного систематического преподавания учебных предметов гуманитарного цикла. Стремление к тому же профессуры обусловило превращение чтения полных курсов по русской, всеобщей и церковной истории в устойчивую традицию и особенность университетского преподавания в России. Преподаватели стремились к изложению концептуальных, идейно наполненных курсов. При этом лучшая часть профессуры стояла на позиции сочетания в лекции научной основательности и мастерства изложения материала, что делало ее событием в жизни слушателей.

Качеством читаемых лекций определялись преподавательские способности профессоров; на лекционном поприще, в первую очередь, выросла академическая и общественная известность ряда профессоров-историков. Уже в первой половине XIX в. начинает формироваться высокое представление об авторитете профессорской корпорации и статусе профессора в русских университетах. Складывается образ профессора, сочетающего в себе педагогическое мастерство, эрудицию, яркую индивидуальность. Примером этого может быть идеал университетского профессора, разработанный Н.И. Надеждиным, выдающимся профессором-гуманитарием Московского

университета первой половины 1830-х гг. Он хотел видеть русского профессора в «современных европейских формах» - ученого, говорящего на кафедре языком светского, блестящего красноречия (10). Дав критическую оценку профессоров 1800-1820-х гг.,, Надеждин указывал на то, что этот вопрос по-разному решается в просвещенных странах Европы. По его мнению, наиболее характерны два способа преподавания: немецких профессоров, которые придерживаются строго холодного систематизма и «представляют истину в нагом скелете понятий», и французских, которые «приносят на кафедру всю ловкость, всю развязность, все изящество современной цивилизации…немецких профессоров лучше читать, чем слушать; французских - лучше слушать, чем читать» (11).

Оба этих способа преподавания, по мнению Надеждина, «в своих крайностях неудовлетворительны…профессор должен читать как француз и печататься как немец…». Он должен учитывать, что студенты уже имеют определенную степень образования, и в своих лекциях должен прежде всего вдохновлять своих слушателей: «поэзию науки должен схватить университетский профессор и сообщить своим слушателям. Но поэзия не может передаваться в сухих формах методического учения, она требует живой, огненной импровизации…при этом в голове профессора должна находиться самая стройная, самая последовательная система, свобода должна являться только в форме изложения.

В первые десятилетия деятельности российских университетов к профессорским лекциям не предъявлялись высокие требования. Кроме пересказа сведений из научных трудов, предусматривалось знакомство студентов со специальной литературой. Количество специальных исследований и монографий, в области исторических наук, принадлежащих перу университетских профессоров, в этот период было не столь значительным, по сравнению со второй половиной XIX в. Это объяснялось тем, что деятельность профессоров в российских университетах в начале XIX столетия в первую очередь была направлена на распространение научных сведений в

общедоступной форме широкой публике.

Принципиальной проблемой учебной жизни российских университетов в ранний период их существования явился вопрос о языке преподавания. Тем более, что для этого периода было характерно поручение чтения лекций по фундаментальным дисциплинам преподавателям иностранных языков. Так в Московском университете Ю.П. Ульрихс, читавший курс всеобщей истории, одновременно преподавал немецкий язык. В Харьковском университете профессор А.И. Дегуров одновременно преподавал французский язык и всемирную историю. В Петербургском университете кафедру истории возглавлял Э.В. Раупах, преподававший и немецкий язык.

Профессора иностранцы настаивали на использовании латинского и немецкого языков в преподавании. Связано это было с тем, что университетская наука в то время строилась на основе методических пособий, разработанных крупнейшими западноевропейскими учеными – Винкельманом, Нибуром, Гриммом, Шлегелем, Шеллингом и др.

Но для становления национального университета принципиально важным было использование в учебной практике русского языка. В связи с этим наиболее актуальной для русских университетов становилась подготовка собственных профессорско-преподавательских кадров. Несмотря на то, что практика приглашения иностранных специалистов во многом позволила решить проблему преподавания ряда наук в качестве университетских дисциплин в начале XIX в., она не отвечала национальным интересам страны в деле образования. Уже в 1815 г. Министерство народного просвещения постановило, чтобы на вакантные кафедры в российских университетах определялись преподаватели исключительно русского происхождения.

Как упоминалось ранее, вскоре после начала работы, первые российские университеты столкнулись с отсутствием специалистов по многим отраслям науки, в том числе и по истории. Собственных научных и педагогических кадров не всегда хватало для обеспечения учебного процесса. Зачастую одному профессору приходилось читать несколько курсов, иногда даже не связанных

между собой. В качестве университетских преподавателей привлекались и учителя из гимназий. Кафедры истории из-за недостатка квалифицированных преподавателей первоначально нередко замещались разными людьми: это были и иностранцы, переселившиеся в Россию по политическим или финансовым соображениям; и собственные, наспех подготовленные преподаватели – “… историки столь же неопределенного профиля, как и их иностранные коллеги, но еще менее знающие и образованные; и, наконец, вовсе случайные люди - чиновники или литераторы, не имевшие ничего общего с наукой” (12). Зачастую лекции таких преподавателей оказывались поверхностными обзорами событий, лишенными научного содержания, или переложениями каких-нибудь общих трудов.

Деятельность талантливых преподавателей на раннем этапе существования российских университетов способствовала формированию подлинного интереса к наукам и научным занятиям. Общие лекционные курсы исторического содержания по преимуществу были достоянием профессоров.

Следует отметить, что в первой четверти XIX столетия в университетах России на отделении словесности научные интересы профессоров не всегда совпадали с профилем занимаемых ими кафедр. Во многом это было связано с недостаточным развитием методики преподавания ряда гуманитарных дисциплин и отсутствием специалистов в этих областях наук. Сама история в этот период только начинала оформляться как самостоятельная научная дисциплина в российских университетах, постепенно трансформируясь от описательности к научности.

Сказалось и несовершенство преподавания некоторых предметов гуманитарного профиля. Кроме того, вскоре после принятия устава 1804 г. выяснилось несовпадение факультетской структуры с программой университетских курсов. Из-за нехватки профессоров и недостаточной дифференцированности исторической науки того времени, профессора всеобщей истории нередко читали лекции и по истории России. И, наоборот, были случаи, когда кафедры всеобщей истории замещались людьми, предметом

занятий которых являлась русская история.

Так, в Московском университете кафедру истории, статистики и географии Российской империи возглавлял И.А. Гейм, больше известный своим русско-немецким словарем; при этом он преподавал две последние дисциплины. Однако лекции по отечественной истории читал то Н.Е. Черепанов - профессор кафедры всемирной статистики, истории и географии, то М.Т. Каченовский, занявший в 1811 г. кафедру археологии и изящных искусств. И только в 1821 г. М.Т. Каченовский возглавил кафедру истории, статистики и географии Российской империи, которую занимал до принятия нового университетского устава 1835 г.

Именно М.Т. Каченовский способствовал выделению исторических знаний в самостоятельную дисциплину и заложил основы университетской исторической науки на фоне риторики и описательности, царивших в преподавании в это время. Его критический подход к изучению истории постепенно завоевывал симпатии студенческой аудитории. Основные исторические труды ученого в виде отдельных статей и критических рецензий были опубликованы в журнале “Вестник Европы”, который он сам возглавлял с 1805 г. по 1830 г.

В своих работах и лекциях Каченовский выступил с критикой исторической концепции Н.М. Карамзина, требуя относиться к истории как к науке, а не как к нравоучительному повествованию. При этом ученым подчеркивалась необходимость проверки подлинности источников, в частности, летописных сведений, до этого считавшимися бесспорными фактами. Таким образом, уже в начале преподавания российской истории наметился историко-критический метод, положенный М.Т. Каченовским в основу своей научной деятельности.

Ученый открыто заявлял о своем намерении опровергать мнения таких крупных авторитетов как В.Н. Татищев, А.Х. Шлецер, Н.М. Карамзин и др. Что, по его мнению, имело особое значение для университетской исторической науки, поскольку “продолжать сеять плевелы лжи перед юношеством, алчущим

живительной пищи исторических знаний, было бы стыдно и грешно преподавателю”. В этом смысле он впервые поставил вопрос об особой ответственности профессоров истории.

Подчеркивая необходимость дальнейшего развития исторической науки и создания новой фундаментальной истории, М.Т. Каченовский заложил основы критического направления в преподавании русской истории и сформулировал общие постулаты “скептической школы”. Сам ученый ограничился критическим анализом ряда источников без их комплексного изучения (13). Но следующие поколения историков в Московском университете стали активно применять “критический метод”, позволяющий привлечь фольклорные, этнографические материалы, источники по социально-экономической истории, и путем сравнительно-исторического сопоставления устанавливали степень достоверности сведений, содержащихся в источниках по истории Древней Руси.

В университетском преподавании М.Т. Каченовский широко применял сравнительно-исторический метод научного знания. Он гордился тем, что “открыл способ излагать отечественную историю в гармоничной связи со всеобщею”. Историю России он рассматривал как неотъемлемую часть всемирной истории и поэтому указывал на необходимость сравнительного изучения русской истории с историей других стран, как составляющих единого общеисторического процесса.

Но, выводя историю России из общеисторического процесса, Каченовский отрицал ее своеобразие и самобытность. Кроме того, он исходил из предвзятой идеи о постоянном культурном отставании России от Запада. Каченовский утверждал прямую зависимость внутреннего развития Древней Руси от западноевропейских и Византийских влияний, отрицая закономерность ее самостоятельного органического развития.

Говоря о большом влиянии М.Т. Каченовского на студентов в конце 20-х – начале 30-х гг. XIX в., следует подчеркнуть, что он первый из профессоров российских университетов попытался познакомить своих слушателей с

европейской исторической наукой. Критическое направление его трудов противостояло художественно-моралистической концепции Карамзина, и молодежь воспринимала его лекции как определенное свободомыслие (14).

В деле преподавания русской истории в Московском университете и в развитии отечественной исторической науки, М.Т. Каченовский сыграл переходную роль - от описательности к научности. Он был первым университетским преподавателем истории, который выдвинул требование относиться к ней как к науке, а не как к художественному, описательному сочинению.

Каченовский был первым профессиональным историком в Московском университете. Он поставил вопрос о необходимости развития источниковедения в университетском преподавании. Обратил внимание на необходимость введения в учебную программу таких вспомогательных исторических дисциплин, как археография, дипломатика и других, внедрить которые предстояло последующим поколениям ученых. Он заложил основу дальнейшего развития исторической университетской науки, которое отразилось в лице его преемников по кафедре российской истории.

В Петербургском университете, открытом в 1819 г., во главе не разъединенной в то время кафедры истории, предметом которой была “история всеобщая и в особенности Российского государства” стоял ординарный профессор Эрнст - Вениамин - Соломон Раупах, читавший курс и всеобщей истории, и немецкого языка (15). И только с учреждением в университете самостоятельной кафедры русской истории в январе 1834 г. в связи с утверждением экстраординарным профессором по данной кафедре Н.Г. Устрялова, лекции по русской истории начал читать специалист.

Определенные сложности существовали и в подборе кандидатов на должности преподавателей всеобщей истории. Так же, как и русская история, всеобщая история вошла в число предметов преподавания в российских университетах с 1804 г. Ее преподавание в словесном отделении тоже было соединено с географией и статистикой. Специальных курсов по

древневосточной, античной, средневековой и новой истории в то время в университетах не читалось. Существовал единый курс всеобщей истории, который весь читался одним профессором. Последний либо излагал подряд все части курса, либо выбирал себе для чтения какой-нибудь один период, более ему знакомый, а с остальными просил своих слушателей ознакомиться самостоятельно, по каким-либо пособиям. Очевидно, что при такой постановке дела профессора всеобщей истории должны были быть специалистами очень широкого профиля, “…однако на практике тех, кто преподавал тогда всеобщую историю в русских университетах, менее всего можно было назвать специалистами” (16).

Лекции по всеобщей истории в первой половине XIX в., как правило, представляли собой интерпретацию трудов западноевропейских авторов, причем об этом доводилось до сведения студентов. Традиционными пособиями при чтении лекций по всеобщей истории в первой половине XIX в. были популярные учебники того времени как «Всемирная история» А.-Л. Шлецера и учебник профессора Царскосельского лицея И.К. Кайданова (17). Чтение "по собственным запискам" началось у всеобщих историков с деятельности Т. Н. Грановского в Московском университете.

В Московском университете кафедру всеобщей истории до 1823 г. номинально возглавлял профессор Н.Е. Черепанов, пребывание которого на кафедре не оставило практически никаких следов. По воспоминаниям слушателей “он умерщвлял в нас (студентах) всякое умственное стремление к исторической любознательности, будучи сам воплощенной скукою и бездарностью” (18). Постепенно все большую роль в преподавании всеобщей истории стал играть Ю.П. Ульрихс, принадлежавший к числу тех немецких профессоров, которые навсегда осели в России. Благодаря своему трудолюбию и педагогическим способностям он постепенно становится одним из ведущих профессоров и избирается в 1832 г. деканом факультета, но в июле того же года подает в отставку.

Некоторое время лекции по всеобщей истории в Московском университете

читали специалисты в области отечественной истории М.Т. Каченовский (1832-33 гг.) и М.П. Погодин (1833-39 гг.). Каченовский знакомил своих слушателей с новейшими критическими направлениями в западной историографии, в особенности с трудами Нибура. Что касается Погодина, то он издал в 1835-36 гг. “Лекции по Герену о политике, связи и торговле главных народов древнего мира”, являвшиеся переложением одной из книг геттингенского профессора А.-Г.-Л. Герена, труды которого с конца 1820-х гг. стали важным источником учености русских профессоров.

В организации преподавания всеобщей истории в Петербургском университете в 20 – 30-е гг. XIX в. также имелись трудности. Первое время этот курс читал Э.-В.-С. Раупах, выходец из Германии, в лекциях которого было больше поэзии, чем науки. Кроме того, они читались на латинском языке, малопонятном для большинства студентов. Однако его удаление из университета в 1821 г. с другими либерально настроенными профессорами “...ввергло кафедру истории в состояние полного убожества…” (19).

Примерно так же обстояло дело с преподаванием всеобщей истории и в провинциальных университетах. И здесь большинство преподавателей не отличались оригинальностью, используя в качестве пособий труды Шлёцера, Кайданова, позднее Герена. Профессора годами читали свои лекции по одним и тем же старым запискам, даже не пытаясь обновлять их за счет новой литературы; прямое обращение к источникам было вообще редкостью.

На этом фоне выделяется фигура Владимира Францовича Цыха, читавшего лекции по всеобщей истории с 1831 г. в Харьковском университете, а затем, с 1834 г., в Киевском университете св. Владимира. В своей магистерской диссертации “Рассуждения о способе преподавания истории” (1833 г.) он сформулировал основные принципы деятельности преподавателя истории, которые сам стремился реализовать на практике. Центральным пунктом исторической науки, по его мнению, является развитие нравственной природы человека, поэтому “истинный преподаватель истории в университете должен иметь гуманное настроение духа…”.

В.Ф. Цых также читал свои лекции в основном по Герену. Но нередко дополнял их не только сведениями из других пособий, но и данными источников, что свидетельствовало о стремлении профессора к самостоятельному изложению курса. Главной заслугой В.Ф. Цыха явилось то, что он знакомил своих слушателей с новейшими достижениями европейской науки – трудами и исследованиями Гердера, Герена, О. Тьери, Ф. Гизо. Его нешаблонные лекции пользовались большим успехом у студентов, хотя, по воспоминаниям современников, его беспристрастному и объективному изложению истории не хватало “ясности и живости исторического созерцания…” (20).

Подготовка специалистов в рамках словесного отделения предусматривала изучение комплекса историко-филологических дисциплин. Причем на протяжении всего XIX в. многие профессора российских университетов, как историки, так и филологи, а также правительство, придерживались мнения об обоюдной пользе и неделимости историко-филологического знания. Особенно тесной эта связь была в области наук об античности. Изучение античной истории на словесном факультете сочеталось с изучением античной литературы. Поэтому раздел всеобщей истории, относящийся к античным древностям, длительное время причислялся к кафедрам классической филологии – римской и греческой словесности. Преподавание этих предметов, охватывавших быт, обычаи, нравы античных народов, памятники их культуры, поручалось специалистам, имевшим ученую степень в области классической филологии.

Необходимость наличия классического образования для занятия должности профессора по данным кафедрам в рассматриваемый период обусловило лучшую постановку в университетском преподавании филологической науки, нежели исторической в рассматриваемый период. Непременное знание древних языков являлось барьером для дилетантов. Среди профессоров, замещавших кафедры греческой и латинской словесности в российских университетах в начале XIX в., были и крупные ученые, которые

могли выдержать сравнение с европейскими коллегами.

Но уже в ранний период существования российских университетов были подготовлены талантливые педагоги и ученые, в том числе и в области классических древностей, из среды русских молодых людей. В 1811 г. ординарным профессором по кафедре греческих и латинских древностей Московского университета стал Р.Ф. Тимковский, при этом в его обязанности входило чтение не только лекций по греческим древностям, но и преподавание словесности. Ученый прошел стажировку по древней филологии и археологии у ведущих немецких профессоров в университетах Лейпцига. Геттингена, Галле (21).

Несмотря на прекрасную подготовку в области классической филологии, заметный след ученый оставил в области критического исследования древнерусских письменных памятников, к которым стремился применить методику изучения античных памятников, усвоенную им в западноевропейских университетах. Так он подготовил к печати Лаврентьевскую летопись, которая была опубликована уже после его смерти в 1824 г. и стала первым научным критическим изданием летописного текста. Написал исследование о «Сказании о полку Игореве», пропавшее после его смерти. Труды Р.Ф. Тимковского по изучению летописи Нестора продолжили его ученики К.Ф. Калайдович и П.М. Строев, основатели отечественной археографии.

Неудовлетворительное положение с университетским преподаванием не только истории и словесности, но и некоторых других наук, особенно обнаружившееся к середине 20-х гг. XIX в., заставило правительство принять ряд энергичных мер. В 1827 г. при Дерптском университете было решено создать Профессорский институт для подготовки специалистов, в которых нуждались российские университеты. Первые слушатели Дерптского Профессорского института вернулись в Россию в 1835 г. Под руководством опытных ученых германских университетов они получили прекрасную филологическую подготовку и впитали в себя идеи гегелевской философии. Так, на кафедры всеобщей истории получили назначение М.С. Куторга в

Петербургском университете и М.М. Лунин в Харьковском университете.

Вступление в 1835 г. на кафедру всеобщей истории в Петербургском университете Михаила Семеновича Куторги (1809 - 1886), основоположника первой русской школы исследователей античности, ознаменовало перелом в преподавании всеобщей истории. По воспоминаниям его слушателей «…Во взгляде его на требования университетского преподавания не было ничего общего с гимназическими взглядами и приемами его предшественников по кафедре. Источники и литература предмета с критическою их оценкою не входили вовсе в их план: у Куторги составили они основу его чтений. Несовместным с критическою методою, им усвоенною, представлялось также и следование каким-либо учебникам, которыми они руководствовались: не останавливаясь на изложении общеизвестных фактов, он, вместо того, стал знакомить слушателей с различными господствующими и господствовавшими научными на них воззрениями, старался показать связь этих фактов с предшествующими и последующими явлениями, осветить их, разъяснить их значение и представить таким образом живую и ясную картину постепенного развития человеческого общества ... Не груз имен и чисел выносили слушатели из его аудитории, а знакомились ... с методом научных занятий, с требованиями научного исследования. Такое преподавание, при даре изложения, естественно привлекало слушателей и, возбуждая в них самодеятельность, располагало к самостоятельному занятию предметом» (22).

Первые годы М.С. Куторга читал лекции только по древней и средневековой истории; позднее, с назначением его в ординарные профессора, стал читать все части всеобщей истории, включая и новую. Научные интересы М.С. Куторги лежали преимущественно в области древней греческой истории, хотя он неоднократно обращался к сюжетам из средневековой истории, и даже нового времени. Главной темой его научных занятий была история древних Афин. Как ученый, Куторга отличался философским складом мышления; его глубоко интересовали общие проблемы развития науки, а его взгляд на роль и общественное назначение науки истории отличался большой продуманностью

и широтой. Конечная цель исторического исследования представлялась ему в выяснении общего хода человеческой истории, тех факторов, которыми она движется, закономерностей в смене общественных эпох. В то же время он считал необходимым для ученого сосредоточиться на исследовании какого-либо одного исторического периода и его собственные специальные интересы постоянно были направлены на еще не изученные разделы древней истории (23). Как исследователь, Куторга был безусловным сторонником критического метода.

М.С. Куторга был не только преподавателем, но и пропагандистом своей науки. Он подчеркивал необходимость для каждого образованного человека знания античной истории и культуры, а для русских людей в особенности - истории и культуры древней Греции, ибо, говорил он, "ни одно начало не произвело на русскую народность такого сильного влияния и не проникло так глубоко, как начало эллинское" (24).

В целом, М.С. Куторгу по праву считают родоначальником целого научного направления, за которым в последующем закрепилось название "Петербургской исторической школы", характерной чертой которого явилось непосредственное отношение к источнику и факту. Сильными сторонами этого направления было убеждение в необходимости критического изучения истории и стремление познать общий ход ее развития, дать логическое истолкование историческим процессам. При этом широко использовались прогрессивные идеи западноевропейской общественной мысли – французской романтической историографии (особенно Ф. Гизо), и общем – гегелевской философии.

Яркий след в жизни Харьковского университета оставила преподавательская деятельность Михаила Михайловича Лунина. Его лекции по всеобщей истории имели большое научное и общественное значение, доносили до слушателей новое слово европейской науки. Свой предмет - всеобщую историю Лунин излагал в виде специальных курсов, как это делали М.С. Куторга и московские профессора П.Н. Кудрявцев и С.В. Ешевский. Особенно содержательными были его лекции по древней и средневековой истории.

Как ученого и преподавателя Лунина отличали эрудиция, отличное знание источников и современной литературы, внимание к фактам и вместе с тем стремление постичь основной смысл или, как тогда говорили под влиянием гегелевской философии, основную "идею" исторического развития; безусловное признание своеобразия отдельных исторических эпох; интерес не только к политической, но и к социальной истории, и даже признание решающего значения "народного начала"; высокая одухотворенность; наконец, способность ярко живописать историческую обстановку (25).

Вместе с этими учеными в 1830-е гг. на университетские кафедры пришли другие молодые преподаватели, окончившие свое образование заграницей. В их числе был и Т.Н. Грановский, сыгравший значительную роль в идейной жизни Московского университета следующих десятилетий. Таким образом, под влиянием европейской науки в 30-е гг. XIX в. обозначились коренные изменения в преподавании истории в российских университетах.

Хотя в первой половине XIX в. в учебном процессе российских университетов еще не получила развития семинарская форма проведения занятий, некоторые профессора осознавали пользу приобщения студентов к самостоятельной работе. В 1810-х гг. в Московском университете профессор кафедры греческих и римских древностей Р.Ф. Тимковский, стажировавшийся в германских университетах, по примеру последних ввел филологический семинар. Здесь студенты под его руководством занимались критическим разбором классиков Софокла, Гомера, Ксенофонта, Аполлодора, Демосфена. Из римских авторов основное внимание уделялось Титу Ливию, Вергилию, Цицерону и Горацию (26).

Много внимания индивидуальным занятиям со студентами уделял профессор русской истории Московского университета М.Т. Каченовский. Знакомил с иностранной литературой, снабжал книгами, прививал навыки научной работы. Под его руководством были написаны десятки студенческих сочинений по российской и всеобщей истории, географии, статистике и изящным искусствам, некоторые из которых представляли настоящие

исследования.

С конца 40-х гг. XIX в. профессор кафедры всеобщей истории М.С. Куторга организовал для желающих исторические семинары у себя дома. В рамках этих занятий ученый на практике знакомил молодых людей с требованиями и приемами исторической критики: разбирал отдельные исторические вопросы, разбирал студенческие сочинения на заданные им темы. Из его семинаров вышла целая плеяда молодых ученых, специалистов не только по древней истории, но и по другим разделам науки.

К первой трети XIX в. восходит практика написания студентами словесного отделения курсовых и дипломных работ (сочинений), что стало одной из важных особенностей университетского образования. Выполнение таких заданий было рассчитано на выработку у студентов первичных навыков самостоятельного научного мышления.

Планы этих работ, предоставленные профессорами, ежегодно утверждались на факультетских собраниях, а затем в совете университета. Сами сочинения рассматривались на ученом совете университета, что свидетельствует о придании большого значения развитию самостоятельной работы студентов. Законодательно порядок выполнения подобных работ оговаривался в Общем уставе российских университетов 1835 г. В соответствии с п. 103 «для поощрения студентов и вообще слушателей университетских лекций, ежегодно предлагаемы будут задачи от…философского факультета по две, с назначением, за удовлетворительное во всех отношениях по каждое задаче сочинение золотой. А за лучшее после того, если оно близко к требуемому достоинству, серебряной медали. При сем будут принимаемы в соображение успехи и нравственность студентов» (27). Сочинения предоставлялись декану и на заседании факультета оценивались их достоинства. Заключение факультета рассматривалось советом университета, который и объявлял имена, удостаивавшиеся награждения медалями. Медали раздавались в торжественном собрании факультета.

Важную сторону деятельности факультетов составляло производство

ежегодных испытаний для контроля знаний студентов. После завершения каждого курса наук обучаемые подвергались испытаниям, разрешались и промежуточные испытания в течение учебного года (28). Согласно положениям Устава 1804 г., переходные курсовые испытания проходили в конце учебного года в факультетских заседаниях или частных собраниях под председательством ректора или декана, иногда в присутствии депутатов от других факультетов, по два от каждого.

После окончания курса университетских наук студент мог претендовать на получение ученой степени кандидата, дававшей определенные преимущества. На основании п. 96 устава 1804 г. испытания на степень кандидата проводились следующим образом: «Студент, требующий степени кандидата, является к декану, который, известив отделение, назначает день, в который он должен предстать собранию. Отделение через своего декана предлагает испытуемому задачи, касающиеся до наук, к отделению принадлежащих, которые он должен объяснить письменно. Потом производится изустное испытание, состоящее в двух вопросах, относящихся до главной науки, в которой студент упражнялся, и выбранных по жребию. Эти вопросы он решит словесно, после чего присутствующие делают произвольное словесное испытание, не исключая наук вспомогательных». Причем письменные ответы выполнялись на латинском и русском языке, после их одобрения устные испытания состояли из таких предметов как русской, французской и латинской словесности, всеобщей истории и географии, географии и статистики России (29).

На основании Правил об испытаниях на ученые звания, утвержденных в 1819 г., была добавлена степень действительного студента: молодой человек, прослушавший весь курс наук факультета и выдержавший соответствующие испытания, получал звание действительного студента. Лучшие же из окончивших курс наук и выдержавшие впоследствии экзамены и обнаружившие способности по одному из предметов, а так же предоставившие письменное сочинение, получали звание кандидата. Между получением степеней действительного студента и кандидата требовался годичный

промежуток.

Таким образом, создание университетов в России было инициировано государством и отразило его потребности в образованных людях. Государственное управление университетами явилось национальной особенностью российской системы образования.

Преподаванию истории уже в первых русских университетах придавалась большое значение. Система исторического образования формировалась в университетах Российской империи как под воздействием потребностей самих университетов, так и при активном участии правительства. Историческое образование в первой половине XIX в. входило в общую систему философского: исторические знания преподавались на словесном отделении данного факультета.

Опорными пунктами в преподавании наук являются университетские кафедры. Число кафедр в российских университетах жестко регламентировалось уставами этих учебных заведений. Законодательство первой половины XIX в. не предусматривало инициативы университетской корпорации в «кафедральном строительстве». Эволюция структуры кафедр исторического профиля в российских университетах в первой половине XIX в. предполагала, с одной стороны, разделение преподавания всеобщей и русской истории, с другой – освобождение этих кафедр от наук, дополнявших историю (политической экономии, статистики).

Важной проблемой университетской жизни явилась забота об обеспечении этих учебных заведений преподавателями. Значительную роль в становлении преподавания гуманитарных дисциплин на ранних этапах существования российских университетов сыграли иностранные профессора. Однако практика приглашения специалистов их других стран уже в первой половине XIX столетия была признана несоответствующей национальным интересам страны. В это время закладываются основы системы воспроизводства профессорских кадров в России. Деятельность Профессорского института при Дерптском

университете и командирование молодых специалистов за границу способствовала подготовке талантливых русских преподавателей, пришедших на кафедры российских университетов в 30-е гг. XIX в.

В первой половине XIX в. вырабатывались структура и содержание исторического образования в университетах Российской империи. Особенностью исторического образования в рассматриваемый период явился его историко-филологический характер. Правительство и профессура российских университетов на протяжении всего столетия придерживались мнения об обоюдной пользе исторических и филологических знаний для студентов. Образование на словесном факультете в рассматриваемый период означало подготовку студентов в области политических наук, изящных искусств и древностей, словесности и истории. При этом студенты должны были прослушать весь курс факультетских наук и экзаменовались в них.

В рассматриваемый период утверждаются и основные формы учебной работы со студентами. С самого начала деятельности университетов ведущей формой обучения была признана профессорская лекция. Это признание утверждалось в последующие годы. Отсутствие необходимых учебников предопределило чтение в российских университетах полных лекционных курсов по всеобщей и отечественной истории, что превратилось в устойчивую традицию преподавания в высшей школе.

Интенсивное развитие исторической науки в первой половине XIX в. способствовало обособлению истории в кругу гуманитарных наук. В связи с этим происходит оформление историко-филологического отделения философского факультета в самостоятельную организационную структуру – факультет. Наличие с 1850 г. историко-филологических факультетов определяло национальное своеобразие российских университетов.

Глава 2. Эпоха Великих реформ и формирование принципов дальнейшего развития исторического образования в российских университетах.

2.1. Реформирование системы университетского исторического образования в ходе либерально-буржуазной политики Александра II в 50 – 60-х гг. XIX в.

В 50-е г.г. XIX в. университетский вопрос в России приобрел небывалую остроту. Экономическое и социальное развитие Российской империи требовало все большего числа высокообразованных и подготовленных в профессиональном отношении людей. К середине XIX столетия Россия отставала от развитых европейских стран по отношению людей с университетским образованием к численности населения страны. Так, на 1 января 1855 года в России один студент университета приходился на 10039 человек; в Италии один студент приходился на 2100 человек; в США - на 404 жителя (1). Ситуация с обеспечением университетов профессорско-преподавательским составом оставалась тяжелой. Старение и уход профессуры 40-х – н. 50-х г.г. XIX в., отсутствие отлаженной системы подготовки научной смены, нежелание молодых людей заниматься наукой в связи с трудностями получения ученых степеней привели фактически к тупику в подготовке молодых кадров (2). В российских университетах стали появляться кафедры, вакантные в течение нескольких лет.

С воцарением императора Александра II политика Министерства

народного просвещения изменилась. Руководящая российская элита понимала необходимость и неизбежность реформы всей системы образования и, прежде всего, университетского. В 1855 г. министром народного просвещения был назначен А.С. Норов. Министр считал, что образование молодежи должно базироваться на общем фундаменте, а средства воспитания следует подчинить одному государственному ведомству. Он предлагал восстановить в гимназиях и университетах классическое гуманитарное образование в полном объеме, так как, по его мнению, образованному человеку необходимо знать иностранные языки для получения интересующей его информации из первоисточников (3). За недолгий период руководства Министерством народного просвещения он успел создать определенные предпосылки для последующего реформирования высшей школы.

Постепенно были отменены стеснительные меры 1840-х гг.: Харьковский и Киевский учебные округа, отданные в 1847-1848 гг. в ведомство генерал-губернаторств, были возвращены под покровительство попечителей в 1855 г.; должности ректоров и деканов в университетах стали снова выборными. Сняты были ограничения при приеме студентов и к началу 1860-х гг. их число увеличилось до 5,5 тысяч человек (4). С 1856 г. возобновились заграничные командировки профессоров. По совету министра народного просвещения император Александр II отменил преподавание военных наук в столичных университетах, введенное при Николае I. В 1857 г. во всех университетах страны восстановили самостоятельные кафедры философии и возобновили преподавание государственного права.

Подготовительные работы по проведению реформы всей системы образования и прежде всего, университетского, начались с 1857 г. Было решено разработать проект нового университетского устава, который бы позволил провести реформу высшей школы «сверху». Учитывая государственную важность вопроса, император поручил эту работу специальной комиссии в составе членов Государственного совета, князя В.А. Долгорукого – шефа жандармов, графа В.Н. Панина - министра юстиции и

графа С.Г. Строганова – бывшего попечителя Московского учебного округа.

Непосредственно работу по реформированию высшей школы России пришлось возглавить А.В. Головнину, утвержденному в должности министра народного просвещения 6 декабря 1862 г. По его настоянию полностью был обновлен кадровый состав попечителей учебных округов, которые оказывали министру реальную помощь в проведении реформы. Реформа российской высшей школы началась с реорганизации Министерства народного просвещения, новую структуру которого император утвердил 18 июня 1863 г. (5).

Подготовка нового устава российских университетов явила уникальный случай сотрудничества правительства с общественностью. Проект нового общего Устава Императорских российских университетов был напечатан в начале 1862 г. и передан для рассмотрения во все университетские советы и некоторые духовные и гражданские ведомства. Так же проект устава был переведен на иностранные языки и доставлен зарубежным педагогам с тем, чтобы воспользоваться всеми замечаниями и указаниями при окончательной редакции. Полученные отзывы публиковались в особом сборнике, который послужил основой для дальнейших работ по составлению устава.

Университеты приняли активное участие в обсуждении принципиальных вопросов академической жизни, в том числе устройства историко-филологических факультетов. Материалы обсуждения обобщал член комитета, адъюнкт Петербургского университета К.Я. Люгебиль (6). Обсуждение в 1862 г. проекта общего устава университетов способствовало формированию кафедральной и предметной структуры историко-филологических факультетов российских университетов.

На этапе, когда историко-филологическое образование в университетах страны еще не было подвержено внутренней специализации, студенты факультета получали историческую подготовку, обязательно изучая все предметы факультетского курса. Кроме исторической и политико-экономической они распределялись по кафедрам: истории философии,

упраздненной в 1849 г. и восстановленной в 1860 г.; греческой словесности и древностей; римской словесности и древностей; российской словесности и истории российской литературы; истории и литературы славянских наречий; восточной словесности. Предмет церковной истории входил в состав общеуниверситетской кафедры «догматического и нравоучительного богословия, церковной истории и церковного законоведения», известной под названием «кафедры богословия» и читался профессором этой кафедры. В 1854 г. Министерство народного просвещения упразднило в пяти российских университетах кафедру восточной словесности с арабским, монгольским, персидским, турецким и татарским языками. Объединив востоковедные силы, в Петербургском университете был организован самостоятельный факультет восточных языков. При этом прежние учебные предметы восточной словесности были развернуты в кафедры.

Предметный состав кафедр Дерптского университета, признававшегося особенным, определенный уставом этого учебного заведения и позднейшими постановлениями правительства, не отличался от коренных российских университетов. Но в исторических отделах неисторических кафедр имелись и свои особенности. Славистика здесь не прижилась и не культивировалась правительством: администрация университета оговорила за собой право заменить славяноведение изучением русской истории, языка и литературы. Античные древности, характерные для университетского преподавания трансформировались в «историю искусств» и вошли в состав кафедры «красноречия, древнеклассической филологии и эстетики» (7). Существовала здесь и кафедра географии и статистики, не встречающаяся в других университетах, политическая же экономия студентам историко-филологической специальности не преподавалась. В целом, в подготовке историков-филологов в Дерптском университете в 50-е г.г. XIX в. участвовали семь кафедр против девяти по общему университетскому уставу.

Накануне разработки нового университетского устава в структуре историко-филологических факультетов российских университетов две из

девяти полагавшихся на них кафедр принадлежали историческим наукам – кафедры всеобщей истории и российской истории. Политическая экономия и статистика получили статус самостоятельной кафедры. Однако положение исторических наук оставалось неопределенным по отношению к филологии с одной стороны, и классическим древностям, с другой. Греческие и римские древности устав не присоединил к кафедре всеобщей истории и оставил их в качестве учебных дисциплин на кафедрах греческой и римской словесности. Преподавание этих предметов, охватывавших быт, нравы, обычаи античных народов и памятники их культуры, поручалось профессорам или адъюнктам, имеющим ученую степень по разрядам римской и греческой словесности.

Структура исторических кафедр и наук, сложившаяся к концу 50-х г.г. XIX в., отражала принципы разграничения наук основных исторических кафедр, выработанные в западноевропейских университетах: подразделение всемирной истории на историю национальную и всеобщую (зарубежных государств и народов). Однако в реальном воплощении этих принципов российские университеты обнаружили самобытность. Ее породили особенности развития русской исторической науки под влиянием самодержавного правления и в ближайшем соседстве с церковной идеологией, в стране, где «западный», «славянский» и «восточный» вопросы сложно переплетали науку и политику (8).

Спектр наук, отнесенных в российских университетах к всеобщей истории, был сложнее, чем в западноевропейских. В русской науке и правительственном мнении всеобщая история рано стала предметом особого внимания, и в уставных перечнях университетских наук она всегда стояла впереди отечественной истории. Поддерживались тесные связи с европейскими учеными, особенно по проблемам изучения античности. В области отечественной истории связи были несколько слабее, что объяснялось незначительным числом специалистов по русской истории среди западноевропейских ученых в XIX в. Обычно научные работы выполнялись на основе материалов, находящихся в стране, и не требовали выезда заграницу. В

самих университетах Западной Европы история России, будучи для них частью всеобщей, не удостаивалась особого положения: она не была самостоятельным учебным предметом.

Итак, круг предметов исторического преподавания, реализовывавшихся в университетах России во второй половине 50-х г.г. XIX в., был представлен всеобщей историей, историей России, античными древностями, историей славянских народов и историей церкви. Преподавание истории Востока было предоставлено на усмотрение профессоров кафедр всеобщей истории.

В окончательном виде проект общего устава российских университетов определил типовую структуру историко-филологического факультета из одиннадцати кафедр и двадцати трех учебных предметов. Для преподавания собственно исторических дисциплин предназначались три кафедры. Наличие кафедр всеобщей истории и русской истории продолжило традицию предшествующего деления наук. Третьей предполагалась кафедра синтетического характера - «археологии и истории искусств». Ее появление в проекте устава предопределилось голосами в пользу открытия в русских университетах специального преподавания античной археологии и истории античного искусства, уже давно утвердившегося в германских, французских и итальянских университетах.

Кафедры всеобщей и русской истории вошли в проект устава в прежнем виде: они проектировались без внутреннего деления, в то время как кафедры философии, греческой и римской словесности, славянской филологии мыслились как многопредметные. В штатном выражении это означало, что для замещения кафедр всеобщей и русской истории можно было обойтись одним профессором.

Некоторые разделы всеобщей истории проект отнес к компетенции филологических кафедр. Греческие древности были присоединены к кафедре греческой словесности, римские – к кафедре римской словесности, славянские древности и история славянских племен предполагались как структурные части кафедры славянской филологии. В составе факультета восточных языков

Петербургского университета предусматривалась кафедра истории Восточной и Западной Азии.

Как и предыдущие университетские уставы, новый проект подчеркнул важность изучения студентами церковной истории. Но перемен в организации ее преподавания не предусматривалось, она была оставлена на положении учебного предмета для студентов православного вероисповедания в составе общеуниверситетской кафедры богословия.

В ходе обсуждения изложенной в проекте нового университетского устава структуры исторических кафедр и преподаваемых на факультете наук были высказаны существенные поправки. Первая группа замечаний касалась предметного состава кафедры всеобщей истории. Отмечалось неудобство ее преподавания одним лишь преподавателем. Советы Петербургского и Киевского университетов предложили обозначить в составе кафедры два предмета, в соответствии с периодизацией всеобщей истории – древнюю историю и новую историю. Заслуженный профессор Петербургского университета В.Н. Ивановский счел необходимым добавление и истории средних веков. Деление кафедры на 2-3 предмета означало, что в штатном составе кафедры должны быть, по меньшей мере, два профессора и один доцент.

Вторая тенденция вела к уточнению места в кафедрально-предметной структуре историко-филологического факультета и усилению позиций предмета истории славян. Особую заинтересованность в этом вопросе проявили южно-российские университеты, уделявшие повышенное внимание разработке славянской проблематики. Так, совет Киевского университета счел возможным вывести историю славянских народов и их древностей из состава кафедры славянской филологии, куда их определил проект, и, присоединив эти предметы к кафедре русской истории, образовать новое кафедральное объединение с наименованием «русская история и история славянских народов» (9). При этом предполагалось, что изучение прошлого южных и западных славян в связи с историей восточного славянства, будет выглядеть

органичнее и преподаваться основательнее.

Серьезные споры вызвал статус предложенной проектом устава кафедры «археологии и истории искусств», что было обусловлено неопределенностью представлений о данных предметах. Так, профессора университета св. Владимира, отметив, что в традиционном понимании археология есть древности античные и славянские, которые уже представлены в науках кафедр греческой, римской и славянской филологии, предложили вывести археологию из состава предполагаемой кафедры и заменить ее курсом теории и истории искусств. Некоторые считали необходимым присоединить историю искусств к кафедрам филологического профиля (10).

Наибольшую остроту в процессе обсуждения проекта устава вызвал вопрос о месте церковной истории в университетском преподавании. О ненужности богословского образования для студентов решительно заявили профессора Петербургского университета Г.И. Лапшин, К.Д. Кавелин и член Главного правления училищ Н.И. Пирогов. Основным аргументом являлось указание на основательную подготовку в этой сфере, получаемую студентами в гимназиях.

Против исключения богословия из университетского преподавания или придания ему характера необязательной дисциплины выступили профессора богословия и духовенство. При поддержке Синода этот спор превратился в обсуждение вопроса об отделении истории церкви как учебного предмета от кафедры богословия и придания ему самостоятельного значения. В итоге «…попытка некоторых представителей буржуазно-либеральной профессуры и просвещения максимально приспособить университетское преподавание к нуждам науки и потребностям общества за счет очищения позитивного светского образования от его религиозно-нравственного обрамления – привела к тому, что положение церковно-религиозных дисциплин в университетах усилилось» (11). Профессора богословия, освобождаясь от чтения историко-церковных курсов, получали возможность основательнее заниматься воспитанием и «общественным развитием молодежи», а особые кафедры

церковной истории и церковного законоведения на гуманитарных факультетах университетов должны были усилить церковные аспекты в профессиональной подготовке студентов. При этом увеличивался и штат профессоров по церковной проблематике от одного до трех.

Профессура факультета восточных языков в Петербургском университете заинтересовалась преимущественно организацией кафедры истории Востока и ее предметного состава. В проекте она значилась как кафедра «истории Восточной и Западной Азии».

При обсуждении проекта высказывались мнения о коренной реформе историко-филологического факультета и факультета восточных языков в системе университетов. Совет Петербургского университета выступил с предложением упразднить в университете факультет восточных языков и превратить его в восточное отделение историко-филологического факультета, как это было до 1854 г. в Казанском университете. Профессор В.П. Васильев наметил план постепенного сращения этих факультетов: процесс предлагалось начать с того, чтобы читаемые на восточном факультете исторические предметы сделать обязательными для студентов историко-филологического факультета.

Материалы подготовки устава свидетельствуют о том, что Министерство просвещения, дав делу разработки этого документа общее направление, сознательно пожертвовало правительственной инициативой в пользу университетской и широкой общественности. Вместе с тем, окончательный вариант проекта устава составлялся преимущественно путем увязки возможно большего числа мнений, что обусловило наличие неточностей и даже противоречия многих его статей, обнаружившихся при проведении устава в жизнь (12).

Общий устав императорских российских университетов был утвержден императором Александром II 18 июня 1863 года. Он отличался большей полнотой и определенностью. Его составители задались целью «…развить такие начала, которые усилили бы самодеятельность университетского

сословия и его влияния на студентов» (13). Основной идеей нового устава явилась автономия профессорской корпорации. Университетский устав российских университетов представлял собой соединение немецкой и французской университетских систем. Согласно порядкам, заведенным в немецких университетах, в уставе 1863 г. провозглашалось университетское самоуправление. Французская же система предполагала подчинение учащихся обязательному плану преподавания (14).

Новый устав предназначался для следующих университетов: Петербургского, Московского, Казанского, Харьковского, Новороссийского – в Одессе и Св. Владимира – в Киеве. Основные положения устава применялись и в Варшавском университете.

В данном уставе система высшего исторического образования нашла свое обоснование: отражены постановка учебной деятельности историко-филологических факультетов, практика подготовки преподавательских кадров высшей квалификации и замещение ими вакантных должностей.

Устав 1863 г. ограничивал состав абитуриентов российских университетов молодыми людьми, получившими фундаментальное среднее образование в гимназиях. Выпускники гимназий были основательно подготовлены к обучению на историко-филологических факультетах университетов. Вступительные экзамены проводились по усмотрению совета университета. В студенты могли приниматься и выпускники других высших и средних учебных заведений, если курс изученных ими наук был не ниже гимназического. Кроме студентов занятия в университетах могли посещать и вольные слушатели (15).

Наличие классического образования, полученного в гимназиях, было призвано с одной стороны, повысить образовательный уровень студентов, с другой стороны, обеспечить «благонадежность» молодых людей, обучавшихся в университетах.

Вводилось семестровое распределение курса наук: предписывалось составлять учебные курсы так, чтобы студент мог изучить каждый из них за один семестр. Это нововведение привело к дроблению больших курсов на

более мелкие, что увеличивало число изучаемых предметов (16).

Академический год продолжался с 15 августа до 1 июля. Историко-филологические факультеты пользовались в соответствии с п. 85 правом «…проверять степень знаний желающих поступить в студенты и подвергать их новым испытаниям», исходя из того, что производство последних является «…существенно важным для определения как степени общего развития поступавших в него молодых людей, так и достаточности приобретенных ими познаний» (17). В 1870-е гг. в некоторых университетах предлагалось заменить вступительные и проверочные испытания рассмотрением письменных работ лиц, удостоенных аттестатов или свидетельств и поступающих в эти учебные заведения. Но большинство университетов предлагавшиеся изменения не признали полезными.

Промежуточные и итоговые испытания для студентов устанавливались советом университета: «Каждому университету предоставляется устанавливать над занятиями студентов тот способ контроля, который Советом университета, с утверждения попечителя, по педагогическим соображениям и местным условиям, признан будет наиболее удобным и действительным…» (18). Существовали различные виды контроля знаний учащихся, такие как «устное изложение известных предметов науки, письменное решение предложенных преподавателем вопросов, сделанное в его присутствии , изучение и объяснение источников, сочинения на темы по собственному избранию или по назначению преподавателя, беседы самих студентов о научных предметах под руководством преподавателя и пр…» (19).

На историко-филологических факультетах обычно практиковалось написание студентами сочинений. В университетах разрабатывались специальные правила, согласно которым студенты ежегодно должны были представлять письменные работы на заданные темы. Они выполнялись в соответствии с указаниями преподавателей и разбирались на лекциях. При этом независимо от этих письменных работ студенты историко-филологических факультетов углубленно занимались по другим предметам. Например, в

Харьковском университете предусматривались занятия переводами, анализами, составлением отчетов о прочитанных книгах по классическим языкам, санскриту, русскому языку (20).

Для поощрения студентов к научным занятиям факультетом предлагались особые задания или темы с назначением за их успешное выполнение золотых и серебряных медалей или почетного отзыва (21). Число задач и медалей зависело от усмотрения совета. Темы были разнообразными в хронологическом, территориальном, предметном отношении, при этом каждый год из определенной отрасли историко-филологического знания. Например, в Харьковском университете для студентов историко-филологического факультета в качестве тем медальных сочинений предлагались «Карамзин и первые опыты его литературной деятельности до времени его возвращения из-за границы (1866 г.); «Константин Великий и его отношение к христианству» (1871 г.). в 1874/75 г. были объявлены три темы: «Быт дьяков и подьячих в XVII в.», «Шекспир в русской литературе», «О трагедиях, обыкновенно приписываемых Сенеке». В 1881 г. «Разбор технических терминов, относящихся до экономического быта, встречаемых в южнорусских и западнорусских памятниках XIV – XVII в.в.»; «Немецкий романтизм в русской литературе»; «О греческой лирической поэзии» (22). Лучшие учащиеся награждались золотыми и серебряными медалями и почетными отзывами за выполнение сложных заданий, которые ежегодно предлагали факультеты (23). Сочинения, удостаиваемые золотых медалей, печатались по определению совета за счет университета. Многие из медальных сочинений студентов представляли настоящие научные исследования.

С той же целью поощрения студенческих занятий науками, из университетских сумм с утверждения совета университета назначались пособия и стипендии. Студенты, пользовавшиеся стипендиями, кроме ежегодных курсовых испытаний до 1872 г. подвергались полугодовым испытаниям для подтверждения права на стипендии. В 1873 г. факультетам было предоставлено право назначать стипендии студентам старших курсов на основании отметок,

полученных ими на годичных курсовых испытаниях, а студентам первого курса на основании оценок, полученных при вступительных испытаниях.

При окончательном испытании для получения звания действительного студента требовалось получение по всех предметам, определенным для полного факультетского курса, только отметок удовлетворительно: «Студенты оказавшие на испытаниях только успехи удовлетворительные, или, хотя и оказавшие отличные успехи, но представившие диссертации, не заслужившие одобрения, получают звание действительного студента» (24). Студенты, завершавшие свое обучение в университете и выдержавшие полностью испытания с отличием, удостаивались по предоставлении ими диссертации, одобренной факультетом, степени Кандидата. В дополнение к устному испытанию назначался письменный ответ на вопрос по одному из главных предметов факультета или его отделения. Для предоставления диссертации предусматривался шестимесячный срок после окончания устного испытания. По поручению декана диссертация рассматривалась соответствующим предмету диссертации по специальности преподавателем, представлявшим в факультет письменный отзыв о ней. В случае признания диссертации удовлетворительной, ищущий степени приглашался «для словесного объяснения по содержанию диссертации» в заседании специально учреждавшейся факультетской комиссии под председательством декана. Переэкзаменовка для получения степени кандидата могла быть назначаема не позже, чем через шесть месяцев после первого испытания, признанного неудовлетворительным. При этом студенты, удостоенные медали или почетного отзыва за выполнение научных занятий получали степень кандидата без предоставления диссертации.

Относительно курсовых и окончательных (выпускных) испытаний историко-филологические факультеты руководствовались «Правилами о курсовых и окончательных экзаменах», вырабатывавшимися в каждом университете.

Высочайше утвержденный Общий устав российских университетов 1863 г.

в составе исторических кафедр и наук существенно отличался от проекта. На историко-филологическом факультете полагалось одиннадцать кафедр со следующими предметами: 1. Философия: логика, психология, история философии. 2. Греческая словесность: греческий язык и толкование авторов, история греческой литературы, греческие древности. 3. Римская словесность: латинский язык и толкование авторов, история римской литературы, римские древности. 4. Сравнительная грамматика индоевропейских языков. 5. История русского языка и литературы. 6. История всеобщей литературы. 7. Славянская филология: славянские наречия, история славянских литератур, славянские древности. 8. Всеобщая история. 9. Русская история. 10. Церковная история. 11. Теория и история искусств (25).

Из 23 предлагавшихся проектом предметов были оставлены 19, штатный состав факультета устав определил в 12 профессоров и 7 доцентов, последние распределялись по кафедрам по усмотрению факультета.

Одиннадцатая по перечню кафедра историко-филологического факультета была утверждена как кафедра «теории и истории искусств», предмет археологии исключили. Церковная история из предмета межфакультетской кафедры богословия была переведена в ранг кафедры историко-филологического факультета. Предмет истории славянских народов был упразднен, что объяснялось возможностью охватить его материал при чтении всеобщей и русской истории.

В числе новых кафедр, предусмотренных уставом 1863 г., две были исторического профиля, что явилось «…серьёзным шагом по пути приведения предметно-кафедральной структуры факультета в соответствие со структурой исторических наук» (26). Однако не были дифференцированы на предметы по периодам кафедры всеобщей и отечественной истории.

Так и не определив своего отношения к наукам археологии и истории славян, устав вообще не включил их в учебный процесс историко-филологического факультета. Близкая к блоку исторических кафедр кафедра политической экономии и статистики, имевшаяся в проекте устава, была изъята

из компетенции историко-филологического факультета и передана в состав юридического.

9 января 1865 г. был утвержден «особенный» устав Дерптского университета. Для его историко-филологического факультета полагалось девять кафедр, в отличии от одиннадцати, предусмотренных для других российских университетов. Но в такой урезанной структуре нашли место кафедры, не вошедшие в Общий университетский устав: политической экономии, географии, этнографии и статистики. Блок исторических кафедр был схож с типовыми кафедрами всеобщей и русской истории, которая в Дерптском университете получила название кафедры «истории России». При проектировании устава местная профессура ходатайствовала о включении в состав этой кафедры предмета местной истории и ее учреждения с наименованием «история России и Прибалтийского края» (27). Но правительство усмотрело в этом тенденцию к противопоставлению истории Прибалтийского региона истории общерусской, и не допустило такого предметного своеобразия кафедры русской истории.

По уставу 1865 г. в Дерптском университете отсутствовали кафедры церковной истории, теории и истории искусств. Предмет последней в известной степени вошел в состав кафедры древнеклассической филологии и археологии. Дерптский университет оказался единственным высшим учебным заведением в России в 60 – 70-е гг. XIX в., где преподавалась археология под собственным названием, хотя привязка к классической филологии придавала этой дисциплине характер античных древностей и искусства.

Неполный состав кафедр историко-филологического факультета имел и открывшийся в 1869 г. на базе Главной Варшавской школы Варшавский университет. Его временный устав закреплял на факультете девять кафедр при 11 профессорах и 9 доцентах (28). При этом предусматривались лишь две исторические кафедры: всеобщей и русской истории. К постановке университетского преподавания в крае, где проходила линия борьбы между православием и католицизмом, русское правительство подходило крайне

осторожно. Варшавскому университету не была дана кафедра церковной истории: численность студентов православного вероисповедания ожидалась невысокой, а читать историю римско-католической церкви означало поступать себе во вред. Отсутствовала по временному уставу кафедра теории и истории искусств.

Из опасения подогреть и без того обостренные национальные чувства местного населения правительство не пошло на открытие здесь целесообразной с научной точки зрения кафедры истории славянских народов (29). Данный предмет преподавался в рамках кафедры славянской филологии. Но в учебном процессе Варшавского университета имелись и свои особенности. Если в других университетах Российской империи все славяноведческие дисциплины преподавал один профессор (лишь в столичных университетах допускались дополнительные преподаватели по славянским языкам), то в Варшаве разные профессора читали древнюю историю славян и историю славянских литератур, а специальный доцент преподавал славянские языки в различных их аспектах (30). Все эти дисциплины читались студентам славяно-русского и исторического отделений историко-филологического факультета.

В 1871 г. кафедру славянской филологии в Варшавском университете занял блестящий ученый, великолепный знаток европейских архивных материалов по истории южных славян профессор В.В. Макушев. Он читал историю славянских литератур в связи с историей народов и языков. Ему принадлежат уникальные публикации документов о южных славянах, извлеченные из итальянских и других европейских архивов, и глубокие исследования по славянской истории и литературе, основанные на источниках (31). Большинство его лекций было опубликовано в качестве статей.

Таким образом, усиление ученых и учебных средств университетов во второй половине XIX века способствовало развитию их научной и учебной деятельности, свидетельством чего может быть увеличение числа кафедр на факультетах. Так, если Университетский устав 1804 г. предполагал наличие шести – семи кафедр на отделении словесности, устав 1835 г. их количество

увеличил до девяти на соответствующем отделении философского факультета, то в уставе 1863 г. этих кафедр уже одиннадцать.

Министерство народного просвещения рассматривало уставную структуру кафедр и наук важным залогом последующего развития университетов. Министр А.В. Головнин в докладе императору Александру II отмечал, что «через увеличение числа кафедр и через то специализирование преподавания…доставит возможность профессорам читать предметы свои основательнее и в то же время расширить, сообразно современному состоянию наук, круг ученой деятельности университетов» (32). Сама университетская профессура считала расширение числа кафедр условием развития наук в университетах.

Однако в первые годы действия устава российских университетов 1863 г. обнаружились проблемы, связанные с реализацией положений устава о новых кафедрах. Новые кафедры исторического профиля, учрежденные для университетов в Москве, Петербурге, Казани, Харькове и Киеве, подлежали финансированию, а значит и замещению профессорами только с 1 января 1867 г. Само становление учрежденных уставом кафедр в российских университетах не было однотипным.

Серьезные трудности возникли при организации в российских университетах кафедры теории и истории искусств. Создавая ее, министерство просвещения и профессура ориентировались на опыт германских университетов, где уже давно существовали кафедры античного, средневекового, нового искусства и значительное число специалистов в этой области. Правительство России связывало создание подобной кафедры в университетах страны с необходимостью укрепления позиций классического образования на историко-филологических факультетах, базирующегося на изучении классических языков и античной литературы.

Однако содержание данной дисциплины не было до конца определено для русских преподавателей и трактовалось по-разному. Открывая кафедру теории и истории изящных искусств в российских университетах, Министерство

просвещения надеялось, что вся совокупность вопросов ее обеспечения будет решена изобретательностью университетской профессуры (33). Предварительно не согласовали учреждение этой кафедры и с наличием учебного материала и наглядных пособий по предмету. Если в коллекциях музеев изящных искусств при Петербургском, Московском, Киевском университетах имелись необходимые оригиналы и копии памятников греческого и римского искусства, то высшие учебные заведения Харькова и Казани могли преподавать предмет только на материалах русской археологии.

Из провинциальных университетов наиболее готовым к преподаванию новой дисциплины оказался Новороссийский университет в Одессе. В распоряжении музея изящных искусств при историко-филологическом факультете университета имелась богатая коллекция предметов античной культуры Северного Причерноморья и Крымского полуострова (34).

Учреждение другой кафедры – церковной истории – в известной степени рассматривалось как «побочный продукт правительственной заботы об укреплении богословского преподавания» (35). Сами представители профессуры, принимавшие участие в разработке проекта не ставили под сомнение необходимость новой кафедры как существенного добавления к историко-филологической подготовке студентов. В этом отношении создание кафедры церковной истории можно расценивать как компромисс Министерства народного просвещения, Синода и университетских профессоров.

Одной из серьезных проблем, с которыми столкнулись кафедры в российских университетах, явилась неспособность обеспечить многие из них преподавателями. В конце 1860-х гг. министерство народного просвещения запросило мнения университетов о разделении по предметам кафедр историко-филологического факультета на более существенные, замещение которых необходимо, и менее важные. Основными доводами послужили соображения, сделанные Высочайше учрежденной комиссией министерства для рассмотрения отчета министерства за 1867 г. о том, что некоторые из кафедр, предусмотренные уставом российских университетов 1863 г., остаются

вакантными в течение нескольких лет. Кроме того, сам состав кафедр историко-филологического факультета, определенный уставом, «…весьма расширен и не соответствует современным потребностям развития университетской науки…» (36). К кафедрам, упразднение которых не нанесет вреда общему строю университетского образования, были отнесены теория и история изящных искусств, кафедра сравнительной грамматики и языкознания.

Большинство советов университетов высказались против подобного разделения наук. За сохранение и одинаковую значимость всех кафедр факультета высказались Московский, Казанский, Петербургский университеты. Советы этих университетов не сочли возможным признать существование каких-либо кафедр лишним для историко-филологического факультета. Кроме того, выступили за расширение возможностей факультета в деле учреждения новых кафедр. При этом подчеркивалось, что именно разнообразие и равенство преподаваемых наук «составляет отличительное и существенное свойство университетского развития … а разделение наук несогласно основным началам университета» (37).

Университет св. Владимира счел необязательными к замещению кафедры сравнительной грамматики, теории и истории изящных искусств в силу того, что предметы этих кафедр не входят в перечень дисциплин для сдачи кандидатского экзамена (38).

Совет Харьковского университета к менее важным предметам факультетского курса отнес теорию и историю изящных искусств «так как ни в одном университете, кроме Московского нет достойного преподавателя и пособий…» (38). Чтение курса общей литературы сочли возможным отдать лекторам по иным предметам, так как большая часть дисциплины относится к другим кафедрам. Также предложили упразднение кафедры церковной истории, ссылаясь на то, что ее разделы входят в предметы кафедры богословия и русской истории.

В учрежденной уставом 1863 г. структуре предметов и кафедр исторических наук была заложена и незаметная для того времени

несбалансированность отечественной и всеобщей истории. Приоритет наук, связанных с изучением классических древностей, ставил в приниженное положение науку древностей отечественного происхождения. В итоге национальная история со смежными областями знаний на историко-филологическом факультете была представлена слабее всеобщей. Решительная попытка усилить обучение студентов на материале национальной истории была предпринята уже в конце 60-х гг. XIX в., что было связано с появлением научного движения в пользу русской археологии и научно-общественной кампании за сохранение памятников отечественной старины.

Итак, согласно положениям устава, российским университетам было возвращено право самоуправления, предоставлялась большая самостоятельность в делах внутреннего управления, восстанавливались академические свободы. Будучи ярким звеном в системе буржуазных реформ в России 60-70-х гг. XIX в., Устав 1863 г. имел целью привести в соответствие новые запросы общества к гуманитарным наукам и взгляды правительства на их воспитательные и идеологические функции. В результате реформирования была выработана устойчивая структурно-организационная схема высшего исторического образования, основанная на делении кафедр и учебных предметов по принципу основных и вспомогательных, отечественной и всеобщей истории, обязательных и второстепенных для студентов. Сами понятия факультета, кафедры, учебного предмета стали основой отечественного университетского лексикона. Были усилены учебные средства университетов в соответствии с требованиями и уровнем развития современной науки. Все это создавало благоприятные условия для развития специализации исторического образования в рамках историко-филологических факультетов российских университетов.

2.2. Становление специализации исторического образования в российских университетах.

Разделение университетов на факультеты не могло стать конечным результатом размежевания университетских наук, оно создало проблему соотношения их преподавания в пределах самих факультетов. В связи с постепенным обособлением истории в кругу гуманитарных наук, вставал вопрос о специализации исторического образования. Начало данного процесса исследователь В.И. Чесноков связывает с уточнением факультетской структуры университетов (1), толчком, к которому, послужило неприязненное отношение к философии, как рассаднику вольномыслия, распространившееся в конце 40-х гг. XIX в., и последовавшая реорганизация философского факультета.

Студенты историко-филологических факультетов российских университетов получали комплексное гуманитарное образование, изучая исторические, филологические и ряд сопутствующих дисциплин. За четыре года обучения студент слушал курсы греческой и римской словесностей и древностей, российской словесности и истории российской литературы, истории и литературы славянских наречий, истории всеобщей литературы, всеобщей и российской истории, политической экономии и статистики.

Специализация на историко-филологическом факультете имела место в случае, если выпускник университета избирал для себя научную карьеру. По Положению об ученых степенях 1844 г. студенты словесного отделения философского факультета, завершая образование, могли приобретать ученые степени магистра по разрядам русской и всеобщей истории, русской, славянской, греческой и римской словесности, политической экономии и статистики (2). Причем магистерский экзамен по любому из разрядов охватывал весь спектр факультетских наук. Вероятно, такая сложность в

приобретении ученых степеней подавляла желание у способных выпускников их получать. Кроме того, универсализм историко-филологической подготовки в университетах начал противоречить предметному построению учебного процесса в гимназиях.

В середине XIX столетия отмечается падение престижа гуманитарного образования как в странах Западной Европы, так и в России. Во Франции численность студентов словесных факультетов в 1860 – 70-х гг. колебалась от 16 до 88 человек в каждом (3). В России за период 1835 – 1856 гг. число поступающих в университеты сократилось вдвое. При этом особенно пострадали историко-филологические факультеты. Общее количество их выпускников за период 1853-1862 г. составило: в Петербургском университете – 116 человек, Московском – 114, Казанском – 25, Харьковском – 44, Киевском – 112, Дерптском – 82 (4).

Такая ситуация вызвала обеспокоенность российских университетов. В 1856 г. начались совместные поиски и эксперименты министерства просвещения и университетов в деле специализации историко-филологического образования.

Следует отметить, что еще задолго до начала общеуниверситетского движения за разделение историко-филологического факультета, вопрос о специализации исторического образования на факультете рассматривался в университетах. Так, в 1836 г., подобный проект был предложен ректором Петербургского университета, профессором всеобщей истории И.П. Шульгиным. Позже к этой проблеме возвращались несколько раз, но большинство членов факультета Петербургского университета придерживались мнения, что «…все науки, составляющие факультет, связаны теснейшим образом и не могут быть разделены без ущерба для занятий…» (5). Такую позицию университет занимал и в последствие.

Инициаторами постановки вопроса о необходимости специализации на историко-филологическом факультете выступили Харьковский университет и университет св. Владимира в Киеве. Исходным пунктом послужила мысль о

перегрузке студентов обязательными для изучения общефакультетскими предметами, и связанная с этим "поверхностность их познаний" (6).

На основании этих соображений в 1856 г. Киевский университет предоставил в Министерство народного просвещения свой проект разделения историко-филологического факультета на два особых разряда - филологический и исторический, производимое перед началом университетского курса. Обособление подготовки историков предполагалось осуществить путем дифференциации факультетских предметов по их отношению к истории и филологии, а также исключением из числа университетского курса некоторых дисциплин. Предметы исторического отделения при этом подразделялись на главные и второстепенные, посещение последних не было обязательным и к ним предъявлялись менее строгие экзаменационные требования. К первым были отнесены всеобщая и русская история, политическая экономия, статистика, история всеобщей и русской литературы, педагогика. Неглавные предметы составили логика, славянские древности, новые европейские языки.

Начиная с 1857/58 учебного года, министерство народного просвещения разрешило университету св. Владимира ввести, "в виде опыта", уже на первом курсе деление факультета на два разряда — исторический и филологический, а факультетских предметов — на главные и второстепенные. Срок эксперимента был определен в четыре года, после чего его результаты должны были поступить на обсуждение университетов относительно "их пользы или неудобства" (7). Таким образом, университет св. Владимира открыл в русских университетах процесс специализации исторического образования. Перед Министерством народного просвещения была поставлена проблема разделения историко-филологического факультета.

Министерство народного просвещения в 1857 г. предложило российским университетам высказать свои предположения по поводу разрешенного в Киевском университете эксперимента с целью выработки университетскими корпорациями приемлемого решения вопроса о разделении историко-филологического факультета. Большинству университетов страны киевский

проект дал материал для раздумий об учебном процессе на факультете. Начался обмен мнениями о круге наук, формирующих специалиста-историка. Предлагалось пополнить учебный процесс на историко-филологических факультетах археологией, этнографией, географией, нумизматикой, славянскими древностями, некоторыми предметами юридического факультета: государственного и международного права, истории русского права, дипломатии и др. При этом для специализирующихся в области истории исключались русская словесность, психология, логика (8).

Рассмотрев Киевский вариант реорганизации историко-филологического факультета, в Московском Университете в пользу создания специализирующих отделений проголосовали 24 представителя факультета против четырех. При этом советом и историко-филологическим факультетом Московского университета был предложен собственный проект, предусматривавший деление факультета на три специальных отделения: древнеклассической филологии и истории, славянорусской филологии и истории, наук историко-политических.

Преподавание на этих отделениях подразделялось на два курса – общий и специальный. К общему курсу были отнесены богословие, церковная история, психология и логика, всеобщая история, русская история, греческий и латинский языки. Специальный курс, включавший обширный перечень предметов (славянские наречия, народоописания, новые языки, педагогику, словесность и др.), предусматривался после второго года обучения (9). В данном случае специализация понималась как система специальных курсов, дополняющая главные предметы историко-филологического факультета, с включением некоторых наук из курса юридического факультета. В целом московский проект характеризует не уменьшение нагрузки студентов, а стремление специализировать процесс обучения на историко-филологическом факультете, направить его на изучение группы предметов, связанных между собой, расширить и углубить курсы.

Наиболее серьезно к вопросу о специализации историко-филологического образования отнесся Харьковский университет. Здесь был разработан

примерный учебный план исторического отделения, исходя из того, что по мнению ректора Харьковского университета А.П. Рославского-Петровского «…специализация должна не перегружать студента, а предоставлять ему больше времени для самостоятельных занятий…» (10). Основу его составляли «историческая пропедевтика» и «вспомогательные науки всеобщей истории» (по два часа в неделю), древняя, средняя и новая история (по 4 часа), русская история (8 часов), история искусств (3 часа), церковная история (4 часа).

Обсуждение киевского проекта показало, что не все поддерживали идею о пользе разделения историко-филологического факультета. В то время как Московский, Казанский, Дерптский и Харьковский университеты признали необходимость специализации, профессура Петербургского университета осталась в стороне от обсуждения, придерживаясь принципа неделимости исторического и филологического образования. В некоторых возражениях не без основания ссылались на трудности в реализации разделения, обусловленные низким уровнем гимназического образования и малочисленностью контингента студентов на историко-филологических факультетах.

В целом, к вопросу о разделении историко-филологического факультета обозначилось два подхода. Первый подход, наиболее радикальный, отстаиваемый профессорами Харьковского и Киевского университетов, предусматривал выделение самостоятельного исторического отделения в самом начале университетского курса, то есть целевую подготовку студентов по разрядам специализации на протяжении всех лет обучения с привлечением необходимых историку наук.

Вторая позиция, характерная для профессуры Московского и Казанского университетов, подразумевала специализацию, начиная с 3-4 курса. Общим для них являлось положение о необходимости общего историко-филологического этапа обучения, предшествующего непосредственно специализации. Однако содержание специализирующего этапа представлялось по-разному. Казанский университет ориентировался на специализацию как на углубление знаний по

предметам исторического профиля, преподаваемых на младших курсах. Допускалось повторное чтение студентам, специализирующимся в области истории, курсов русской и всеобщей истории.

Московский проект включал в состав специализирующих предметов незнакомые студентам курсы и специальные курсы по русской и всеобщей истории. Он в большей степени освобождал специализирующихся по истории от изучения филологических дисциплин, при этом приближая специализацию исторического разряда к юридическому факультету.

Широкое обсуждение проектов специализации показало, что большинство университетов относились к разделению историко-филологического факультета с точки зрения потребностей гимназий в учителях истории и словесности. Однако звучала мысль и о том, что специализация должна быть ориентирована на магистерские экзамены по общей, русской истории и филологическим наукам. Поскольку предметы магистерского экзамена по любой специальности подразделялись на главные и второстепенные, то в проектах разделения факультета появилась разбивка учебных дисциплин на основные и вспомогательные по отношению к той или иной специализации.

Новый устав 1863 г. ориентировал университеты на продолжение работы в области специализации подготовки студентов. Так, п. 21 устава предоставлял факультету право «…составлять предположения о разделении факультета на разряды…», соединять и разъединять кафедры, определять какие предметы учебного курса следует считать главными, что представлялось через попечителей округов на утверждение министра (11). Начался второй этап деятельности, «…вылившийся для каждого из историко-филологических факультетов в разработку и проведение через министерство народного просвещения Правил его разделения» (12). В этой работе каждый из университетов ориентировались на собственный опыт и достигнутые результаты.

В 1863 г. историко-филологический факультет Харьковского университета представил в Министерство народного просвещения ходатайство о разделении

факультета на три разряда: исторических наук, древних классических языков, русского и славянского языков и литературы (13). При этом указывалось на сложную ситуацию в области подготовки специалистов – гуманитариев в российских университетах: «…процент обучающихся на этом факультете изумительно слаб и ослабевает, видимо, все больше и больше…так в Московском университете из двух тысяч студентов не более сорока пяти принадлежат историко-филологическому факультету, а окончивших курс – не более двенадцати…» (14).

Такая ситуация, по мнению Харьковского университета, была связана с чрезвычайной перегрузкой студентов историко-филологического факультета. Так «…на факультете преподается много разнообразных наук, нередко не связанных между собой. При этом все они признаны главными…» (15).

К предложению о необходимости разделении факультета на историческое, классическое и славянорусское отделения в виду чрезмерного объема учебного материала присоединился и совет университета св. Владимира в Киеве. К предметам исторического отделения, по проекту Киевского университета, были отнесены всеобщая история (с разделением на древнюю и новую), русская история, история всеобщей литературы, история русской литературы, история философии, церковная история, теория и история искусств, греческая история, латинский язык. Богословие и новые европейские языки признавались обязательными для всех отделений. Студентам исторического отделения предлагалось слушание лекций по политической экономии и статистике. Несмотря на то, что университетский устав 1863 г. не включил эти науки в круг дисциплин историко-филологического факультета, их преподавание сочли желательным (16).

Историко-филологический факультет Московского университета выступил против проектов Харьковского и Киевского университетов, считая, что они «предлагают не специализировать занятия студентов, а дают возможность не заниматься предметами, читаемыми на историко-филологическом факультете, или же заниматься ими только слегка…» (17). Рассматривая специализацию,

как средство углубления основной подготовки студентов путем развития и расширения системы специальных курсов, профессора историко-филологического факультета Московского университета выступил за усиление классической подготовки студентов, как условия успешного обучения на данном факультете. В качестве собственного проекта специализации был предложен план реорганизации занятий студентов, разработанный в 1858 г.

Петербургский университет, не принимая активного участия в обсуждении вопроса о необходимости специализации на историко-филологическом факультете, твердо заявил о приверженности принципу неделимости и обоюдной пользы исторического и филологического образования. Соглашаясь с тем, что специализация есть необходимое условие развития науки, отмечалось, что она возможна «…если ей предшествует весьма серьезное и дельное гимназическое образование, на которое она прочно бы опиралась. Без этого специализация обращается в односторонность…» (18). Но уровень развития гимназий того времени расценивался как недостаточный в качестве основы специализации занятий студентов университетов, так как «…в гимназии излагаются только соединенные в систему сведения. В университете же преподаются науки…» (19).

В данном вопросе совет Петербургского университета ссылался на мнение М.С. Куторги, выдающегося ученого, профессора кафедры всеобщей истории. Выступая за сохранение целостности факультета, он отмечал, что «под отделением факультета подразумевается учреждение в нем самостоятельных разрядов, из которых каждый образует отдельный круг или общее целое, состоящее из нескольких наук, но стремится к единой цели. Но на историко-филологическом факультете науки находятся в тесной связи….» (20). В связи с чем, их разделение представляется невозможным. При этом допускалось сокращение предметов при испытаниях на соискание ученых степеней, не изменяя при этом требований к знаниям испытуемого.

В целом, в ходе обсуждения проекта разделения историко-филологического факультета, идея создания двух отделений постепенно

трансформировалась в трехчленную структуру факультетских разрядов. В университетских проектах появился третий вид специализации – классическая филология. Во многом это объяснялось напором мнений об упадке классического образования в российских гимназиях и университетах и о необходимости его укрепления. Много поборников классического образования было среди преподавателей университетов, в которых кафедры греческой и римской филологии занимали прочное место. Важно отметить, что именно ученые университетов, а не правительство, явились инициаторами усиления позиций классического образования и выступили за создание соответствующей факультетской специализации.

В 70-х гг. XIX в. в университетах велась работа по уточнению состава предметов отделений историко-филологического факультета. Прежде всего, было признано необходимым разделить все факультетские предметы на общие для всех разрядов, специальные для каждого разряда и дополнительные. В вопросе о составе специализирующих дисциплин наметились три основные тенденции. Так, Харьковский университет предлагал студентам изучать все предметы факультетского курса, разделяя их на основные и второстепенные по отношению к избранной специализации по трем отделениям: классическому, славяно-русскому и историческому.

Киевский вариант допускал исключение некоторых предметов факультетского курса, стоящих в стороне от специальной подготовки для студентов, избравших специализацию в области истории. Профессура Петербургского университета выступала за специализацию по разрядам магистерских экзаменов, фактически по профилю кафедр.

В конце 60-х гг. XIX в. было предпринято разделение историко-филологических факультетов в университетах на три отделения: истории, славяно-русской филологии и классической филологии. И к концу 1870-х гг. после интенсивного обсуждения университетских проектов в большинстве русских университетов эта система разделения историко-филологического факультета, начиная с третьего курса, внедрилась. Во многом сделать

решительные шаги к практическому осуществлению проекта разделения историко-филологического факультета на отделения способствовало увеличение преподавательского состава.

В Харьковском университете разделение факультета окончательно было разрешено Министерством просвещения в июне 1871 г. Отделение исторических наук предусматривало подготовку студентов на основе всех факультетских наук с делением на главные и вспомогательные. К общим предметам первоначально были отнесены: богословие (для первого курса), логика, языки: греческий для студентов первых трех курсов, латинский для первых двух курсов; студентам исторического разряда была предоставлена возможность вместе с юристами слушать курс политической экономии. А с 1875-76 г.г. практиковалось изучение как основных наук логики и психологии, греческого и латинского языка, истории всеобщей литературы (21).

Главными предметами исторического отделения были: 1) всеобщая история (древняя, средняя и новая); 2) русская история; 3) история славянских народов; 4) церковная история; 5)история философии (22). К дополнительным предметам были отнесены история русской литературы и история всеобщей литературы. Специализация на историко-филологическом факультете устанавливалась с третьего курса, так что слушание главных предметов приходилось в основном на первые два курса.

В университете св. Владимира в Киеве в 1867 г. отказались от идеи ранней специализации и перенесли ее начало на третий курс (23). В соответствии с Правилами разделения его историко-филологического факультета первые два года обучения отводились на изучение общефакультетских предметов: логики, психологии, греческого и латинского языка, богословия, церковнославянского языка, русской и славянской словесности, сравнительной грамматики индоевропейских языков, русской и всеобщей истории, церковной истории, теории и истории искусств. Новые языки изучались независимо от выбора специализации.

Сдача полукурсового экзамена по всем общефакультетским дисциплинам

предоставляла возможность выбора специализации. Главными курсами исторического отделения были признаны русская история, «важнейшие отделы» всеобщей истории, церковная история, история средневекового и нового искусства, статистика. К вспомогательным специализирующим предметам были отнесены греческие, римские и славянские древности, история всеобщей литературы, история философии, политическая экономия и педагогика (24). Таким образом, на общефакультетском этапе обучения студенты были перегружены занятиями. Против чего изначально выступал университет, настаивая на необходимости специализации.

Система разделения историко-филологического факультета Казанского университета, сложившаяся к концу 1870-х гг., исходила из идеи неделимости исторических и филологических наук и предполагала лишь поворот историко-филологического образования в сторону специализации обучения на старших курсах. Предметы преподавания делились на общие для первого и второго курсов и специальные для старших курсов; последние распадались на основные и дополнительные. В историческом отделении имелось восемь специальных курсов: история философии, церковная история, всеобщая история, русская история, история искусств, политическая экономия, государственное право и физическая география (25). Специализирующий этап оказался перегруженным учебными занятиями, так как кроме специальных курсов студенты должны были слушать ряд общефакультетских дисциплин.

По мере открытия новые университеты подключались к движению за специализацию историко-филологического образования. В 1865 г. был открыт Новороссийский университет, уже в сентябре 1865 г. ходатайствовавший о разделении факультета. Проект разделения был утвержден в Министерстве народного просвещения 22 июня 1868 г., но с определенными изменениями. В частности, русская история была признана обязательным предметом для всех отделений, история всеобщей литературы отнесена к разряду необязательных. В схеме образовательного процесса и предметном содержании специализация историко-филологического образования в Новороссийском университете

синтезировала опыт Киевского и Харьковского университетов. В действие Правила разделения историко-филологического факультета Новороссийского университета вступили с 1869 г. (26).

Варшавский университет, созданный на базе Варшавской главной школы, сохранил ее разделенное историко-филологическое отделение. Начало специализации было перенесено на второй курс. Но в Министерстве просвещения заметили, что недостаточно одного года общефакультетской подготовки и вернули правила разделения историко-филологического факультета Варшавского университета к типовой схеме разделения российских университетов, начинавшей специализацию на третьем курсе. Предметная структура исторического отделения в Варшавском университете была приближена к харьковской модели (27).

По данным правительства на 1880 г. исторические отделения существовали в Московском, Харьковском, Новороссийском университетах, университете св. Владимира; имелась специализация в Петербургском и Варшавском университетах (28). В 1881 г. она была официально констатирована во всех русских университетах. Схема обучающего процесса на факультете выглядела следующим образом: два года изучения общефакультетских курсов, столько же — преимущественно специализирующих дисциплин. Московский университет несколько отступал от этой схемы: специализация на историко-филологическом факультете здесь начиналась на четвертом курсе и продолжалась всего один год. Это создало перегрузку студентов четвертого курса аудиторными занятиями – пять часов в день против трех, установленных по норме. В 1881 г. университет перенес начало специализации на третий курс. В декабре 1881 г. новые, утвержденные министром просвещения "Правила разделения историко-филологического факультета" устранили это отклонение от общей нормы (29).

Согласно "Правилам", процесс подготовки историков складывался из двух равных по времени этапов: изучение общеобязательных предметов на первом-втором курсах и специализированное обучение на третьем и четвертом курсе.

На младших курсах преподавались логика, философия, психология, греческий и латинский языки, сравнительное языкознание, русский язык и история русской литературы, церковнославянский язык, история всеобщей литературы, всеобщая и русская история, богословие, новые европейские языки. В круг предметов исторической специализации входили: специальные курсы по всеобщей и русской истории, история восточной и западной церкви, история всеобщей литературы, греческие и римские древности, политическая экономия.

Петербургский университет, в отличие от других, рассматривал специализацию на факультете не с позиции соотношения истории и филологии в учебном процессе, а с точки зрения магистерских экзаменов по историко-филологической группе. Предполагалось предоставить студентам возможность сосредоточиться на более глубоком изучении избранного каждым из них факультетского предмета. По Правилам разделения факультета 1872 г. историческая специализация состояла из трех разрядов: древняя история, средняя и новая история, русская история. В таком дроблении отделения исторических наук «…на первый взгляд ультрапрогрессивном, была упущена увязка специализации, как с возможностями студента, так и с профилем его будущей учительской службы» (30).

В целом на историко-филологическом факультете Петербургского университета имелось пять специализирующих отделений: классической филологии, славяно-русской филологии, германо-романской филологии, философских наук и исторических наук. При этом история России была признана обязательным предметом, а история всеобщей литературы необязательным. В течение первых двух лет обучения университетской программой было предусмотрено изучение логики и психологии. На втором и третьем курсе в качестве общего предмета основное внимание уделялось изучению истории русской литературы. На двух последних курсах студентам приходилось осваивать теорию и историю искусств, историю философии, церковную историю, сравнительную грамматику индоевропейских языков. Однако к началу 1881-1882 академического года на историко-филологическом

факультете Петербургского университета вводилось официальное разделение по трем разрядам: исторических наук, славяно-русскому и классическому.

Таким образом, к середине 80-х гг. XIX в. исторические отделения имелись во всех университетах России. При всех незначительных разночтениях в специализирующей факультетской системе основой ее были три звена и два года специализации. В некоторых университетах дисциплины специализации делились на главные и вспомогательные. Состав предметов, формирующий специалистов по направлениям специализаций факультета, каждый университет группировал в соответствии со своими представлениями и накопленным опытом.

Исключением являлся Дерптский университет: его историко-филологический факультет подразделялся на историко-филологическое и камеральное отделения (31). Пользуясь положением «особенного» университета для России и, оберегая традицию германских университетов, рассматривавших историческое образование как философское на базе классической филологии, Дерптский университет остался в стороне от общероссийского университетского движения за разделение историко-филологического факультета.

Начавшаяся специализация на историко-филологическом факультете открывала возможности для широкого внедрения в учебный процесс практических и самостоятельных занятий. Заботясь о "чистой" науке в университетах, обеспокоенное втягиванием молодежи в политику правительство, начиная с 1860-х гг., систематически напоминало профессорам о необходимости организации самостоятельной работы студентов по предметам университетских курсов. Профессора историко-филологических факультетов российских университетов шли к этой проблеме академическим путем, заимствовав у германских университетов опыт постановки в учебном процессе практических занятий (упражнений) по предметам исторического и филологического циклов. В университетском лексиконе они именовались, как и в Германии, семинариями.

Право первопроходца в деле внедрения данной формы занятий принадлежит немецкому профессору Л. Ранке: он ввел ее в Берлинском университете в 30-х гг. XIX в. В 1860-е гг. исторические семинарии существовали во всех университетах Германии.

Семинарии на историко-филологических факультетах русских университетов сначала были введены по всеобщей истории. Считается, что родоначальником этого новшества явился профессор Московского университета В. И. Герье (1867 г.), а первыми продолжателями — В. В. Бауэр (Петербургский университет) и М. Н. Петров (Харьковский университет). Но первая пропаганда зарубежного опыта организации самостоятельных занятий студентов по всеобщей истории принадлежала университету св. Владимира. В 1861 г. в киевских "Университетских известиях" был напечатан проект постановки практических занятий, составленный исполняющим должность экстраординарного профессора магистром В. Я. Шульгиным по образцам исторического семинария Л. Ранке (Берлин), его ученика Г. Зибеля (Мюнхен) и Высшей нормальной школы (Франция). Принципиальная структура такого занятия представлялась автору как синтетическая: в первой части профессор сам излагает методы того или иного "отдела всемирной истории" и его историографию, вторая часть предусматривала подготовку студентами докладов по тематике изучаемого периода и их обсуждение. Впоследствии семинарии стали внедряться и по курсу русской истории (32).

Министерство народного просвещения, видя в практических занятиях верный способ первоначального приобщения студентов к науке, определило их как обязательное условие подготовки специалистов-гуманитариев. В целях ознакомления русских преподавателей с практикой проведения семинарских занятий было организовано изучение опыта зарубежных университетов и его обсуждение в российских университетских кругах. В 1870-е гг. раздел "Практические упражнения" был введен в схему ежегодных отчетов университетов. В 1869 г. в "Журнале министерства народного просвещения" появилась статья профессора Берлинского университета И. Г. Дройзена "О

научно-практических занятиях студентов в германских университетах, преимущественно по предмету истории", написанная по заказу Д. А. Толстого и помещенная с примечанием: «мысли автора, не новые для наших университетских профессоров". Публикация германского специалиста длительное время была в поле зрения русской гуманитарной профессуры.

Летом 1870 г. в командировку по университетам Германии для изучения вопроса об исторических семинариях был направлен профессор русской истории А. Г. Брикнер. В том же году он опубликовал материалы своих наблюдений, отметив особый интерес немецких историков к средневековой истории Германии. В 1871 г. со своим опытом проведения практических занятий по всеобщей истории выступил профессор Казанского университета Н. А. Осокин, популяризировавший диспуты студентов по заданным преподавателем темам.

Таким образом, с 60-х гг. XIX в. подготовка историков в рамках историко-филологических факультетов осуществлялась на исторических отделениях, с конца 1870-х гг. постепенно утверждается система специализации исторического образования. Открывавшиеся университеты сразу включались в этот процесс и определенное отставание объяснялось в первую очередь недостатком специалистов в провинциальных вузах.

Именно поиску мер, направленных на стабилизацию профессорско-преподавательского состава в российских университетах, значительное внимание уделили составители устава 1863 г.

2.3. Подготовка научно-педагогических кадров историков в российских университетах в 50 – 70-е гг. XIX в.

Подготовка историков являлась важной стороной внутренней академической жизни российских университетов, приобретавшая особое значение в силу той роли, которая отводилась правительством истории, как науке, в деле защиты государственных устоев и соответствующего идейного воспитания молодежи.

Развитие российских университетов в XIX в. было сопряжено с поисками теоретических и организационных основ подготовки преподавателей для собственных учебных нужд. На протяжении всего столетия университетами и правительством решалась проблема обеспечения российских университетов необходимыми для замещения университетских кафедр и организации учебного процесса профессорскими кадрами. Само понятие «кафедра», широко используемое в университетском и министерском лексиконе в дореволюционной России, фактически отождествлялось с ординарной профессурой по тому или иному фундаментальному предмету факультетской подготовки (1). Хотя далеко не всегда наблюдалось соответствие между количеством профессоров, положенных по штатам, и бывших в наличии.

Если европейские университеты не испытывали недостатка в наличии профессоров, то в России еще при открытии первого университета в Москве остро встал вопрос о преподавательских кадрах. Особые трудности в обеспечении преподавательскими кадрами молодые русские университеты испытывали до 30-х гг. XIX в.

В первой четверти XIX в. университетами и правительством началась работа по определению стабильной системы ученых степеней и порядка их присуждения. Итогом этой деятельности было конституирование для большинства университетских наук трех ученых степеней: кандидата, магистра и доктора. Первая, кандидатская, ступень была в то же время и выпускной по университету для наиболее способных и стремящихся к "ученому поприщу" студентов. В этом плане она осуществляла преемственность между университетской и послеуниверситетской научной подготовкой молодых людей.

Первое упоминание об учреждении ученых степеней доктора, магистра и кандидата в России имеется в «Высочайшем указе об устройстве училищ» от 24 ноября 1803 г. однако порядок их приобретения не регламентировался. Более подробное описание содержится в уставе Дерптского университета от 12 сентября 1803 г., в котором устанавливались устные и письменные испытания для получения любой степени. После экзаменов предусматривалась защита диссертации в публичном заседании факультета (2).

Устав Московского университета 1804 г. и тождественные ему уставы Харьковского и Казанского университетов, провозгласили одной из привилегий университетов право присвоения ими ученых степеней. Данному вопросу посвящалась глава IX (п. 96 – 107) «Об испытаниях и производстве в университетские достоинства» (3). Устанавливались следующие ученые степени для соискателей: кандидата, магистра и доктора. Но в уставе не была достаточно разработана система присуждения ученых степеней. В основном здесь был воспроизведен порядок, предусмотренный в уставе Дерптского университета 1803 г., но с некоторыми подробностями, в том числе, латынь, в

качестве языка для диспутов, заменялась русским. В целом до 1816 г. присуждение ученых степеней в российских университетах совершалось на основе университетских уставов и сложившихся традиций, при отсутствии специально разработанного положения.

В 1816 г., в связи с возникшим в Дерптском университете "делом" о неправильном производстве нескольких лиц в степень доктора права, Александр I распорядился "определить точнейшим образом правила производства в ученые степени и приостановить само возведение в них до издания особенного по этому предмету "Положения". Необходимая работа была проделана в 1818 году, и 20 января 1819 г. было утверждено первое «Положение о производстве в ученые степени». Этот документ был принят по проекту комиссии, возглавлявшейся попечителем Петербургского учебного округа С. С. Уваровым. «Положение» предусматривало наличие следующих ученых степеней: действительный студент, то есть окончивший курс по определенному факультету и получивший аттестат, мог претендовать на степень кандидата; магистр, обязанный иметь полное представление о преподаваемой науке и мог сообщить сведения по ней; доктор, обнаруживающий глубокие знания в науке.

Основным в "Положении" было разделение наук, в кругу которых разрешалось приобретать ученые степени, на разряды по числу факультетов в университетах: философские, юридические и медицинские. Исторические науки были отнесены к составу философских. Тогда же был установлен и сам порядок приобретения ученых степеней: обязательное представление диссертаций и испытания, устные и письменные, для ищущих ученую степень магистра и доктора, причем соискатели экзаменовались по всем предметам словесного отделения философского факультета.

В следующем «Положении о производстве в ученые степени» 1837 г. производится деление единых магистерских и докторских степеней по философским наукам на пять разрядов. В том числе был конституирован разряд исторических наук. Другим нововведением явилась специализация

магистерского и докторского экзаменов, с разделением их предметов на главные и второстепенные. Так в соответствии с «Таблицей испытаний на ученые степени» 1837 г. к главным предметам магистерских испытаний были отнесены всеобщая и русская история, к дополнительным – политическая экономия и статистика (4). Отличием Положения 1837 г. явилось то, что значительно возросла строгость экзаменов, особенно для соискателей степени магистра, которые кроме устного испытания, еще отвечали на два вопроса письменно (5).

В 1844 г. специальным комитетом из академиков и профессоров под руководством товарища министра просвещения П.А. Ширинского-Шихматова было выработано новое «Положение о производстве в ученые степени». Его составители исходили из того, что «…приобретение ученых степеней при действовавшем порядке было слишком затруднено…» (6). Новое «Положение» облегчало процедуру приобретения ученых степеней. Общий исторический разряд разделялся на два самостоятельных: всеобщей и русской истории. Новая «Таблица испытаний на ученые степени» для соискателя степени магистра русской истории предусматривала испытания по русской истории, древней и новой географии - как главным предметам; для магистра всеобщей истории – соответственно экзамены по всеобщей истории, древней и новой географии. Ко «вторым» предметам были отнесены для первых – всеобщая история, для вторых – русская история. Кроме того, для обоих разрядов предусматривались испытания из области политической экономии, статистики, «общенародного правоведения» (7). При этом докторская степень сохранялась как универсальная: исторических наук, политической экономии и статистики.

Таким образом, на протяжении первой половины XIX в. в области присуждения ученых степеней неизменным оставался принцип экзаменов для получения любой ученой степени. Однако прослеживается тенденция к упрощению процедуры приобретения ученых степеней. Так, постепенно сокращается число экзаменационных вопросов, латынь начинает вытесняться из ученого обихода. Намечается дифференциация отдельных отраслей знания.

Установленная в России система ученых степеней и званий соответствовала той, которая была принята в других европейских странах, отличаясь более строгим и последовательным порядком их присуждения и более высокими требованиями к соискателю (8).

Политика изоляции России от Европы, проводимая правительством Николая Первого, обусловила сокращение возможностей университетов в деле воспроизводства профессорско-преподавательского состава и научных кадров. В 1838 г. прекратил свое существование Профессорский институт в Дерпте. В 1848 г. последовал запрет на заграничные командировки с научной целью лучших выпускников университетов, что ограничивало возможности их научного роста. В особенно сложном положении оказались молодые ученые, избравшие своей специальностью всеобщую историю. Они были отрезаны и от источников, и от теоретических построений западноевропейской науки.

Последний канал связи российских университетов с западноевропейской исторической наукой был пресечен в 1849 г., когда последовал указ о запрещении получения иностранной литературы университетами и частными лицами.

Характер деятельности и функции профессоров-гуманитариев в дореволюционных университетах рассматривался правительством не только как учебно-научный, но и как идейно-воспитательный, хотя это и не афишировалось в правительственных постановлениях. В 1852 г. университеты были подведены под негласное правило: не приглашать на кафедры иностранных ученых. При этом правительство исходило из того, что учебной работы на нужной идейно-мировоззренческой основе можно требовать только от преподавателя русского происхождения.

Ограничительные меры в отношении российских университетов - как упразднение преподавания философии, стандартизация лекционных чтений - подрывали престиж историко-филологического образования, что привело к сокращению числа студентов на факультете, а также желающих заниматься наукой. Так за период 1844 – 1860 г.г. по разрядам наук историко-

филологического факультета было защищено 27 докторских, 93 магистерских диссертаций и 689 студенческих работ на степень кандидата То есть из получивших степень кандидата только 13,5 % выпускников вышли на магистерский уровень, из магистров на докторскую ступень не поднялся 71 %, количества же подготовленных за 16 лет профессоров не хватало для обеспечения 36 кафедр историко-филологического профиля российских университетов (9).

Конец 50-х – нач. 60-х гг. XIX в. явились сложным периодом с точки зрения обеспечения кафедр историко-филологического факультетов в университетах Российской империи необходимыми для преподавания силами. Положение усугублялось тем, что ведущие профессора – историки не имели учеников и не подготовили научной смены. Так Т.Н. Грановский дал Московскому университету П.Н. Кудрявцева и отчасти В.С. Ешевского; ученики С.М. Соловьева начали работать лишь с 1860-х гг.

Старение и уход профессоров 40 - 50-х гг. XIX в., отсутствие системы в подготовке научной смены, нежелание молодых людей заниматься наукой, трудности в получении ученых степеней привели фактически к тупику в подготовке кадров историков (10). Кроме того, сами профессорские коллегии бережно охраняли свой высокий статус и без особого энтузиазма принимали в свои ряды молодых профессоров. Многие соискатели так и оставались доцентами, жалование которых не превышало гонорара учителя гимназии. В результате приток молодых преподавателей сдерживался, университетские же кафедры не были полностью укомплектованы докторами и профессорами. Стали появляться кафедры, вакантные в течение нескольких лет.

Нехватка профессоров вынуждала университеты, с согласия министра народного просвещения, определять на вакантные кафедры магистров в должности экстраординарных профессоров. Это являлось нарушением действовавшего правила, что никто не может занимать профессорскую должность без степени доктора. В поисках профессоров истории Советы университетов прибегали порой и к «неакадемическим мерам», в том числе

переманиванию специалистов из других высших учебных учреждений.

Частные меры правительства Александра II - как восстановление в 1856 г. заграничных командировок, отмена цензурного запрета на ввоз книг в 1861 г. - не привели к быстрому улучшению ситуации. В связи с необходимостью увеличения числа преподавательского корпуса в 1852 г. началась долговременная работа по дальнейшему упрощению процедуры приобретения ученых степеней. Главным объектом наступления стали испытания на степень доктора наук. Обсуждалась возможность дальнейшего увеличения количества разрядов магистра для исторических наук: в проектах Ученого комитета Министерства просвещения и Петербургского университета, в частности, значился дополнительный разряд магистра археологии.

По данным министерства народного просвещения за 1862 г. в российских университетах оставались вакантными около 40 кафедр, особенно сложная ситуация была на историко-филологическом факультете. По сведениям на июль 1863 г., предоставленными самими университетами, из 12 кафедр исторического профиля не были замещены вообще или лицами без необходимой ученой степени 6 кафедр.

Так, кафедра русской истории была вакантна в Петербургском, Киевском, Казанском, Дерптском университетах; всеобщей истории – в Казанском и Петербургском. В университетской практике применялись два способа «приискания кандидатов» на вакантные кафедры: объявление конкурса и приглашение по личным связями или совету коллег из других университетов. Но ни один из них не приносил результатов. В университете св. Владимира в Киеве, где был объявлен конкурс по кафедре русской истории с 1860 г., в 1863 г. пришли к выводу о «совершенной бесполезности этой меры» (11). Министр просвещения не мог, со своей стороны, воспользоваться правом назначения профессоров на вакантные кафедры в случаях, когда сами университеты не в состоянии были этого сделать, поскольку в распоряжении учебного ведомства не имелось не занятых докторов исторических наук и даже магистров, тем более благонадежных.

Активно к проблеме замещения кафедр обратились в конце 1850-х гг. В этот период уделили внимание проблеме вознаграждения труда преподавателя в университете. Отмечалось, что в особенно бедственном положении находились преподаватели в провинциальных университетах, практически не имевшие возможностей для дополнительного заработка.

В течение 1862 г. Министерство просвещения формировало правительственную программу общего улучшения учебно-научной деятельности университетов. Проблема подготовки университетских профессоров заняла в ней центральное место. Среди основных мер по устранению дефицита профессоров в университетах Министерством просвещения предлагалось увеличение подготовки приват-доцентов, упрощение процедуры на соискание ученых степеней магистра и доктора, увеличение преподавательского оклада.

Основы данной программы закладывались в разрабатываемый проект устава российских университетов. Организатором и инициатором этой работы явился министр народного просвещения А.В. Головнин. В подготовке отечественных ученых, особенно в области гуманитарного знания, Министерство просвещения при А.В. Головнине ориентировалось на приоритеты западноевропейской науки, преимущественно германской. В связи с этим в 1862 г. министр выступил с предложением о возрождении Профессорского института в Дерпте, как центра подготовки профессоров из русских ученых путем приглашения в него ученых из германских университетов для работы в качестве преподавателей. Однако эта идея не получила развития, в том числе и по финансовым соображениям.

Еще до утверждения нового университетского устава министерство взяло курс на оживление деятельности советов университетов в вопросах подготовки преподавательских кадров. До сведения университетов было доведено, что их факультеты обязаны готовить кандидатов на замещение кафедр еще до того как эти кафедры станут вакантными (12).

В 1860-е гг. совместными усилиями правительства и университетской

профессуры была выработана целая система мер, получившая условное название системы «профессорских стипендиатов» (13). Основные ее элементы были сформулированы уже в 1862 г., как главной и отправной формы подготовки научного пополнения и научной смены для университетов. В университетах связали это нововведение и с процессом заполнения штатных преподавательских должностей на кафедрах.

В отношении института профессорских стипендиатов речь шла о двух его категориях: кандидаты, отправляемые для последующей подготовки за границу и молодые люди, оставляемые со стипендиальным содержанием при университетах в тех случаях, когда диссертации могут быть выполнены на основе отечественного материала, архивов и библиотек.

Как наиболее эффективный и престижный способ подготовки профессоров рассматривались заграничные командировки. Университетские советы «…подталкивались к убеждению, что по ряду наук готовить в России специалистов высшей квалификации вообще невозможно» (14). К таким научным отраслям была отнесена всеобщая история, в связи с отсутствием в стране необходимых источников и крупных специалистов по ее проблематике. В качестве опорных пунктов обучения рассматривались германские университеты и их исторические школы, где по каждому периоду работали видные ученые и действовали специальные семинарии. Так, в министерском приглашении университетам значились: Берлинский университет (история древнего Египта под руководством К.Р. Лепсиуса, лекции и семинарии Л. Ранке, И.Г. Дройзена), новейшая история у Г. Зибеля в Боннском университете, изучение истории Греции и Рима в Гейдельбергском университете у М. Вебера и Гейссера.

10 марта 1862 г. последовало Высочайшее разрешение на массовое командирование университетских выпускников для подготовки их к занятию профессорских должностей. Содержание направляемых в виде стипендий 1600 – 2400 руб. в год правительство брало на себя с назначением их от министерства народного просвещения. Такие командировки предусматривались

и на перспективу.

Однако не всеми приветствовалось командирование молодых людей за границу. «Московские ведомости» резко осудили его, полагая, что общение молодых профессоров с Западной Европой пойдет во вред российским университетам. Но министерство просвещения опиралось в своих действиях на мнение университетской профессуры. Право отбора кандидатов для заграничных командировок было предоставлено факультетам и советам университетов, хотя министерство могло вносить в списки командируемых лиц по своему усмотрению или по рекомендации отдельных ученых (15).

Среди первых командированных молодых людей в 1862 г. восемь человек были направлены за рубеж с установкой на занятия историей. По всеобщей истории – В.Г. Васильевский, В.И. Герье, И.И. Шиховский, А.Ф. Копылов; по русской истории – А.Л. Миротворцев, В.Ю. Хорошевский, М.Л. Стефанович; по истории искусств – Н.Е. Михайлов (16).

Составители университетского устава 1863 г. стремились создать условия для обеспечения университетов необходимым количеством преподавателей, вполне подготовленных к своим званиям. При этом в соответствии с новым уставом увеличивалось число кафедр и количество профессоров. Так по уставу 1863 г. на историко-филологическом факультет полагалось 12 профессоров при 11 фундаментальных областях науки, второй профессор мог появиться на кафедре только в качестве экстраординарного или сверхштатного. Предусмотренного количества доцентов – семи – не хватало почти для половины профессоров, в помощь которым они предназначались.

Устав 1863 г внес изменения в структуру преподавательских должностей: появляется понятие штатного и нештатного преподавателя. К первой категории принадлежали ординарные и экстраординарные профессора, доценты (до 1863 г. адъюнкты) и лекторы, преимущественно преподававшие новые иностранные языки; ко второй — приват-доценты, определявшиеся к преподаванию на каждый учебный год с разрешения попечителей учебных округов и получавшие содержание из специальных средств университетов. Несмотря на то, что

правительство в 1860 - 70-х г.г. прилагало немало усилий к развитию института приват-доцентов, он не получил тогда широкого распространения.

Устав 1863 г. предусматривал ряд положений по комплектованию профессорско-преподавательского состава российских университетов. В соответствии с новым уставом действовала установка: "Никто не может быть ординарным или экстраординарным профессором, не имея степени доктора по разряду наук, соответствующих его кафедре. Для получения же звания доцента надлежит иметь, по крайней мере, степень магистра…» (17). После утверждения устава 1863 г. и штатов университетов у профессорско-преподавательского состава появились убедительные материальные стимулы для повышения своей научно-педагогической квалификации. Например, в 1863 г. по сравнению с 1835 г., годовое денежное содержание в Московском университете было увеличено: у ординарного профессора с 1543 до 3000 руб., у экстраординарных – с 1095 до 2000, у доцента – с 786 до 1200, у лектора – с 504 до 1000 руб. (18).

Стабилизировать ситуацию с кадрами в российских университетах было призвано пенсионное обеспечение в размере вплоть до полного должностного оклада (при выслуге в 25 лет и более). Профессор при выслуге в 25 лет в должности штатного преподавателя в вузе получал звание заслуженного профессора, что давало привилегии ему и его семье (19). Но положительные начинания, заложенные в уставе, не всегда реализовывались на практике.

Введение института приват-доцентов (параграф 68 - 69) был призван оживить университеты свежими силами. Сама категория «приват - доцент», заимствованная из германского лексикона, была связана с занятиями по каким-либо разделам общего лекционного курса. Однако в 1860-е гг. деятельность приват-доцентов не получила массового распространения.

В университетском уставе 1863 г. система подготовки профессорских стипендиатов получила окончательное законодательное оформление. Наряду с сохранением прежних способов замещения университетских кафедр (избрание советом, конкурс, назначение со стороны министерства), в новом уставе

предусматривались средства для обеспечения достаточного числа лиц, из которых совет мог избирать своих кандидатов. Во-первых, совету университета предоставлялась право оставлять при университете стипендиатов для приготовления к профессорскому званию (параграф 42. п. 6). Во-вторых, устав предусматривал командирование молодых специалистов за границу (параграф 42. п. 4). (20)

В первоначальной министерской трактовке категория «профессорский стипендиат» была связана лишь с заграничной научной командировкой. Но устав 1863 г. заложил в это понятие более широкое содержание: стипендиат, оставленный при университете для подготовки к профессорскому званию. Специфика наук университетского преподавания способствовала тому, что в практической реализации система профессорских стипендиатов стала двучленной, и готовившиеся к занятию профессорских должностей подразделялись на две категории. Наиболее четко это деление прослеживалось в отношении молодых людей, готовившихся к преподаванию исторических наук. Будущие профессора всеобщей истории, а также кандидаты на замещение новой кафедры теории и истории искусств, предусмотренной уставом 1863 г., отправлялись за границу в обязательном порядке. Срок командировки определялся в два года, при необходимости мог быть продлен до трех лет.

Вторая категория стипендиатов по разряду исторических наук, специализировалась в области русской истории. Написание диссертаций в этом случае не всегда требовало выезда за пределы страны, так как работы создавались в основном на отечественных источниках. Оставленный при университете выпускник получал стипендию в размере 600 руб. в год и должен был за два года выдержать магистерские экзамены. О своей работе эти стипендиаты отчитывались перед историко-филологическими факультетами и уравнивались в правах и обязанностях с направляемыми за границу. В целом, университеты с большим желанием шли на расходование специальных средств именно на эту группу стипендиатов, в силу меньшего размера стипендии.

Статистика, публиковавшаяся в отчетах министерства народного

просвещения, свидетельствует о массовости института профессорских стипендиатов в российских университетах в период царствования Александра II. При этом с середины 1860-х гг. наблюдается увеличение численного превосходства оставляемых при университетах по сравнению с командируемыми за границу. Так, в 1862 - 65 гг. в общей массе профессорских стипендиатов они составляли 8 %, в 1870 г. – 68 %, в 1872 г. – 81,4 %, в 1874 г. – 90 %, в 1876 г – 88 % (21).

В соответствии с Правилами для командируемых за границу профессорских стипендиатов, выработанными в 1863 г., университет обязан был выдать отъезжающему молодому человеку инструкцию по научным занятиям. Командируемый обязывался один раз в квартал присылать в Департамент народного просвещения отчеты о своей работе (22).

В 1860-е - 70-е гг. возросли заботы университетов о замещении большого количества вакантных кафедр. Часть из них оставалось свободной с предыдущих лет. В связи с учреждением новых кафедр исторического профиля, таких как теория и история искусств и церковная история, увеличилась потребность университетов в специалистах. К замещению этих кафедр университеты оказались не готовы и столкнулись с серьезной проблемой подбора кандидатов. Если кафедры теории и истории искусств испытывали сложности в связи с уникальностью самого предмета для российских университетов, то кафедры церковной истории при строгом следовании уставу не могли быть замещены вовсе. Устав жестко определял, что никто не может занять кафедру, не имея ученой степени доктора или магистра соответствующей науки (23), а в существовавшем перечне российских ученых степеней разряд магистра и доктора церковной истории не был предусмотрен.

Во второй половине 60 – 70-х гг. XIX в. вносились изменения и дополнения в Правила о профессорских стипендиатах. В частности, было проведено сокращение размера средств, отпускаемых на содержание профессорских стипендиатов. В 1867 г. был уменьшен размер стипендии с 1600 руб. до 1500-1200 руб. в год. Университетам предоставили право

командировать выпускников за счет собственных средств, основным источником которых была плата студентов за лекции.

В Министерстве просвещения были убеждены, что для общей реформы университетов, так и для подготовки университетских преподавателей необходима серьезная финансовая поддержка государства. Однако выделяемых сумм и специальных средств университетов, отчисляемых для подготовки возросшего числа профессорских стипендиатов, было недостаточно, и не все предложенные советом кандидаты могли получить необходимое образование. Поэтому уже в 1873 г. законодательно оговаривается практика «приготовления к профессорскому званию на собственный счет». Как и командируемые по официальной линии, молодые люди из этой категории стипендиатов в части научной подготовки подлежали общему контролю.

Однако результаты первых командировок показали, что университеты не стремились трудоустраивать в качестве преподавателей лиц с неопределенным научным будущим. Дело в том, что в начале 1860 - х гг. достаточным основанием для командирования за границу являлось наличие ученой степени кандидата. Большинство возвращавшихся молодых людей были готовы лишь к магистерским экзаменам, диссертации же не были выполнены. По сведениям министерства просвещения в 1867 г. из «первых» профессорских стипендиатов, командированных в 1862 г., лишь двое получили ученую степень магистра и занимали доцентскую должность (В.И. Герье в Московском университете, В.А. Бильбасов в Киевском университете св. Владимира).

Большинство молодых специалистов направились на работу в гимназии или вообще оказались неустроенными. Сделав определенные выводы из подобного непродуктивного использования государственных средств, министерство просвещения отметило самонадеянность самих стипендиатов, рассчитывавших сразу получить профессорские должности без ученой степени, а так же нежелание университетов использовать в качестве приват-доцентов возвращавшихся молодых людей. Кроме того, указывалось на недостаточную четкость критериев отбора кандидатов.

В 1866 г. университетам был разослан проект новых Правил командирования стипендиатов за границу. В них ужесточались принципы отбора кандидатов: в европейские университеты направлялись молодые люди лишь по таким кафедрам, которые особенно нуждались в преподавательских кадрах. При этом кандидатами в стипендиаты могли стать только те молодые люди, которые уже получили степень магистра или доказали свои способности преподаванием в высшем учебном заведении не менее двух лет. Предлагалось строго согласовывать количество командируемых с размером отпускаемых на эти цели средств и направлять для подготовки лишь по таким специальностям, по которым нет возможности готовить в России. В окончательной редакции Правил кроме магистров право на заграничную командировку с ученой целью получали магистранты (т.е. выдержавшие магистерский экзамен, но не защитившие диссертацию), а так же кандидаты из приват-доцентов.

Правила 1866 г. сделали процесс подготовки профессорских стипендиатов двухступенчатым. Сначала лучшие выпускники со степенью кандидата по решению университетских советов оставлялись при факультетах для подготовки и сдачи магистерского экзамена – на два года со стипендией от университета или министерства просвещения 600 р. в год. И уже в качестве магистрантов получали право заграничной командировки на тот же срок со стипендией 1500 р. в год. С конца 1860-х гг. в качестве профессорских стипендиатов заграницу направлялись лица, уже ставшие магистрами и работавшие на кафедрах. Так ряд будущих профессоров побывали заграницей дважды – в качестве магистрантов и как докторанты. Из историков это были В.И. Герье, Ф.Ф. Соколов, Н.П. Кондаков и др. То есть командирование в европейские страны явилось условием и мощным вспомогательным средством написания диссертаций (24).

Несмотря на то, что среди факультетов в российских университетах историко-филологические факультеты были самыми малолюдными по количеству студентов, именно по профилю наук данного факультета система профессорских стипендиатов нашла наиболее массовое распространение. Так за

десятилетие 1863 – 1873 г.г. в общем потоке профессорских стипендиатов, готовившиеся для кафедр историко-филологического факультета составляли 20,2 %, а в период 1879-1881 г.г. их представительство возросло до 31,8 % (25).

Благодаря институту оставленных при университетах и командированных за границу молодых ученых, были подготовлены крупные научные и преподавательские кадры для российских университетов. В 60 - 70-е г.г. XIX в. в российских университетах прошла полоса защит докторских диссертаций, на кафедры пришли молодые талантливые ученые. Высшая школа в России обновлялась, особенно столичные университеты. Среди стипендиатов по Московскому университету были «русские» историки В.О. Ключевский, специалисты в области всеобщей истории М.С. Корелин, В.И. Герье, П.Г. Виноградов, Н.И. Кареев, основатель изучения этнографии – антрополог Д.Н. Анучин, археолог Д.Я. Самоквасов. Для Петербургского университета были подготовлены В.Г. Васильевский, В.И. Модестов, впоследствии профессора всеобщей истории, К.Н. Бестужев-Рюмин профессор «русской истории». Для Харьковского университета – М.С. Дринов, В.П. Бузескул, П.Н. Буцинский. Для Казанского университета – Н.А. Осокин, И.Н. Смирнов, А.М. Добротворский.

Однако на практике внедрение положений нового устава не всегда приводили к желаемым результатам. В этой связи показателен эпизод из истории Киевского университета, ставший первым опытом апробирования устава 1863 г., по проблеме замещения вакантных должностей на кафедрах и производства в ученые звания. Здесь в 1863/64 гг. сложилась непростая ситуация на кафедре русской истории, являвшейся вакантной с 1859 г. Лекции же по курсу отечественной истории с разрешения министерства народного просвещения читал профессор всеобщей истории. Кандидатом на замещение вакантной должности стал исполняющий обязанности экстраординарного профессора, магистр В. Я. Шульгин, не работавший по семейным обстоятельствам до данного времени. Идея о приглашении Шульгина получила официальный ход: его просьба была направлена в Совет университета,

прошение было передано ректором на заключение историко-филологическому факультету. Но на основании вышеприведенной ст. 68 Университетского устава 1863 г. Шульгину, как не имевшему степени доктора было отказано. В свою очередь, Совет университета отклонил это решение. Данное событие явилось началом затяжной схватки Совета университета с историко-филологическим факультетом, что чуть не привело к развалу последнего (26).

В 1864 г. последовало Высочайшее повеление, в соответствии с которым магистры, занимавшие до устава 1863 года профессорские должности, были поставлены перед необходимостью защищать докторские диссертации (27).

Преобразования в университетском строе отразились и на порядке аттестации научных кадров. Вслед за новым университетским уставом, в 1864 г. Министерство просвещения утвердило усовершенствованное "Положение об испытаниях на звание действительного студента и на ученые степени". Количество магистерских разрядов по истории было доведено до четырех, к прежним - всеобщей истории, русской истории и истории Востока - прибавился разряд теории и истории искусств, приспособленный к новой университетской кафедре. Таким образом, разряды наук в принципе соответствовали распределению последних по кафедрам, что придавало своеобразие системе присуждения ученых степеней в России. В зарубежной практике ученые степени определялись по факультету.

Такую же градацию получил и прежде универсальный докторский разряд, попутно освобожденный от политической экономии и статистики. "Положение" 1864 г. отменяло экзамены для соискателей докторской степени.

Испытания на степень магистра были установлены только в устной форме с традиционным делением предметов на главные и "вторые". Количество их было сведено до рационального минимума. До 1864 г. магистерский экзамен для историка состоял порой из 6-8 этапов. Так, магистрант всеобщей истории А. Г. Брикнер в 1862 г. экзаменовался устно в Петербургском университете по семи позициям: всеобщей истории (три вопроса), русской истории (три), статистике (два), политической экономии (два), международному праву

(четыре), древней географии (один) и новой географии (два); кроме того, он письменно отвечал на вопрос о роли Кромвеля в английской революции (28).

"Положение" 1864 г. ввело новую "Таблицу испытаний на степень магистра", которая определила круг предметов для магистерских экзаменов по историческим наукам в более разумном для специальной подготовки выражении: на степень магистра всеобщей истории главный предмет - всеобщая история, вторые предметы - русская история и политическая экономия; на степень магистра русской истории - русская история (главный), всеобщая история и политическая экономия (вторые); на степень магистра теории и истории искусств главные предметы - теория искусств, история греческого и римского искусства, второй - греческие и римские древности. По разряду истории Востока на факультете восточных языков основными предметами экзамена устанавливались история семитических народов, история Северо-Восточной Азии, история арийских народов; к вспомогательным отнесли всеобщую историю (29).

Предметные блоки магистерских экзаменов исторической специализации по "Положению" 1864 г. имели и свои недостатки. Политическая экономия, признанная важной для историка, уставом 1863 г. была отнесена к юридическому факультету и как предмет не являлась обязательной для историка. Не случайно в 1880-е гг. начинается кампания за возвращение этой дисциплины на историко-филологический факультет. Соискатели степени магистра теории и истории искусств получили возможность не экзаменоваться по античной истории, не говоря уже о всеобщей. При всем этом ученые разряды исторического профиля с определенным в 1864 г. набором магистерских экзаменов прочно закрепились в университетской практике, хотя уже в 1870-е гг. пришлось решать вопрос о конституировании еще одного магистерского разряда - церковной истории.

Итак, под влиянием либерально-буржуазных преобразований правительства Александра II в России возросла потребность в

квалифицированных кадрах. Одной из первых после отмены крепостного права была проведена университетская реформа. Устав 1863 г., действовавший более 20 лет, способствовал развитию отечественной системы высшего образования. Новый устав привнес в модель российского университета характерные черты исследовательского университета Гумбольдта.

Устав 1863 г. завершил формирование в дореволюционных университетах организационных основ преподавания истории и исторического образования. Он определил качественные изменения в этой области: увеличивался объем преподавания и предусматривался дальнейший рост специализации исторического образования. Расширение состава кафедр и наук историко-филологического факультета, совершенствующих историческую подготовку студентов в российских университетах, рассматривалось правительством и профессорами как условие развития науки в университете.

Устав 1863 г. ориентировал российские университеты на продолжение работы в области специализации историко-филологического образования. Результатом явилось создание в конце 1860-х гг. в российских университетах трех отделений специализации на историко-филологических факультетах: истории, классической филологии и славяно-русской филологии. Данная система окончательно утвердилась в российских университетах с 70-х гг. XIX в. Создание специального исторического отделения в составе историко-филологических факультетов было призвано придать большую профессиональную направленность подготовке студентов.

Внедрение разделения факультета на отделения специализации способствовало появлению в университетском лексиконе понятий общефакультетских предметов и специальных. Применительно к исторической специализации смысл такой классификации сводился к практике постановки большинства общефакультетских предметов, в том числе русской истории, на младших "общеобразовательных" курсах, там же читалась древняя всеобщая история. Некоторая часть общих предметов переносилась на старшие курсы, но специализирующий этап был наполнен главным образом науками

исторического профиля.

Развитие специализации способствовало активному внедрению в учебный процесс семинарской формы проведения занятий. Кроме того, получает распространение чтение специальных курсов, как по отдельным периодам русской и всеобщей истории, так и по проблемному принципу.

Практическому осуществлению проекта разделения историко-филологического факультета способствовало увеличение преподавательского состава в российских университетах. В результате реформирования расширились возможности российских университетов в области воспроизводства научно-педагогических кадров для собственных нужд. Сохранив способы обеспечения университетских кафедр преподавателями, установленные в 1835 г., составители устава 1863 г. уделили основное внимание формированию контингента кандидатов для замещения вакантных должностей. Опираясь на лестницу ученых степеней и правила их приобретения, министерство просвещения и университеты выработали уникальную систему воспроизводства профессорских кадров. По уставу 1863 г. вошла в силу система подготовки профессорских стипендиатов, сущность которой состояла в оставлении при университетах молодых людей для «приготовления к профессорскому званию». При этом по отношению к подготовке профессоров истории институт профессорских стипендиатов уже в 1860-е гг. разбился на две категории. Во-первых, стипендиаты, оставленные для подготовки в области русской истории. Ко второй категории относились молодые люди, избравшие своей специальностью всеобщую историю, что предполагало обязательную командировку в европейские университеты.

Изменения затронули и порядок аттестации научных кадров. В соответствии с новым «Положением об испытаниях на звание действительного студента и ученые степени» 1864 г. ученые разряды исторического профиля соответствовали распределению наук по университетским кафедрам. В то время как в зарубежной практике ученые степени именовались по факультету. К существовавшим разрядам наук по истории был добавлен разряд теории и

истории искусств. В целом, «…Отражение уровня дифференцированности научных дисциплин способствовало своевременной перегруппировке кафедр, необходимой для совершенствования университетского преподавания и позволяло учитывать потребности подготовки научных кадров» (30).

Будучи ярким звеном в цепи буржуазно-либеральных преобразований времен Александра II, Устав 1863 г. имел целью привести в соответствие новые требования общества к гуманитарным наукам и самодержавно-правительственные взгляды на их воспитательные и идеологические функции. Сильной стороной устава 1863 г. явилось то, что он предоставил профессорской корпорации немалую самостоятельность в организации учебного процесса и в научной деятельности, но вместе с тем сохранялось государственное регулирование жизни российских университетов.

Глава 3. Тенденции развития исторического образования в российских университетах в последней трети XIX - начале XX в.

3.1. Изменение правительственного курса в области высшего образования в 70 – 80-е гг. XIX в. и принятие университетского устава 1884 г.

Место университетского вопроса в общей политике самодержавия определялось значением, какое приобрело вообще высшее образование в 70-х гг. XIX в. Подготовка интеллигенции диктовалась общественным развитием, темпы которого усилились после падения крепостного права. Функционирование государственной системы требовало квалифицированных чиновников, юристов и других специалистов. Либерально-буржуазные

реформы Александра II открывали широкое поле деятельности для лиц с высшем образованием (1).

Во второй половине XIX в. российские университеты сохраняли доминирующее положение в научном отношении и в деле подготовки специалистов. Они представляли собой крупные научные центры, обладающие определенными академическими традициями, сложившимися в процессе их развития.

В 70-х гг. XIX в. отмечается подъем в научной деятельности университетов: расширяется сеть учебно-вспомогательных учреждений, активно идет организация научных обществ, проводятся ученые съезды. Однако рост научных сил отставал от расширения объема преподавания и возросших требований к специалистам с высшим образованием. Столичные университеты уступали по численности профессорско-преподавательского состава европейским университетам. Наиболее ощутимым недостаток преподавателей был на юридическом и историко-филологическом факультетах, особенно в провинциальных университетах (2).

Введение устава российских университетов 1863 г. не смогло разрешить многих проблем академической жизни. Неустойчивость и вынужденность реформистского курса самодержавия отразились в законодательстве, которое изобилует оговорками, поправками, дополнениями и изменениями (3). Предоставление университетам определенной автономии сопровождалось изданием серии законов, направленных на усиление контроля, расширение полномочий инспекции. В консервативных кругах все чаще обращали внимание на то, что университеты пользуются слишком большими правами и необходимо усилить влияние на них министра и попечителей. В конце 60-начале 80-х гг. XIX в. наблюдается постепенный переход российского самодержавия от либеральных мер, среди которых было введение университетского устава 1863 г., к усилению влияния власти на жизнь российского общества.

Законодательным путем была пересмотрена правительственная политика в

области высшего образования. 14 апреля 1866 г. император назначил министром народного просвещения графа Д.А. Толстого, сменившего на этом посту А.В. Головина. По мнению нового министра образцовой являлась английская система образования, отличавшаяся выраженным аристократическим характером.

Со вступлением в должность Д.А. Толстого стали готовиться меры, направленные на ограничение прав университетов. Так, были одобрены «Правила о надзоре за студентами вне стен университета и воспитанниками высших учебных заведений разных ведомств», разработанные Особой комиссией под руководством заместителя министра просвещения И.Д. Делянова. «Правила» были рассмотрены в Комитете министров и высочайше утверждены 26 мая 1867 г. Согласно этим правилам, предписывалось извещать полицию и учебную администрацию о всех сомнительных в нравственном и политическом отношении лицах, «составляющих самый опасный и ненадежный элемент в университетской молодежи» (4).

В августе 1872 г. Д.А. Толстой через попечителей учебных округов обратился к университетским советам с предложением высказать соображения о насущных изменениях в действующем уставе. Ответы сводились, главным образом, к необходимости улучшения материального положения университетов и университетских преподавателей. Правительство же взяло курс на реорганизацию основ университетской системы в России.

В конце 1874 г. было созвано Особое совещание министров «для коренного исследования вопроса о студенческих беспорядках», признавшего главной причиной волнений несовершенство внутренней организации университетов. Участники совещания высказались за ограничение автономии профессорских коллегий, усиление контроля над преподаванием, установление нового порядка назначения профессоров, сокращение «излишнего притока мало приготовленных и материально необеспеченных слушателей».

Выводы совещания полностью совпадали с позицией министра народного просвещения Д.А. Толстого, расценивавшего университетское самоуправление

как ошибку, которую следует исправить. "Ученые, — по его словам, — не лучше детей, неспособных к управительной деятельности, столь отличной от трудов ученых" (5). Министр заверил, что при пересмотре устава будут руководствоваться "единственно соображениями возможно большего развития науки во всех ее отраслях и пользою многочисленных университетских слушателей".

Созданию нового университетского устава предшествовало «обследование состояния русских университетов» отделом Высочайше утвержденной комиссии под председательством статс-секретаря И.Д. Делянова, проведенное в 1875 г. Из этих материалов были извлечены «кое-какие эффективные данные, чтобы их якобы документальным авторитетом подкрепить нарекания меньшинства комиссии, добивавшегося преобразования университетов» (6). Советы российских университетов высказались против кардинального пересмотра основных положений устава 1863 г. Курс правительства расценивался как реакционный: «Назначена комиссия для пересмотра университетских уставов, то есть для сколь возможно большего их стеснения и уничтожения свободы университетской или высшей науки, - отмечали современники. Комиссия эта составлена из врагов университетов... Университеты хотят подчинить такой регламентации, чтобы университетского у них было только название» (7). В целом, университеты были устранены от участия в подготовке нового устава.

Некоторые меры, предусмотренные новым университетским уставом и направленные на усиление правительственного влияния на управление университетами, контроля над преподаванием, утверждение порядка и дисциплины в учебных заведениях, были осуществлены на стадии подготовки проекта. Так, в 1879 г. Д.А. Толстой предложил изменить порядок управления университетами: упразднить университетский суд, передать от совета попечителю и правлению все административные, судебные и студенческие дела, подчинить инспектора (или проректора) непосредственно попечителю, увеличить штат инспекции за счет специальных средств университетов (до

получения из казны дополнительных ассигнований). Ходатайство Д.А. Толстого поддержал Комитет министров, одобрил Император. Временное положение 14 августа 1881 г. предоставило местным властям при чрезвычайной ситуации право закрытия учебных заведений. Автономия вузовской науки практически уничтожалась: возросла роль министра, попечителя, значительно сузились функции советов, они реже собирались, почти лишались права голоса при определении профессоров на вакантные кафедры. В этот период утвердился взгляд на университетского профессора как на должностное лицо, прежде всего «благомыслящее», и на необходимость не науки вообще, а только «здравой и полезной», соответствующей требованиям государства (8). Повысилась плата за обучение в университетах, ужесточался контроль над студентами.

В 1880 г. была создана Комиссия по переработке университетского устава во главе с И.Д. Деляновым, который «целою комиссиею объезжал университеты, выслушивал поочередно мнения каждого из профессоров, бумаги исписано было невероятное количество» (9). В феврале того же года Д.А. Толстой внес выработанный этой Комиссией проект нового устава на рассмотрение Государственного Совета.

Однако обстановка в стране на тот момент не благоприятствовала претворению в жизнь данных намерений. После покушения на императора Александра II 5 февраля 1880 г. наступил период диктатуры М.Т. Лорис – Меликова, сочетавшей полицейские меры с некоторыми уступками. В этих условиях подготовка контрреформы была приостановлена. Одной из уступок, которые правительство сделало обществу, была отставка Д. А. Толстого с поста министра народного просвещения вследствие "крайнего раздражения общества, особенно отцов и матерей, на министра народного просвещения".

К активному обсуждению проекта нового университетского устава, разработанного Комиссией И.Д. Делянова, приступили в конце 1882 г. Деятельное участие принял и Д.А. Толстой, назначенный в марте 1882 г. министром внутренних дел. Это назначение в обществе расценивалось как

открытое проявление реакционного курса, намеченного, но сразу же не осуществленного манифестом Александра III от 29 апреля 1881 г. «По общему мнению, теперь должна была наступить диктатура не сердца Лорис-Меликова, а совсем другого рода, которая укрепляет власть и суровыми мерами положит конец всем неприглядным явлениям в нашей общественной жизни» (10).

План реформирования высшей школы России предусматривал, прежде всего, введение нового университетского устава и пакета смежных нормативных документов. Проект общего Устава российских университетов внес на рассмотрение Государственного совета 30 ноября 1882 г. И.Д. Делянов, назначенный в марте того же года министром народного просвещения. В нем были учтены принципиальные замечания Д.А. Толстого по реорганизации экзаменационной системы в вузах: каждый выпускник должен сдавать государственные экзамены, которые могут реально показать профессиональные качества специалиста. Государственные экзамены должны были принимать не профессора университетов, а чиновники из министерства и другие специалисты в составе особых комиссий.

Следует отметить, что проект нового университетского устава не получил поддержки в Государственном совете. Наиболее резко против него выступили бывшие министры народного просвещения А.В. Головин и А.П. Николаи, считавшие целесообразным сохранить устав 1863 г. и разработать к нему несколько вспомогательных документов. Против ломки сложившейся университетской системы выступил также обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев. Он предлагал постепенное ее реформирование на базе прежнего устава, при этом подчеркивал необходимость значительных финансовых ассигнований на развитие учебно-материальной базы университетов, увеличения должностных окладов профессорско-преподавательскому составу и стипендий студентам (11).

Серьезные разногласия среди членов Государственного совета вызывал предлагавшийся порядок назначения ректоров, деканов и профессоров в университетах. В проекте этот вопрос отдавался на усмотрение попечителей

учебных округов и министра народного просвещения. Оппоненты же полагали, что ключевые должностные лица в университетах могут быть только выборными.

Бурное обсуждение проекта университетского устава продолжалось больше полугода. Сторонники кардинального реформирования высшей школы во главе с И.Д. Деляновым и Д.А. Толстым возлагали ответственность на высшую школу за «низменный уровень и в большинстве превратные понятия нашей интеллигенции» и за «появление в России радикальных взглядов и террористических кружков». Другой частью обвинений были указания на неэффективность постановки учебного процесса в университетах, вследствие чего студенты «сделались жертвой политической агитации» (12).

Против реформы высшей школы, имевшей политическую основу, выступали многие профессора российских университетов. Так, по мнению крупного русского историка-медиевиста, видного деятеля русского буржуазного либерализма П.Г. Виноградова, основной идеей такого реформирования была «бюрократизация университетов…мера не только недостаточная, но и не нужная», поскольку для «того политического исцеления, которое имелось в виду, надо было не реформировать, а уничтожить университеты», восстановив их только тогда, когда в стране вновь воцариться «спокойствие и порядок» (13).

К последнему заседанию Государственного совета четко обозначились непримиримые разногласия по ряду положений устава. Спустя несколько лет газета «Московские ведомости» писала: «Едва ли какое-либо дело проходило в Государственном совете с такими трудностями, как университетский устав 1884 г., с ним была борьба не только как с уставом учебных заведений, но и как с поворотом к иной системе» (14).

Процесс сохранения важного документа затягивался, в этих условиях император Александр III долго колебался, пытаясь примирить оппонентов по проекту университетского устава. Летом 1884 г. монарх занял сторону меньшинства Государственного совета во главе с министром народного

просвещения И.Д. Деляновым. 23 августа был подписан указ Сенату о введении в действие Общего устава российских университетов с 1884/1885 учебного года.

В большинстве работ Устав 1884 г. подвергается острой критике как реакционный, даже «реакционнейший» (15). Многие научные издания, как правило, исходят из однозначно негативной оценки устава как реакционной контрреформы. Между тем устав 1884 г. вводил в университетскую практику много нового. Так, впервые в отечественной практике студенту предоставлялось на выбор несколько учебных планов, разрешалось посещать лекции на других факультетах, что отражалось в дипломах. В свете новейших данных современного обществоведения наблюдается уточнение и развитие распространенных оценок сущности правительственной политики в области высшего образования в 80-х г.г. XIX в. Обращается внимание на содержательность реформы, внесшей существенные преобразования прогрессивного характера, которые оказали заметное влияние на развитие высшей школы в целом (16). По нашему мнению, устав 1884 г. не поддается однозначной оценке. Критики акцентировали внимание на его негативных сторонах, но устав 1884 г. все-таки стабилизировал учебный процесс в российских университетах.

Положения нового устава первоначально распространялись на Московский, Петербургский, Казанский, Харьковский, Новороссийский и св. Владимира в Киеве университеты. Впоследствии по этому уставу стали работать Варшавский, Дерптский и открытый в 1888 г. Томский университеты.

В большинстве университетов конца XIX в. действовали четыре факультета: историко-филологический, физико-математический, юридический, медицинский. В Петербургском университете существовал особый факультет восточных языков. В уставе специально оговаривалось, что все факультеты университета представляют собой составные части одного целого.

Согласно уставу каждый университет находился под главным ведением министра народного просвещения и вверялся попечителю местного учебного

округа. Непосредственное управление вузов осуществлял ректор при участии в определенных случаях: совета, правления, собраний и деканов факультета, инспектора студентов.

Все российские университеты именовались императорскими и находились под постоянным наблюдением Александра III. Монарх понимал особую роль университетского образования в системе просвещения и стремился превратить отечественные вузы в очаги высокой науки и культуры. Даже в период бурных студенческих выступлений император отверг многочисленные предложения крупных сановников о закрытии университетов. Кроме того, он отклонил проект закона об отдаче студентов в солдаты за участие в беспорядках, на чем настаивали многие министры (17).

По сравнению с уставом 1863 г. был расширен круг полномочий попечителей учебных округов. В ст. 6 главы 1 устава было записано: «Попечитель учебного округа заботиться о благосостоянии университета; наблюдает за ходом университетского преподавания и за точным исполнением всеми принадлежащими к университету установлениями и должностными лицами правил, предписанных законом или распоряжением правительства; пресекает всякое уклонение от этих правил, возбуждает дела об ответственности виновных и ходатайствует о награждении достойных» (18). Таким образом, на попечителе лежала обязанность высшего руководства во всех распоряжениях по охране порядка и дисциплине в вузе.

Глава вторая устава утверждала обязанности и права ректора университета. Ректор избирался министром народного просвещения из ординарных профессоров университета и назначался на должность императором России сроком на четыре года. В непосредственном подчинении ректора находились: секретари совета и правления университета, служащие канцелярии и его помощники, секретарь библиотеки, бухгалтер, казначей, архитектор, экзекутор, архивариус и врач.

Согласно ст. 13 Устава в обязанности ректора входило: наблюдение за правильным ходом учебного процесса и полнотой преподавания в

университете, за надлежащим исполнением всех служащих университета своих обязанностей, за соблюдением студентами предписанных правил, за содержанием в порядке учебно-вспомогательных учреждений университета, за правильным расходом денежных средств университета и за сохранением в целости принадлежащего университету имущества (19).

Полномочия совета университета рассматривались в четвертой главе устава 1884 г. Совет состоял под председательством ректора из всех профессоров университета. В числе наиболее важных вопросов, которые обсуждали советы университетов, были отчеты профессоров об их научной и учебной работе, о деловых связях с зарубежными учеными и др. Устав ликвидировал даже ограниченную самостоятельность университетских советов.

В деле руководства университетом большое значение придавалось правлению, состоявшему из деканов всех факультетов, инспектора и ректора, который осуществлял общее руководство. Все заседания правления протоколировались, а материалы представлялись для рассмотрения попечителю учебного округа.

В компетенции правления находились следующие вопросы: распоряжение денежными суммами, назначенными на содержание университета по финансовой смете; заключение контрактов по подрядам и поставкам; принятие решений по изданию сочинений, одобренных собраниями факультетов и предназначенных к публикации; рассмотрение дел о переходе студентов с одного факультета на другой, об отчислении из вуза, о приеме молодых людей в число студентов по распоряжению ректора; разбирательство по делам студентов - нарушителей порядка и дисциплины. Самые сложные вопросы требовали утверждения министром народного просвещения. К ним относились утверждение крупных сверхштатных расходов и заключение подрядов и контрактов на дорогостоящие работы.

Согласно уставу каждый факультет включал в свой состав декана и всех профессоров. По уставу 1884 г. к профессорско-преподавательскому составу университета относились ординарные и экстраординарные профессора, приват-

доценты, лекторы, лица, составлявшие персонал учебно-вспомогательных учреждений. На историко-филологических факультетах было положено 12 ординарных, 5 экстраординарных профессоров и 4 лектора новых языков (20).

Законодательство 1884 г. упростило номенклатуру преподавательских должностей: доцентура была упразднена, оба профессорских разряда сохранялись, число профессоров в университетах было увеличено, но главный упор был сделан на приват-доцентов: количество их на факультетах не ограничивалось и зависело от реальных потребностей учебных заведений и размера их фонда специальных средств.

Устав 1884 г. облегчил приобретение звания приват-доцента, отменив предоставление диссертации и чтение двух пробных лекций для лиц, имеющих ученую степень магистра или доктора. Последнее условие стало необходимым для выдержавших испытание на степень магистра, но еще не защитивших диссертацию (21).

Поскольку преподаватель, даже с докторской ученой степенью, мог начать работу в университете не иначе как в качестве приват-доцента, число последних быстро росло. По подсчетам Н. И. Кареева, в 1881—1884 г. количество приват-доцентов в Петербургском университете увеличилось с 14 до 82, в Московском - с 11 до 120, в Харьковском - с 5 до 50. В 1892 г. на исторических кафедрах Московского университета приват-доцентами работали магистранты С. Ф. Фортунатов, П. В. Безобразов, М. С. Корелин, В. Михайловский, Р. Ю. Виппер (всеобщая история), магистры В. Е. Якушкин и И. А. Линниченко, магистрант П. Н. Милюков (русская история), магистранты Аппельрот и Миронов (теория и история искусств). В Петербургском университете по данным на 1 января 1892 г. из 63 приват-доцентов 21 преподавал на историко-филологическом факультете, среди них были историки А. С. Лаппо-Данилевский, С. Ф. Платонов, Г. В. Форстен (22).

Устав 1884 г. внес коренные изменения в практиковавшуюся ранее систему замещения вакантных профессорских мест. Факультетская корпорация была лишена инициативы и способов контроля в решении данного вопроса.

Университеты могли только выдвигать кандидатов, но не избирать их. Теперь преподаватели на кафедры назначались министром народного просвещения или по его распоряжению избирались из числа достойных кандидатов университета. При баллотировке нескольких кандидатов избирался тот доктор наук, за которого подавалось больше голосов. Большое значение в вопросах приискания кандидатов новый устав отводил конкурсам, имея целью «положить предел партийности на факультетах».

Для занятия профессорской должности было поставлено непременное условие – степень доктора по специальности, соответствующей кафедре. Профессором мог стать только доктор наук, который на высоком уровне читал курс лекций не менее трех лет (23). Профессор обязан был посвящать преподаванию по занимаемой кафедре достаточное число часов, применительно к шестичасовой норме. Сверх этого, профессору предоставлялось право объявлять курсы и практические занятия по другим предметам учебной программы. Дополнительные занятия оплачивались в размере не более половины жалования, установленного ординарному профессору (24).

Устав 1884 г. ввел звание заслуженного доктора, которое давалось профессорам, добросовестно преподававшим в университете более 25 лет. Профессора, чей стаж педагогической деятельности превышал 30 лет, лишались права замещать штатные вакантные преподавательские должности. Однако если позволяло состояние здоровья, то таким лицам разрешалось читать лекции как приватным профессорам и руководить учебно-вспомогательными установлениями университета.

Штатным преподавателям предписывалось исполнять поручения соответствующих факультетских собраний, университетского совета и попечителя учебного округа в русле их научной специальности. Такого рода поручения не входили в обязательную нагрузку профессорско-преподавательского состава и дополнительно не вознаграждались. Однако качество исполнения научно-исследовательской работы преподавателей

учитывалось при их дальнейшем продвижении по службе. Лучшие научные труды представлялись для участия в конкурсах.

Устав 1884 г. ввел гонорарную систему оплаты в виде поощрения, призванную побудить преподавателей к улучшению качества преподавания. Предполагалось, что при равных условиях, тот преподаватель, который лучше преподает, будет иметь и больше слушателей. В то же время рассчитывали, что и студенты будут повнимательнее относиться к занятиям. Но данная система не прижилась. Для обязательных предметов гонорар утратил свое значение стимула. Причем гонорар распределялся между преподавателями без учета их таланта и учености, а в зависимости от количества студентов и их распределения по курсам и факультетам. В 1902 г. данная система была отменена.

Министерство народного просвещения следило за тем, чтобы лучшие профессора и преподаватели поощрялись достойным образом за свой нелегкий труд. Так, за 1891 г. несколько университетских профессоров получили награды, в том числе ректор Петербургского университета В.И. Владиславлев, которому был пожалован орден Анны 1 степени (25).

На каждом факультете действовали собрания, как коллегиальные органы руководства, под председательством декана. На их заседаниях обсуждались вопросы о проведении испытаний на ученые степени, рассмотрении сочинений, предназначавшихся для изданий за счет университета, о присуждении студентам и слушателям медалей и почетных отзывов за написанные ими сочинения, заслушивались отчеты преподавателей о практических занятиях и др.

Декан факультета избирался попечителем из числа профессоров соответствующего факультета, а утверждение в должности сроком на четыре года осуществлял министр народного просвещения.

Важной главой университетского устава 1884 г. была глава седьмая «Об инспекторе студентов и его помощниках». Роль этой группы должностных лиц подвергалась резкой критике в либерально-демократических кругах. Но с

другой стороны, без каждодневной воспитательной и профилактической работы инспекции учебный процесс и элементарный порядок в вузах Российской империи в то бурное время находился бы под вопросом (26).

Инспектор студентов назначался на должность министром народного просвещения по предоставлению попечителя. Как правило, инспекторами в университетах служили опытные статские или военные чиновники с безупречной репутацией. Они следили за соблюдением порядка в университетах. Одной из обязанностей инспектора являлся контроль за соблюдением законности в отношении арестованных студентов, содержащихся в карцере. В своей повседневной деятельности инспектор подчинялся ректору.

На принципиально новых началах, в соответствии с общей кампанией классицирования гуманитарного образования в стране, была проведена реорганизация учебного процесса на историко-филологическом факультете. Существовавшее деление факультета на три отделения отменялось, но на старших курсах сохранялась специализация по истории и славяно-русской филологии. В системе занятий историко-филологического факультета, в соответствии с новыми учебными планами, основное внимание уделялось изучению древних классических языков, что, по мнению многих профессоров российских университетов, явилось наиболее слабым звеном министерского плана предметов.

Университетский устав 1884 г. подтвердил состав кафедр историко-филологического факультета, установленный в 1863 г. На историко-филологическом факультете полагалось одиннадцать кафедр: философии, классической филологии, сравнительного языкознания, русского языка и русской литературы, санскритского языка, славянской филологии, географии и этнографии, всеобщей литературы, русской истории, истории западноевропейских литератур, истории церкви, теории и истории искусства.

По Уставу 1884 г. на историко-филологическом факультете была утверждена новая кафедра географии и этнографии. Процесс превращения этнографии в университетскую науку был сложным и противоречивым,

оставаясь незавершенным вплоть до Октябрьской революции. В университетских лекционных курсах XIX в. этнографический материал использовался некоторыми профессорами философского, юридического, а позже и историко-филологического факультетов при рассмотрении вопросов преимущественно исторического характера. В то же время вплоть до 60-х г.г. XIX в. изучение этнографии в российских университетах носило в значительной степени случайный характер. В учебных планах не предусматривалось специальных этнографических курсов, не существовало особых обществ или кружков.

Большое значение в развитии этнографии и этнографического образования в России имел университетский устав 1863 г. При Московском университете было создано общество любителей естествознания, антропологии и этнографии, которое объединило не только профессоров университета, но и исследователей из других учреждений. Этнографический отдел общества начал свою работу с 1867 г. С 60-х г.г. этнографические исследования в университетах страны проводились в рамках научных обществ. Но впервые кафедра этнографии была открыта на историко-филологическом факультете.

Вопрос о включении этнографии в систему университетских курсов на первых порах рассматривался вместе с проблемой складывания географического образования, причем приоритет отдавался последнему. Острота дискуссий по этому вопросу была вызвана, прежде всего, незрелостью данных наук, неопределенностью предмета, методов исследования, их места в научной классификации. Показательно, что Министерство просвещения прислушивалось к мнению университетов и их историко-филологических факультетов в решении принципиальных вопросов академической жизни.

Важным был вопрос о факультетской принадлежности данных кафедр. В частности, Новороссийский университет, создав особую комиссию по вопросам организации кафедры географии и этнографии в университетах страны, обратился в Министерство народного просвещения с предложением вывести кафедру географии из состава историко-филологического факультета (27). В

соответствии с другой позицией кафедра географии и этнографии должна была отнесена к историко-филологическому факультету, так как «…в содержание географии как университетской дисциплины должно входить только то, что касается человека, а что касается земли должно быть отнесено к уже существующей кафедре физической географии».

Специальный ученый комитет Министерства народного просвещения согласился с этим мнением, и в русских университетах по уставу 1884 г. на историко-филологических факультетах была открыта кафедра этнографии и географии. Что расходилось с практикой большинства западноевропейских университетов, где аналогичные кафедры, открывшиеся в 70-х – 80-х г.г. XIX столетия, относились к естественному отделению философского факультета. Учреждение данной кафедры ознаменовало новый этап в развитии этнографии: впервые она стала читаться как самостоятельная научная дисциплина наравне с другими историческими науками, преподаваемыми на историко-филологическом факультете.

Сам факт открытия кафедр географии и этнографии в университетах России явился положительным моментом в истории высшего образования. Но с другой стороны, объединение этих наук в рамках одной кафедры, неудовлетворительная постановка преподавания этих дисциплин не позволили им занять достойное место в университетской системе. К тому же, предметы по данной кафедре были отнесены к необязательным.

В 1884 г. совет Казанского университета выступил против принадлежности кафедры географии и этнографии историко-филологическому факультету. По мнению ряда профессоров, такое положение ущемляет преподавание собственно географии. Решающее слово оказалось за Московским университетом. В 1889 г. данная кафедра была переведена на естественное отделение физико-математического факультета, где фигурировала как кафедра географии. Этнография оказалась оторванной от исторических дисциплин и студенты этнографы не получали необходимой исторической подготовки. Доминирующим направлением в этнографической науке стало

антропологическое.

Но преподавание этнографии на историко-филологическом факультете не прекратилось, хотя и не носило систематического характера. Предпринимались попытки создания на историко-филологическом факультете Московского университета самостоятельной этнографической кафедры, но безуспешно. Этнографические курсы читались в качестве факультативных. Так в Московском университете в 1889/90 учебном году данный курс читал В.М. Михайловский, 1896 – 1908 - Н.М. Харузин, 1910/11 и 1914/15 - Р.Ю. Виппер (28). Эти курсы увязывались с историей развития семьи, собственности, верований, государства. Но этнографическая специализация на факультете отсутствовала, не было и штатных преподавателей – этнографов, которые бы могли создать вокруг себя этнографические кадры.

Центром же университетской этнографической науки до 1917 г. являлась кафедра географии физико-математического факультета, возглавляемая Д.Н. Анучиным. С его именем связано преподавание этнографии как учебной дисциплины в Московском университете. Он первым начал читать лекции по истории антропологии. При кафедре был создан и антропологический музей. В основу подготовки этнографических кадров Анучиным была положена тесная связь этнографии с антропологией и доисторической археологией. Такой подход во многом отрывал этнографию от истории.

Устав 1884 г. подтвердил исключение из состава кафедр факультета кафедры политической экономии, педагогики, предусмотренное уставом 1863 г.

Такая номенклатура кафедр оказалась устойчивой и продержалась в университетской системе до 1917 г. Консерватизм данного состава в основном удовлетворял и правительство, и профессуру до начала нового этапа в истории университетов, приходящегося на конец XIX в. Хотя попытки учредить новые кафедры предпринимались и ранее, как правило, они исходили из внеуниверситетских научных кругов.

Университетский устав 1884 г. строго регламентировал учебно-воспитательный процесс в университете. Учебные полугодия продолжались с

20 августа по 20 декабря первое, а второе – с 15 января по 30 мая. Остальное время отводилось на студенческие каникулы, отпуска преподавателей и служащих, создание и развитие учебно-материальной базы высших учебных заведений (29).

В качестве руководства по организации учебного процесса на факультете в соответствии со ст. 72 устава 1884 г. должен был использоваться один из утвержденных учебных планов, составлявшихся на каждом факультете. Они рассматривались советом университета и утверждались министром народного просвещения. Затем на факультетских собраниях лекции и практические занятия распределялись по семестрам, неделям и часам. Определенные изменения и отступления могли производиться только с разрешения декана. Порядок прохождения учебных дисциплин рассматривался советом вуза и по представлению попечителя учебного округа утверждался министром народного просвещения.

Учебные планы составлялись применительно к экзаменационным требованиям. В 1885 г. был введен единый учебный план историко-филологических факультетов, в соответствии с которым занятия по классической филологии признавались одинаково обязательными для всех студентов. Он содержал в себе примерное распределение всех общеобязательных и дополнительных предметов историко-филологического факультета по восьми полугодиям. На чтение древних авторов отводилось 10 часов в неделю. Предусматривалось такое распределение занятий, чтобы в каждое полугодие студенты изучали под руководством профессора не менее одного греческого или римского автора. И, кроме того, «…упражнялись практически в греческом и латинском языке» (30).

При этом на окончательном экзамене в комиссии всем выпускникам предъявлялись одинаковые требования по древним языкам: овладение студентами знаний в том объеме, чтобы «приобрести в них твердую почву для научной разработки предметов классической филологии, необходимое условие для плодотворного занятия всякой научной специальностью историко-

филологического факультета…» (31). В данном случае действовала установка, что « основание историко-филологического образования составляют оба классических языка с их литературами и относящимися к ним дисциплинами…» (32). Получение диплома первой степени, таким образом, было обусловлено успехами в овладении классических дисциплин. Другие предметы историко-филологического факультета разделялись на две группы и были предоставлены свободному выбору студентов, подвергавшихся в комиссиях дополнительным экзаменам по предметам избранной группы.

В представлении о том, что из себя должен представлять учебный план мнения самих университетов разделились. Московский, Харьковский и Новороссийский университеты придерживался точки зрения о точном установлении по семестрам числа часов преподавания по различным предметам и строго обязательном подчинении слушателей такому плану. Историко-филологические факультеты Дерптского, Казанского и Киевского университетов высказались против придания учебным планам формы посеместральной разверстки предметов с точным определением часов, исключающего для студентов самостоятельность в распределении своей работы (33).

Согласно ст. 72 устава 1884 г. каждому студенту предоставлялось право помимо предметов избранного им факультета слушать и другие лекции. Обязательные курсы своего факультета обучаемые должны были изучать по одному из утвержденных планов. Если один и тот же предмет преподавали несколько педагогов, то студенту был предоставлен выбор преподавателя. Это правило создавало обстановку конкуренции среди преподавателей за возможность читать свои лекции большим студенческим аудиториям. Во многих случаях студенты отдавали предпочтение педагогам с солидным научным потенциалом.

Значительное внимание в уставе уделялось контролю уровня знаний студентов. Факультетам предоставлялось право проводить проверочные испытания, цель которых заключалась в обеспечении «правильной постановки

занятий в течение полугодия» (34). Для зачета полугодий принимались данные от преподавателя о прилежании студента историко-филологического факультета: необходимо было посетить определенное количество лекций (не менее 18 по предметам, входящим в состав испытаний по историко-филологической комиссии), домашнее изучение греческих и римских авторов, выполнение письменных работ (сочинения, переводы), домашнее изучение не менее одного произведения классических авторов. Таким образом, получение зачета полугодий зависело от исправного посещения занятий, а так же успешного выполнения всех упражнений и заданий.

С введением устава 1884 г. была отменена прочно организованная, дававшая ощутимые результаты система выполнения студентами историко-филологического факультета сочинений по предметам факультетского курса. Ее заменили практические занятия, преимущественно по древним языкам, состоявшие в чтении и переводах древних авторов и письменных ответах на предлагаемые темы. Но относительно этих занятий не было установлено определенных и обязательных для студентов требований, в результате чего выполнение той или иной работы, сверх сочинения, предписанного правилами о зачете полугодий, зависело во многом только от желания самого студента.

Детально был разработан порядок проведения окончательных (выпускных) испытаний. Они проводились в особо назначенных комиссиях на факультетах. Согласно ст. 75 данным комиссиям присваивались следующие наименования: историко-филологическая, медицинская, юридическая, физико-математическая и восточных языков. К испытаниям допускались те студенты, которым были полностью зачтены установленные учебными планами полугодия: на историко-филологическом факультете необходим был зачет восьми полугодий.

Устав 1884 г. ликвидировал ученую степень кандидата, заменив ее дипломом первой степени. Выпуск кандидатов был завершен в нач. 90-х г.г. XIX в., однако университеты, имевшие собственные уставы (Варшавский, Юрьевский и Томский) продолжали присуждать кандидатскую степень.

Кандидатские диссертации, выполнение которых предусматривалось в предыдущих университетских уставах XIX в., были заменены зачетными сочинениями, представлявшимися студентами к зачету седьмого семестра. Эти же сочинения, после одобрения факультетом, представлялись в испытательные комиссии студентами, прослушавшими восемь семестров и желавшими подвергнуться в ней испытаниям на получение свидетельства или диплома об окончании полного университетского курса и соединенных с ним «прав службы государственной». Сочинения, удостоенные медали, считались наравне с «зачетными, как ранее наравне с кандидатскими диссертациями».

Лица, желавшие подвергнуться испытаниям, подавали письменные прошения, свидетельства об окончании университета и денежный взнос в размере 20 руб. В случае успешного испытания соискателю выдавался диплом первой или второй степени по соответствующей специальности за подписью попечителя учебного округа (35). В дипломе делалась запись о полученной специальности.

Оставление при университетах для приготовления к ученой степени студентов, окончивших полный университетский курс, происходило с разрешения и утверждения Министерства просвещения (36). Молодые люди находились под наблюдением профессора по соответствующей специальности, который составлял план занятий кандидата. Эти планы утверждались Министерством просвещения после их обсуждения в ученом комитете университета.

В соответствии со ст. 82 устава 1884 г. факультет имел право производить испытания на ученые степени. Испытания на степень магистра и доктора не подверглись изменениям и производились согласно правилам, установленным ранее. Сама система научной аттестации в русских университетах длительное время была трехступенчатой: кандидат, магистр, доктор. В 1884 г. она была преобразована в двухзвенную: магистр и доктор наук. В системе же ученых званий наблюдался целый набор аттестаций: профессор, экстраординарный профессор, доцент, приват-доцент, лектор, ассистент, лаборант. Позже были

введены и такие высокие звания как «почетный доктор наук» и «почетный профессор».

Среди прав и привилегий, предоставленным российским университетам, в уставе 1884 г. указывались отсутствие предварительной цензуры на университетские издания, на учебные пособия и литературу, поступавшие из-за границы. Университеты имели права издавать периодические труды ученого содержания, иметь собственные типографии и книжные лавки на общих основаниях.

С разрешения Министерства народного просвещения университеты имели право возводить в звание почетных членов лиц, известных своим покровительством наукам или прославившихся своими дарованиями. Устав разрешал учреждать при университетах различные ученые общества, что способствовало развитию научных исследований.

Длительные дискуссии и активная работа в области подготовки научно-педагогических кадров в русских университетах в XIX столетии являлись показателем того значения, которое придавалось этой проблеме академической общественностью и правительством. При этом во второй половине XIX в. действовала неукоснительная установка: никто не имел права быть профессором, не имея степени доктора по соответствующему разряду наук; никто не имел права быть доцентом, не имея ученой степени магистра. Для практики соискания ученых степеней в русских университетах была характерна высокая требовательность к соискателю.

Рассмотрение вопросов подготовки, содержания и реализации на практике устава российских университетов 1884 г. показывает, что его роль в развитии высшего образования в стране не поддается однозначной оценке. С одной стороны, создатели устава стремились стабилизировать учебный процесс в университетах, создать необходимые условия для успешного развития высшего образования в России. С целью отвлечения молодежи от участия в политических акциях было предпринято существенное увеличение учебной

нагрузки за счет повышения научного уровня учебных курсов, вводились экзаменационные требования, призванные сыграть роль образовательного стандарта. Для проверки знаний учащихся учреждались специальные государственные экзаменационные комиссии. В 1890-е г.г. вместе с дальнейшим обогащением содержания образования произошла глубокая перестройка воспитательной работы, причем предпринимались особые меры по установлению здорового нравственного климата в вузовских коллективах.

Однако прогрессивные тенденции были откорректированы политической ситуацией. Полностью на практике новый устав не был реализован. На первых порах его основные положения оказались неприложимыми, и фактически был восстановлен порядок, действовавший в соответствии с уставом 1863 г. На бумаге остались свобода преподавания, слушания, независимый от университета государственный экзамен, отмена переходных экзаменов, более или менее восстановленных под новыми формами. Действительная перемена состояла в подчинении профессорского преподавания университетскому начальству и Министерству народного просвещения.

Новый университетский устав подвергся острой критике в широких общественных кругах: отмечалось, что меры правительства по проведению основных положений устава оказались малоэффективными. Недовольство вызывали вмешательство Министерства просвещения в научную деятельность университетов, контроль со стороны правительства не только повседневной жизни университетов, но и политической благонадежности их выпускников.

Обращалось внимание и на чисто академические проблемы: выявление недостатков организационных и учебно-методических основ университетской жизни в соответствии с уставом 1884 г.: критиковались новые факультетские учебные планы, которые не выполнялись студентами, так как были слишком громоздкими. Негативное отношение вызывала реорганизация учебного процесса на историко-филологических факультетах российских университетов, явившаяся частью общей политики усиления позиций классического образования в России.

3.2. Реорганизация учебного процесса на историко-филологических факультетах в университетах России в конце 70 – 80-х гг. XIX в.

Достаточно мобильная сословная структура российского общества позволяла все большему числу выходцев из низших слоев приобщаться к среднему и высшему образованию, где “…в силу своего происхождения они становились ферментами опасного брожения, разъедавшего традиционные устои, в том числе и утвердившуюся стараниями верхов классицистическую систему образования….” (1). С сер. 60-х г.г. XIX в. нарастает ответная реакция демократически настроенных кругов русского общества на позиции официального классицизма.

Развивающиеся капиталистические отношения в России изменили в стране социальную обстановку. Классическое образование в новых условиях многим общественным, политическим деятелям представлялось устаревшим, малопригодным для практических потребностей общества. Учебные программы гимназий и историко-филологических факультетов критиковались за их отрыв от жизни, засилье мертвых языков в учебном процессе, перегруженность учащихся отвлеченными занятиями.

К этому времени отмечалось снижение уровня подготовки и количества специалистов – классиков. Стремительно уменьшалась численность студентов, специализирующихся в области классической филологии. В связи с этим росла и нехватка учителей греческой и римской словесности в гимназиях. Все чаще в консервативных кругах раздавались высказывания об упадке классического образования в российских гимназиях и университетах и о необходимости его укрепления. Много поборников классического образования было среди профессоров университетов, в которых кафедры греческой и римской филологии занимали прочное положение. Важно отметить, что именно ученые университетов, а не правительство, явились инициаторами усиления в преподавании позиций классических дисциплин, выступив за создание соответствующего разряда факультетской специализации. Еще на стадии обсуждения проектов специализации историко-филологического образования преподаватели Московского университета высказались за усиление подготовки студентов в области классических дисциплин, как условия успешного обучения на историко-филологическом факультете.

Вместе с тем, в российских университетах, за исключением Московского и Петербургского, отмечался крайний недостаток в профессорах и доцентах по кафедрам греческой и римской словесности. Устав российских университетов 1863 г. предоставлял министру народного просвещения право назначать преподавателей на эти кафедры в том случае, если кафедра вакантна более года, но часто не находилось достойных кандидатов, удовлетворявших необходимым требованиям. В Министерстве просвещения было выдвинуто предложение

приглашения молодых специалистов из-за границы, преимущественно славянского происхождения, выдержавших испытание на звание гимназического учителя за границей или в России. При этом они допускались сразу к испытанию на звание магистра, а затем и доктора, без предварительного испытания на звание кандидата (2).

Вдохновителями политики классицирования гуманитарного образования явились министр просвещения Д.А. Толстой, М.Н. Катков, профессор Московского университета П.М. Леонтьев, член Совета министров А.И. Георгиевский. По мнению реформаторов в основе всего обучения на историко-филологических факультетах должна быть классическая филология. "Изучение мертвого языка трудно, поэтому крайне необходимо, - заявил Д.А. Толстой, - через систематический, кропотливый, последовательный труд при изучении мертвых языков предполагалось выработать в учащихся привычку к основательности, стабильности, самостоятельному мышлению, где не будет места легковесности, лени, слепому подражанию. Все преподавание должно сосредоточиться на основе древних языков и математики. Должны быть отвергнуты всякие системы, основанные на многопредметности и бифуркации» (3).

Кампания по усилению позиций классического образования в России, в том числе и в университетах, началась в 70-е г.г. XIX в. Одним из главных доводов при пересмотре положений Устава 1863 года явилась необходимость изменения характера исторического образования. По мнению члена Совета министров А.И. Георгиевского на историко-филологических факультетах в российских университетах по уставу 1863 г. «не было общей центральной части знания, которая бы проходила равномерно через все курсы и которая бы централизовала все другие науки факультета» (4). Подобное место, по мнению А.И. Георгиевского, должно быть отведено классической филологии, лучше других наук изученной с точки зрения методологии. Именно данная наука учит «…точности, логике, определенности мышления, речи, чего не хватает многим учителям истории и филологии…» (5).

Для выработки стратегии изменения законодательства в области университетского историко-филологического образования в 1876 г. были созданы Общая комиссия по пересмотру университетского устава и Комиссия по историко-филологическому факультету. Общая комиссия пришла к выводу, что разделение факультетов в университетах приобрело произвольный характер; кроме того «оно подвергается частым изменениям в одном и том же университете» (6). Само существование разделенных историко-филологических факультетов противоречило политики насильственного классицирования историко-филологического образования в России. На основании подобных выводов А.И. Георгиевский в заседаниях Комиссии по историко-филологическому факультету предложил решительную меру в виде упразднения отделений факультета. Однако такая позиция не получила поддержки среди представителей университетской профессуры в Комиссии, которые высказались в пользу деления наук, преподаваемых на историко-филологическом факультете.

Большинство членов Комиссии не поддержали А.И. Георгиевского и в стремлении навязать сложившимся в университетах системам деления факультета жесткую правительственную регламентацию, вплоть до создания единой структуры специализации и общих учебных планов для каждого из отделений факультета.

Не получив поддержки в вопросах разделения историко-филологического факультета, правительственная фракция в составе Комиссии взяла курс на усиление позиций классической специализации при сохранении прежних структур. Так А.И. Георгиевский предложил рассматривать отделение классической филологии как основное и формировать его на первом курсе. Но и это предложение было отклонено. Таким образом, идея о полном упразднении специализации на историко-филологических факультетах потерпела неудачу. На данном этапе ярым поборникам классического образования не удалось упразднить разделение историко-филологических факультетов, сложившееся в российских университетах к началу 1880-х г.г.

Такое деление историко-филологических факультетов существовало до начала 1884/85 учебного года. 23 августа 1884 г. был принят новый Общий устав российских университетов, узаконивший правительственную регламентацию ряда областей университетской жизни. Так, министру просвещения предоставлялось право вводить в преподавание учебные планы, контролировать выпускные экзамены, проводимые специальными государственными комиссиями. Право факультетов на специализацию устав не ликвидировал, однако приоритет отдавался изучению классических дисциплин.

В августе 1885 г. были установлены экзаменационные требования и утверждены соответствующие им учебные планы. Вышедший в 1885 г. учебный план историко-филологических факультетов, разработанный под непосредственным руководством министра народного просвещения И.Д. Делянова, со ссылкой на необходимость привести учебный процесс в соответствие с "действительными потребностями государства" (7), возвел древние языки и классическую филологию в ранг стержня историко-филологической подготовки в университетах. Приоритет был отдан преподаванию классической филологии, при этом остальные предметы изучались в значительно урезанном объеме.

Занятия по классической филологии стали обязательны для всех студентов, при этом предполагалось полное ознакомление слушателей факультета со всеми сторонами истории древнего мира на занятиях, на которые отводилось 14 часов в неделю. Допускалось возможным присоединение предметов группы А (словесной) и группы Б (исторической): всеобщей истории (12 часов), русской истории (8 часов), истории церкви (8 часов), истории славянских народов (4 часа) (8). На выпускном экзамене всем слушателям предъявлялись одинаковые требования по языкам.

Другие предметы факультета были разделены на две группы и предоставлены свободному выбору студентов. Выдвижение на первый план изучения классической филологии фактически упраздняло специализацию по истории и по славяно-русской филологии. Сам блок исторических дисциплин

был отнесен к дополнительной "группе Б", как вспомогательный по отношению к классической группе. Таким образом, учебные планы, одобренные Министерством просвещения, со ссылкой на то, что «…именно из классической филологии выходят все отрасли историко-филологического знания» (9), отводили главное место в системе факультетских занятий изучению древних классических языков, даже в специальных отделениях на старших курсах.

Итак, Министерство просвещения, ссылаясь на недостаток учителей древних языков для гимназий, установило основными предметами для студентов в течение четырех лет изучение древних языков, древней истории и мифологии. К необязательным предметам были отнесены история России, русский язык и литература, славянское языкознание.

Практически все историко-филологические факультеты российских университетов высказались против подобного учебного плана, указывая на падение престижа факультета в таких условиях. Отмечалась необходимость разделения обучения на обязательную и специальную часть, целесообразность направлений специализации.

В общественной печати перестройка преподавания на историко-филологическом факультете подверглась критике: осуждалось «…превращение университетского курса в повторение гимназического испытания на аттестат зрелости…» (10). Сами преподаватели-классики выступали против преувеличения роли древних языков и древней истории (11). Так ректор Петербургского университета М.В. Владиславлев и декан исторического факультета этого же университета И. Помяловский отмечали, что действующий план историко-филологических факультетов превратил «…факультетский курс в продолжение гимназического,… обычные предметы дополнительных исторической и словесной групп задавлены классической филологией и не проходят полный курс… Сделавшись для всех обязательным предметом, изучение классической филологии превратилось в принудительное занятие. Преподавание на факультете превращено в дрессировку, лишающую факультет

его истинного назначения..» (12). Это ведет к сокращению слушателей на факультете и утрате последним значения наиболее образованного. Факультет терял и в качестве слушателей: «…на факультет идут преимущественно посредственности, которые плохо учатся…» (13).

Такая ситуация привела к отливу студентов с историко-филологических факультетов. В 1884 г. в Петербургском университете на историко-филологическом факультете обучалось 263 студента (11,5 % от общего числа обучающихся в университете); в 1885 году – 252 человека (11%); 1886 – 224 человека (8,8 %); 1887 – 184 человека (8,9 %) (14). В Харьковском университете 1885 г. на историко-филологический университет поступило 26 студентов, в 1886 – 18 человек, 1887 – 10 человек, 1888 – 8 (15). Таким образом, нарушение нормального хода обучения в университетах вызвало сокращение числа специалистов с гуманитарным образованием.

Историко-филологическому образованию был нанесен серьезный ущерб в результате такого реформирования. Серьезным последствием явилась невозможность подготовки факультетом будущих преподавателей. Сами профессоры-классики Петербургского университета не смогли выдать ни одному из 75 филологов, окончивших в 1885 г. свидетельство на право преподавания древних языков, не подвергнув их специальному экзамену (16).

В Харьковском университете преподаватели отмечали, что пропорционально уменьшению количества поступавших на факультет понижался и их общий уровень подготовки к успешному прохождению университетского курса. Преподавание было затруднено неравномерным распределением обязательных для студентов часов между основными предметами факультета. Многие из дисциплин излагались в сжатом варианте из-за недостатка времени, в связи с чем «…многие профессора были заранее принуждены отказаться от мысли приготовить своих слушателей к действительно полезной педагогической деятельности в пределах своих специальностей…» (17).

Принудительное насаждение классицизма в гимназиях и университетах

вызывало раздражение и в среде студенческой молодежи. Молодое поколение выступало против официального “мертвого” классицизма, противопоставляя ему живые естественные науки. Все чаще раздавались радикальные требования искоренить омертвелый классицизм из системы образования. Неприязнь к классическому образованию нашла выражение в обструкции, которую учинили студенты Петербургского университета выдающемуся антиковеду профессору М.С. Куторге; в издевательских отзывах В.А. Поссе (известного впоследствии журналиста) и В.В. Вересаева (еще более известного писателя) о лекциях основателя школы русских эпиграфистов в антиковедной науке Ф.Ф. Соколова, которого им пришлось слушать будучи студентами того же университета (1884/85 г.) (18).

Такая ситуация вызывала тревогу у тех, кто понимал истинную ценность классического образования и предвидел негативные последствия полного его уничтожения. Взвешенная позиция отличала многих выдающихся ученых, профессоров университетских кафедр. Так П.В. Никитин, крупный исследователь античности и общественный деятель, настаивал на необходимости классического образования для историка и филолога. Но “классицизм из под палки”, по его мнению, не мог принести ничего, кроме вреда (19).

В связи с этим появляются проекты реорганизации преподавания на историко-филологических факультетах, составленных авторитетными профессорами российских университетов. Министерство просвещения не могло не прислушаться к их мнению.

Так с проектом новых учебных планов и правил о зачете полугодий выступили ректор Петербургского университета М.В. Владиславлев и декан историко-филологического факультета И.Н. Помяловский. Коренной недостаток действующего учебного плана они видели в отрицании всякого специального учения. Авторы Записки настаивали на необходимости специализации на историко-филологическом факультете после двух лет обучения. При этом общими должны были быть признаны предметы,

необходимые для любого историка и филолога. Отмечалось, что специализация обусловлена целями обучения на историко-филологическом факультете – подготовка преподавателей и разносторонне образованных людей.

М.В. Владиславлевым и И.Н. Помяловским предлагалась специализация на факультете по четырем направлениям: классическое, словесное, историческое и романо-германское. Устройство этих отделений, по мнению авторов данного проекта, удовлетворит практические цели подготовки учителей для гимназий и чисто ученые потребности историко-филологического факультета (20).

Со своим проектом реорганизации учебного плана на историко-филологическом факультете выступил и Харьковский университет. Университетские преподаватели поддержали проект петербургских коллег в основных его положениях. Большое значение в предложениях харьковских профессоров придавалось чтению специальных курсов для специалистов – историков по отечественной истории, истории Греции и пр.

Дерптский университет настаивал на предоставлении права распределения обязательных предметов студентам факультета, оправдывая целесообразность подобного устройства длительным собственным опытом. В самом университете не было разделения предметов по курсам, что открывало больше возможностей для раскрытия потенциала каждого студента (21).

Угроза дезорганизации учебного процесса, отлив студентов, недовольство профессоров заставило Министерство народного просвещения восстановить прежний порядок преподавания. Вскоре начался возврат к предыдущей системе трех отделений историко-филологического факультета, хотя и с несколько иным распределением дисциплин, состав же кафедр факультета при этом, в сущности, не изменился.

С осени 1889 г. Министерством просвещения было восстановлено разделение историко-филологического факультета на три специальных отделения начиная с третьего курса (т.е. пятого семестра). В том же году на историко-филологических факультетах были введены полукурсовые испытания, которые производились согласно утвержденным правилам и

программам, в факультетских комиссиях. Они состояли из профессоров и приват-доцентов, которых назначал попечитель учебного округа, под председательством декана факультета. В составе каждой комиссии кроме председателя должно было быть не менее трех человек. Для оценивания результатов испытания использовалась пятибалльная система. Выдержавшим полукурсовые испытания считался студент, получивший не менее трех баллов по каждому из предметов (22).

В программу полукурсовых испытаний входили латинский и греческий языки, древняя история, русская история, церковнославянская грамматика, история древней философии, два предмета по выбору самого факультета, утвержденные министром. Разделение предметов испытаний на две части в конце второго и четвертого полугодий устанавливалось факультетом с утверждением со стороны министра. Согласно утвержденным правилам о зачете полугодий и о полукурсовых испытаниях историко-филологическим факультетам предоставлялось право присоединять к упомянутым в программах испытаний предметам еще двух по собственному выбору. Причем испытание по ним должны были происходить в соответствии с требованиями, предъявляемыми к основным шести предметам.

Испытуемые заранее ставились в известность о том, какие предметы вводились факультетом с разрешения Министерства просвещения. Программы дополнительных предметов печатались вместе с программами общих. При выборе данных предметов факультеты должны были учитывать, что «полукурсовые испытания обнимают собой общефакультетское образование, предшествующее разделению учащихся по трем отделениям» (23).

Например, в Московском университете распределение предметов полукурсовых испытаний было следующим. В конце второго полугодия предусматривалась сдача экзаменов по истории Древней Греции и Рима, церковнославянской грамматике, истории древней философии, сравнительному языковедению. Программа данных испытаний была обширной, особенно в области классических дисциплин, и предусматривала глубокие знания

студентов. Так в области древнегреческой и римской истории студент должен был показать знания источников и историографии, знакомство с трудами древних мыслителей и ученых современности. В программу испытаний были включены вопросы, освещающие государственный строй, внешнеполитические отношения, реформы, социальную структуру, быт античных народов.

При подготовке к экзамену по древней философии предусматривалось знакомство с основными направлениями философской мысли и ее ведущими представителями. Познания студентов в области сравнительного языкознания и церковнославянской грамматики ограничивались общими основополагающими понятиями.

В перечень предметов полукурсовых испытаний, предусмотренных в конце четвертого полугодия, были включены греческие авторы, латинские авторы, русская история, элементарный курс философии. На экзамене по древним авторам испытуемый должен был своими ответами доказать, «что внимательно изучал греческих и римских авторов (поэтов, прозаиков)» (24). Программа по русской истории предусматривала обзор событий с древнейших времен до окончания царствования Александра II. В рамках элементарного курса философии подразумевалось демонстрация испытуемым знаний основных категорий психологии и логики.

В Новороссийском университете к предметам первой части полукурсовых испытаний были отнесены латинский и греческий языки, перевод произведений авторов, читаемых в течение года; русская история, русская словесность, логика и психология. Ко второй части – латинские и греческие авторы, изучаемые на втором курсе; древняя история, история древней философии, церковнославянская грамматика.

Университет св. Владимира в Киеве в качестве предметов для первой части полукурсовых испытаний определил древние языки, историю русской литературы или церковнославянскую грамматику (по выбору самого студента), логику и психологию либо историю древней философии. Ко второй части полукурсовых испытаний были отнесены латинские и греческие авторы,

русская история, история русской литературы или церковнославянская грамматика, логика и психология или история древней философии (25).

Таким образом, выбор предметов для проведения испытаний был обусловлен ходом преподавания на самих факультетах в течение года. Обязательными предметами для допущения к полукурсовым испытаниям устанавливались: классические языки, древняя история Греции и Рима, история древней философии. К числу дисциплин факультета были отнесены: русская история, русская литература и церковно-славянская грамматика, психология и логика, общее языковедение. С введением полукурсовые испытаний отпадала необходимость проведения факультетом «испытаний состязательных на получение стипендий и вспоможений» и «поверочных испытаний».

Итак, перестройка преподавания на историко-филологических факультетах в российских университетах на основе классицизма не имела успеха, и со временем она была отменена. Реакционность такой реорганизации историко-филологического образования проявилась не в усиленном изучении древних языков, древней истории и мифологии, а в отвлечении молодого поколения от изучения русской истории, русского языка и литературы, славянского языкознания, которые были включены в круг необязательных предметов (26). Вместе с тем Министерство просвещения и основная часть профессуры продолжали рассматривать антиковедные дисциплины и древние языки как основу историко-филологического образования, и придерживались мнения о его неделимости.

3.3. Модернизация системы университетского исторического образования на рубеже XIX – XX вв.

Российская система образования в пореформенный период завершила один из циклов своей эволюции. В ходе капиталистического развития страны сформировалась сложная и многоукладная система народного образования, своеобразно отражавшая сложность российской действительности. Правительство все больше укреплялось в мнении, что стране нужны не столько новые университеты, сколько специализированные высшие учебные заведения: политехнические, сельскохозяйственные, лесотехнические, технологические институты» (1). Университетская система в России в к. XIX- начале XX в.в., по мнению многих исследователей, «…переживала кризис, о чем, в частности, свидетельствует слабость развития сети университетов, - из 11 университетов

только два возникли в начале XX столетия» (2).

Вместе с тем университетам принадлежали ключевые позиции в системе российской высшей школы, как учебным заведениям, готовившим кадры обслуживания государственного аппарата Российской империи. Университеты занимали ведущее место и по научно-педагогическому уровню профессорско-преподавательского состава и числу студентов. Социально они были ориентированы преимущественно на дворянско-чиновничий контингент учащихся, получивший фундаментальное среднее образование в классических гимназиях.

В нач. XX столетия гимназии являлись самой престижной категорией средних учебных заведений. Статус выпускника гимназий был высок; его считали образованным человеком с большими жизненными перспективами. Главная причина привлекательности гимназий заключалась в праве их выпускников без вступительных экзаменов поступать в университеты.

Университеты рассматривались как учебные заведения, готовившие интеллектуальную элиту общества. Правительство было заинтересовано в том, чтобы эти учебные заведения комплектовались лучшей молодежью из числа выпускников классических гимназий, так как большинство из них в дальнейшем принимались на государственную службу.

Особенно выпускники гимназий были подготовлены к обучению на историко-филологических факультетах университетов, готовивших, в первую очередь, преподавателей для гимназий. В университеты «классики» поступали без экзаменов, имея право свободного выбора факультета. Как отмечает исследователь А.Е. Иванов, историко-филологический факультет не пользовался в рассматриваемый период популярностью у абитуриентов, особенно выходцев из дворянско-чиновничьей среды. Что во многом объяснялось «отсутствием перспективы материального благополучия, как следствия удачливой карьеры после получения диплома, профессиональной защищенности, уверенности в практической значимости своих знаний…» (3).

Особый тип студентов историко-филологических факультетов

представляли воспитанники православных духовных семинарий. Для поступления в университет им приходилось сдавать экзамены в объеме гимназического курса. Получив профессиональную предметную и педагогическую подготовку в университетах «семинаристы» шли работать учителями в церковно-приходских школах, духовных училищах и семинариях.

В нач. XX в. российские университеты стали принимать выходцев из непривилегированных слоев населения - выпускников реальных училищ. Поступление в университет требовало от них получение аттестата зрелости путем сдачи экзаменов по программе классической гимназии. Из стремившихся получить гуманитарное образование 75 % «реалистов» выбирали юридический факультет, а мечтавшие посвятить себя историко-филологическим наукам, были в меньшинстве. Так, по данным за 1905-1913 г.г. на историко-филологическом факультете обучалось – 0,4 – 1,5 % выпускников реальных училищ (4).

Историко-филологические факультеты российских университетов были самыми малочисленными. Определенную часть потенциальных абитуриентов с гуманитарным складом ума отнимали историко-филологические и педагогические институты. Кроме того, для подавляющего большинства молодых людей данный факультет являлся воплощением злокозненного классицизма, так как готовил преподавателей ненавистных многим латыни и древнегреческого языка для гимназий. И только очень глубокий интерес к гуманитарным наукам преодолевал это предубеждение (5). Были случаи, когда, проучившись определенное время на факультете, студенты разочаровывались и переходили на другие факультеты.

И все-таки наиболее подготовленные и любознательные выпускники средних учебных заведений поступали на историко-филологический факультет, осваивая сложную и насыщенную программу обучения. Многие выпускники этих факультетов стали выдающимися педагогами и учеными, прославившими российскую науку. Так академик Н.М. Дружинин воспоминал, что он не колебался в выборе факультета, поскольку «…история представлялась

универсальной наукой, которая вмещает в себя исследование всего развития человеческого общества на всех его этапах и во всех его проявлениях. Особенно увлекала эта широта открывающегося познания истории человечества во всем многообразии ее конкретных форм и во всей цельности ее внутреннего закономерного единства» (6).

Важнейшим фактором движения науки выступают изменения в области теории и методологии научного познания в конкретной отрасли знания. В к. XIX – нач. XX в. начинается активная разработка проблем эпистемологии истории. В это время складывается система противоборствующих методологических направлений (еще «процветает» позитивизм, «наступает» модное неокантианство, заявляют о себе иррационалистические течения в методологии истории, им противостоит представленный в разных вариациях марксизм), в которых господствующей проблематикой становится гносеологическая (7).

Современники, оценивая новые тенденции в исторической науке, отмечали, что «изложение истории» (интерпретация исторического процесса, имеющая проекцию в методы преподавания) связано с эволюцией самого понятия истории как науки (задачи, содержание, методы и пр.). Своеобразным противовесом увлечению фактическим материалом явились науки, имеющие общий характер и стоящие в непосредственной связи с историей. В системе высшего исторического образования утверждаются теоретические дисциплины исторического профиля: методология истории, историография, социология и ряд других дисциплин.

В к. XIX в. на историко-филологических факультетах российских университетов расширяется программа обучения, совершенствуется методика преподавания истории вырабатываются новые подходы к пониманию задач университетского образования. Интенсивно развивался процесс насыщения высшего исторического образования дисциплинами теоретического характера. В программы историко-филологических факультетов были включены сначала как факультативные, а позже как обязательные курсы методология, социология

и философия истории, теоретический курс истории, специальные курсы по истории. В курсах методологического плана рассматривались вопросы о предмете исторической науки, специфике исторического познания, методах исторического исследования, историографических традициях и пр. Так в Петербургском университете профессор кафедры всеобщей истории Н.И. Кареев в 1891 г. читал курс «Историческая энциклопедия»; в Московском университете И.И. Иванов читал «Философию и методологию истории»; в Новороссийском университете П.М. Бицилли «История историографии» (8).

Профессор Новороссийского университета И. А. Линниченко, подводя итог практически сложившейся традиции в понимании задач преподавания истории в высшей школе, писал в 1902 г.: "Главная задача высшего учебного заведения дать слушателю общее научное миросозерцание, приучить его к общему научному мышлению и сообщить ему основные черты приемов научных работ в пределах известной специальности" (9). Для достижения этой задачи, считал он, "важна не столько сумма знаний, сколько качество их, сознательное к ним отношение" (10). Воспитать в студенте-историке самостоятельность и продуктивное мышление, приучить его к "сознательному отношению" к исследовательскому материалу можно только на основе нового метода "изложения истории" — "научно-критического". Подобный подход, отмечал И. А. Линниченко, несовместим с жесткими контурами учебных программ с одной стороны, а с другой — отрицает традиционное повествовательное изложение всего лекционного курса (11). Таким образом, формирование новых подходов к преподаванию истории требовало изменений в организации университетского исторического образования.

В 1902 г. была учреждена специальная Комиссия по преобразованию высших учебных заведений под председательством управляющего Министерством народного просвещения, доктора римской словесности, Г.Э. Эзенгера. В ходе работы Комиссии в 1902-03 г.г. проходило обсуждение практических проблем высшего образования, таких как соотношение методов, форм, содержания обучения, вырабатывались проекты переустройства

учебного процесса в университетах, в том числе на историко-филологических факультетах.

К этому времени отчетливо наметилась тенденция к переходу высшей школы от курсовой системы к предметной. На протяжении XIX в. учебный процесс в российских университетах строился на основе курсовой системы, заключавшейся в зачете годовых курсов. Переход с курса на курс определялся результатом экзаменов, которые сдавались весной в соответствии с количеством предметов, подлежащих изучению в данном году. Достоинством курсовой системы являлась простота контроля. В то же время назначение большого количества экзаменов на сравнительно короткий срок вело к перегрузке студентов, невозможности глубокого изучения университетских дисциплин, в конечном итоге снижению самого качества обучения.

Приверженцы курсовой системы отмечали ее логическое устройство, соразмерность организации учебного процесса, простота руководства учебной деятельностью. Кроме того, она обеспечивала более или менее единый уровень подготовки студентов. Противники же курсовой системы отмечали ее несвободный характер, исключение для студентов выбора занятий, что противоречило университетскому духу свободы учения. Главной идеей предметной системы являлось введение в учебный план самостоятельной работы студентов.

Еще в конце XIX столетия самими преподавателями предпринимались попытки реорганизации учебного процесса. По мнению многих университетских профессоров, введение предметной системы учебного процесса должно было стать следующим шагом после разделения факультета на отделения на пути дифференциации, специализации и углубления научного образования (12). Свои мнения высказывали ведущие профессора российских университетов. Так сторонником введения предметной системы выступал профессор кафедры всеобщей истории Петербургского университета П.Г. Виноградов. В 1901 г. в «Вестнике Европы» вышла его статья «Учебное дело в наших университетах», где предлагалось вместо общих планов на факультетах

введение планов обязательных курсов, «…что будет содействовать оживлению интереса и увеличению успешности занятий...». При этом автор отмечал и возможные сложности для развития предметной системы, в первую очередь - нехватка преподавательского состава. Кроме того, подобная система, по мнению П.Г. Виноградова, придает университетским занятиям слишком специальный характер, что может в некоторых случаях затруднить будущую профессиональную деятельность учащихся,

Профессор Казанского университета М.М. Хвостов при анализе постановки учебного процесса в Оксфордском университете, обращал внимание на существование разумной специализации экзаменов: «…Обязательные предметы, не имеющие прямого отношения к главной специальности студента, сведены на экзамене до минимума. Эти устраняется обременение головы студента излишним материалом, который все равно забывается по выходе из университета, а между тем мешает студенту сосредоточиться на избранной им специальности. В то же время экзамены в Оксфорде не ведут и к узкой специализации…» (13).

Введение предметной системы предполагало и изменения в системе контроля знаний учащихся. Теперь студент мог экзаменоваться отдельно по каждому изучаемому им предмету – по мере готовности. Курсовая система, предусматривала проведение испытаний для всего личного состава курса и по всем предметам курса один раз в году, в течение определенного времени и в определенный день для каждого предмета, при предметной системе экзаменов испытания по каждому предмету проходили несколько раз в течение учебного года в определенные, заранее опубликованные, сроки. При этом в таких временных пределах студентам представлялась свобода распределения экзаменов. Так, в Казанском университете на историко-филологическом факультете в 1906 г. было установлено три срока экзаменов в течение учебного года: в сентябре, январе и мае, то есть после летних, рождественских и пасхальных каникул (14). Подобная система экзаменов имела место в некоторых европейских учебных заведениях, например, парижской Ecole de

medecine.

К основным достоинствам предметной системы, по сравнению с курсовой, ее сторонники относили исключение возможности оставления студента на второй год. Предметная система позволяет студентам рациональнее использовать время, а так же самим экзаменаторам выгоднее распределять свой труд, способствует более тесному контакту с учащимися и обстоятельнее проверять их знания. Особенно актуальным введение предметной системы виделось в свете увеличения числа студентов.

Предметная система учебного процесса была введена в 1906 г. Для нее явилось характерным создание вместо единого плана групповых учебных планов. На историко-филологических факультетах содержание обучения было разделено по методологическому принципу. Основными группами преподаваемых дисциплин стали литература, язык, философия и история, - отправные пункты разверстки учебных планов. Свои проекты предметных учебных планов были предложены историко-филологическими факультетами Московского, Казанского, Киевского, Петербургского университетов. Московский вариант предусматривал одиннадцать групп предметных учебных планов.

Введение предметной системы учебного процесса рассматривалось как дальнейший этап специализации научного знания, уничтожение в нем многопредметности, концентрация преподавания около центральных предметов с более глубоким их изучением по источникам, с усвоением их методологии. При этом предусматривалась свобода выбора соответствующих дисциплин. Таким образом, предполагалось направить факультетское образование в большей степени на освоение методологии научного поиска, а не на расширение объема знаний.

Постановка в центре занятий определенной дисциплины предусматривала ее углубленное изучение, к ней приурочивались и основные практические занятия студентов. Остальные предметы так же изучались, но с установлением меньшего числа практических занятий. Так в соответствии с «планом историко-

филологических групп предметов преподавания», разработанным в Московском университете, студент, проходящий курс по группе русской истории не только слушает, но и занимается в семинариях по всеобщей истории, только в меньшем объеме. Целый ряд дисциплин предлагается в числе вспомогательных курсов, расширяющих подготовку студента: философия и методология истории, история новой философии, география России, история русской церкви, история русской литературы, история русского искусства, история западноевропейских литератур и др. Среди этих вспомогательных предметов студенту предоставлялся в известных пределах выбор в зависимости от его личных наклонностей и профессиональной необходимости.

Предусматривалось и изучение пропедевтических курсов, отражающих общую связь данной отрасли наук и общие методологические и философские основы. Так в московском проекте к таким вводным курсам были отнесены логика, психология, «обзор философских проблем», греческие и латинские авторы, политическая экономия и др. (15).

Предполагалось, что предметная система раскрепостит студента, который сам будет составлять учебный план, записываться в группы специализации, планировать сроки обучения в соответствии со своими возможностями и способностями. Однако имели место и негативные стороны такой индивидуализации обучения. В первую очередь - увеличение сроков обучения студентов, которые не могли самостоятельно адаптироваться к свободному режиму учебных занятий.

Университетская профессура подошла к внедрению подобной системы достаточно осмотрительно, взяв на себя составление учебных планов, в значительной степени однотипных в разных университетах. Для студентов были установлены обязательные, независимые от индивидуальных планов зачеты, экзамены, введены графики занятий.

В целом, введение с 1906 г. предметной системы учебного курса, явилось следующим шагом в направлении дифференциации, специализации и углубления научного образования на историко-филологическом факультете.

Нечто подобное существовало в германских университетах – для экзамена на степень доктора философии. Экзаменующийся, кроме написания и публичной защиты диссертации, был обязан сдать экзамен по одному главному предмету и двум дополнительным. Комбинации этих предметов в разных университетах устанавливались по-разному – со значительной свободой в выборе дополнительных наук.

Вопрос о специализации и углублении научного преподавания на историко-филологических факультетах затрагивался видными преподавателями российских университетов. В том числе рассматривался вопрос и о возможности дробления самого исторического отделения на специальности: всеобщей истории, русской истории, истории славян, истории церкви, искусства и пр. такое деление обуславливалось прежде всего «…колоссальным ростом самой истории и разнохарактерностью ее источников…» (16). При этом возрастала роль самостоятельной работы с источниками. Именно разнохарактерность и разнообразие исторических источников требует дифференциации и в преподавании этой науки. Предлагалась новая система преподавания на историко-филологических факультетах, в основе которой четыре группы знаний: язык, литература, история и философия. Эти группы могут разделяться на любое количество циклов или предметных учебных планов в зависимости от практических потребностей.

В целом, дополняясь со временем новыми элементами, историческая специализация в университетах России просуществовала вплоть до их преобразования, начавшегося в 1918 г. На основе системы специализации, выработанной университетами дореволюционной России на историко-филологических факультетах, с середины 30-х г.г. XX в. происходил интенсивный процесс окончательного размежевания факультетских наук и создания самостоятельных исторических и филологических факультетов (17).

Предметная система была призвана индивидуализировать процесс обучения. Менялись формы и методы учебной деятельности: лекции только ориентировали, основное же внимание уделялось практическим занятиям

студентов, что в вою очередь требовало усиления педагогического состава.

В связи с проблемой перестройки системы преподавания с курсовой на предметную в к. XIX – нач. XX в.в., остро ставился вопрос о модернизации методического инструментария, в котором абсолютное преобладание имела лекционная форма изложения материала.

Главной задачей университета в подготовке историков к этому времени стало формирование научного миросозерцания, воспитание в студенте самостоятельного и продуктивного мышления, приучение его к научному отношению к исследовательскому материалу, сообщение основных приемов научной работы в пределах данной специальности. Отношение самих студентов к науке требовало определенных изменений в учебном процессе на факультете. Пассивное усвоение материала все меньше удовлетворяло молодежь, поэтому все большее значение в к. XIX – нач. XX в. приобретает самостоятельная работа с источниками. Под сомнение были поставлены традиционное повествовательное изложение лекционных курсов и жесткие рамки учебных программ.

Академическая общественность разделилась на противников лекций и тех, кто в той или иной степени выступал за ее сохранение в методике университетского преподавания. Противники считали, что лекционная система приучает к пассивному, некритическому восприятию чужих мыслей, действует на умственные способности студентов притупляющим образом, убивает стремление к самостоятельному труду и мышлению. Выход из положения виделся им в совместной работе профессоров и студентов над определенными научными проблемами в виде бесед, написания курсовых работ. То есть речь шла об активизации учебного процесса в университете, посредством развития системы семинарских занятий, выполнения письменных работ. Этой точки зрения придерживались и те преподаватели, которые ратовали за сочетания различных методов преподавания, включая лекцию.

В то же время многие профессора не были склонны рассматривать лекцию как пассивный метод. Так Н.И. Кареев, профессор кафедры всеобщей истории

Петербургского университета, указывал, что лекция требует силы ума, информационной мобильности личности. Многие участники дискуссии ставили вопрос о необходимости разумного использования лекционного метода, без злоупотребления им (18).

В целом, в начале XX в. дискуссия о целесообразности использования лекций в российских университетах не дала ощутимых результатов. Лекционная форма изложения материала продолжала занимать ведущее место в учебном процессе вплоть до введения предметной системы. Вместе с тем осознание «профессиональной планки» - нового качества профессионализма формировало новые подходы к преподаванию истории и обусловило, тем самым, изменение структуры и содержания лекционных курсов (19). Проблемный метод изложения лекционного материала, превращение университетских занятий в научную лабораторию становилось реальной практикой учебной работы в университетах предреволюционной России.

Стремление преподавателей приобщить студентов к большей самостоятельности в овладении знаний обусловило развитие системы практических и самостоятельных занятий. При всех различиях во взгляде министерства просвещения и преподавательского корпуса на назначение практических занятий они были возведены в норму учебного процесса и его неотъемлемую часть.

В к. XIX в. оставался актуальным вопрос о создании системы семинарских занятий на историко-филологических факультетах со своей определенной организацией по всем предметам факультетского курса. Кроме развития самостоятельности, мышления студентов, семинарские занятия способствовали складывания школ ведущих университетских профессоров.

В к. XIX в. Министерство просвещения обратило особое внимание на проблему организации практических занятий. В циркуляре министерства от 12 февраля 1885 г. рекомендовалось избегать назначения большого числа лекций и оставлять больше времени для научно-практических занятий под руководством профессора. Совещание попечителей учебных округов и ректоров

университетов и других высших учебных заведений отметило недостаточную развитость этой формы работы со студентами, в особенности на историко-филологических факультетах, что дает молодым людям массу свободного времени, употребляемого «не по назначению». При этом все соглашались с тем, что практические занятия должны составлять существенное содержание преподавания (20). Поскольку сил профессоров для нужной организации практических занятий недоставало, было решено привлекать к этой работе приват-доцентов и "профессорских стипендиатов".

В конце 1890-х г.г. историко-филологические факультеты российских университетов приступили к более тщательной и широкой организации практических занятий при всех существующих специальных отделениях факультета. Так, при помощи ассигнованной Министерством народного образования суммы в 1901 г. в Харьковском университете был устроен особый «кабинет для практических занятий» с библиотекой. К участию в руководстве практическими занятиями в качестве помощников профессоров активно стали привлекать приват-доцентов, с назначением им соответствующего вознаграждения (21).

Необходимость и польза подобных занятий осознавалась всеми университетскими профессорами. При этом особенно важным признавалось развитие системы учебно-вспомогательных учреждений для проведения семинарских занятий как особые помещения (историко-филологические кабинеты), специальные библиотеки. Из-за отсутствия таковых профессорам и студентам приходилось сталкиваться с трудностями при проведении семинариев. «Так за недостатком помещений (они) вынуждены собираться в какой-нибудь свободной аудитории, при этом из библиотеки берутся книги. Чаще существующие в одном или двух экземплярах и по окончании занятий они снова возвращаются на место. Студенты эти книги могут брать только во время занятий, так как в них нуждается сам профессор для подготовки. Таким образом, наши практические занятия в большинстве случаев сводятся к специальным лекциям, где труд принадлежит профессору, студенты же лишены

возможности принимать участие в исследовании…» (22). При существующих условиях профессора давали студентам темы для домашнего исследования в виде написания рефератов, которые позже обсуждались на занятиях. Но из-за недостатка пособий профессора стремились не давать темы близкие по содержанию во избежании необходимости использовать один и тот же источник.

Министерство предложило университетам подумать и о формах проведения практических занятий. Указывалось на возможность различных видов: чтение и объяснение памятника, отрывка из источника, разбор рефератов, переводов.

Но доброй воли самих преподавателей и студентов в деле организации практических занятий было недостаточно, необходимой была и помощь министерства. 6 марта 1901 г. Государственный совет "мнением положил" отпускать " на устройство практических занятий" историко-филологических и юридических факультетов 32 400 р. в год (23).

Ведущие профессора российских университетов ратовали за развитие самостоятельных занятий студентов. Так крупный русский историк-медиевист Павел Гаврилович Виноградов, выступая за сохранение и улучшение лекционного метода преподавания, главное место отводил значительному повышению значения и качества практических занятий в самых разнообразных формах (разбор исследовательских работ, интерпретация источников, коллоквиумы, педагогическая практика и др.). Такой подход был обусловлен практикой педагогической деятельности самого автора, являвшегося одним из пионеров введения семинарского метода обучения (24).

В этом отношении показательны семинары П.Г. Виноградова, проводившееся им в 1890 – 1895 г.г. в Московском университете, в которых главным было обучение слушателей самостоятельной критике источников и методике исследовательской работы. В этих занятиях принимали участие многие впоследствии видные ученые: Р.Ю. Виппер, Д.М. Петрушевский, П.Н. Милюков, А.А. Кизеветтер и др. Слушателей Виноградова привлекала не

только личность популярного профессора, но и его отношение к изучаемому материалу, характеризовавшееся исключительной добросовестностью в подходе к источнику, его интерпретации и методике его критики (25).

Рост корпуса приват-доцентов в российских университетах, сопряженный с объективными потребностями развивающейся специализации студентов, способствовал постановке в учебном процессе историко-филологических факультетов все большего числа специальных курсов. Поскольку в университетах России чтение общих курсов, как правило, являлось достоянием профессоров, перед приват-доцентами открывался простор в постановке специальных курсов; тематика их по уставу 1884 г. утверждалась на уровне университета. Прибегали к специальным курсам и профессора. Часть этих занятий включалась в разряд обязательных для студентов, другие, и их было большинство, объявлялись "для желающих". Разработка специальных курсов активизировала творческие возможности преподавателей университетов.

Чтение специальных курсов, вошедшее в преподавательскую практику университетских профессоров, приучало слушателей к настоящей исследовательской работе с привлечением научных монографий и публикаций источников. Но подобный стиль обучения требовал и достаточный уровень интеллектуальной подготовки студентов, в то время как в конце XIX – начале XX века отмечалось снижение уровня подготовки поступающих в университете, что усложняло процесс восприятия студентами научно-критического изложения материала.

Развитие системы специальных курсов на исторических отделениях историко-филологических факультетов, с одной стороны, углубляли преподавание общих. Другая их часть особенностью тематики обосновала в учебном процессе совершенно новые предметы. Позже, на этапе полного отделения исторического образования от филологического, они приобрели статус общих специальных вспомогательных дисциплин фундаментальной исторической подготовки.

Общая классификация специальных курсов по всеобщей истории,

читавшихся студентам исторических отделений, позволяет выделить два их типа: проблемный и регионально-страноведческий (26). Так, в соответствии с данными обозрений наук, преподаваемых на историко-филологических факультетах российских университетов, можно сделать вывод, что по первому принципу в Московском университете в 1898—1900 г. строились лекции И. И. Иванова "Культурная жизнь Франции в XIX в.", Р. Ю. Виппера "Общественные учения и исторические теории XVIII-XIX в. на Западе", В. А. Шеффера "Римские древности" и И. И. Семенова "Греческие бытовые древности". Второй тип был представлен курсами: "История Востока" (М. С. Корелин), "История Западной Европы в XIV-XV в.в." и "История Римской империи" (Р. Ю. Виппер), "История Соединенных Штатов" (С. Ф. Фортунатов). В тематике специальных курсов по русской истории преобладал проблемный подход: "Экономический быт Древней Руси в X—XII столетиях" и "Общество и управление в Великом Новгороде XII-XV в." (Н. А. Рожков), "История русского дворянства в XVIII и XIX в." и "Реформы Петра Великого в русской историографии" (М. М. Богословский), "Обзор внутреннего состояния России в первой половине XIX в." (А. А. Кизеветтер), "Царствование императора Александра I" (М. В. Довнар-Запольский и пр. (27). В Петербургском университете в 1900—1901 гг. для студентов исторического отделения были прочитаны курсы: "История крестовых походов" (В. Э. Регель), "История Абиссинии" и "Египтология" (Б. А. Тураев), "Феодальная Европа" и "История Англии в средние века" (В. В. Новодворский), "История иконоборства" (Б. М. Мелиоранский) (28).

"Обозрения преподавания" в университетах свидетельствуют о том, что общие курсы истории славян на историко-филологических факультетах уже в конце XIX в. стали сопровождаться специальными по славянской проблематике. В 1900—1901 гг. в Петербургском университете читалась "История Польши в средние века" (В. В. Новодворский) и "История Македонии" (А. А. Придик). В Московском университете известен курс по истории западных славян М. К. Любавского, в университете св. Владимира в

1898—1900 гг. студентам предлагались лекции по истории славянского Возрождения (А. И. Степевич), истории польского народа и курс "Введение в славяноведение" (Т. Д. Флоринский). Тогда же И. И. Смирнов читал курс истории южных славян в Казанском университете, в Варшавском университете студенты слушали лекции о древностях южных славян К. Я. Грота.

Право советов факультетов на корректировку учебных программ способствовали расширению номенклатуры специальных курсов, введение которых в рабочие планы было связано с научным творчеством преподавателей, как университетских профессоров, уже известных ученых, так и молодых преподавателей.

В к. XIX – нач. XX в. в тематике специальных курсов исторического содержания нашли отражение новые явления в отечественной исторической науке, в том числе интерес к теоретическим проблемам. Появляется и новая тенденция – складывается практика чтения специальных курсов по историографии на кафедрах русской истории, в то время как преподаватели всеобщей истории от историографических курсов начинают переходить к курсам методологического плана. На рубеже XIX – XX в.в. активно разрабатывается теория исторического познания. Так в Московском университете в это время происходит переориентация с историографических на методологические курсы.

На систему читаемых курсов оказывали воздействие в первую очередь научные интересы преподавателей, сформировавшиеся к этому времени школы, традиции конкретных университетов.

В Петербургском университете у А.С. Лаппо-Данилевского органично сочетались, дополняя друг друга, курсы по русской историографии и методологии истории. В его преподавании теория и методология исторической науки занимали значительное место. С 1894 г. он начал разработку и проведение практических занятий по теоретическим проблемам исторической науки. Так в 1894-95 г.г. А.С. Лаппо-Данилевский читал курс «Методы изучения источников и явлений русской истории»; в 1897-98 г.г. –

«Систематика социальных явлений разного порядка». При этом первые методологические курсы строились ученым на основе позитивизма О. Конта, Милля. Позже он переходит к поиску нового методологического инструментария, что привело его к неокантианству (29).

Большинство студентов не были готовы к восприятию столь сложного материала. Аудитория слушателей А.С. Лаппо-Данилевского расширилась в конце 1890-х г.г., когда ученый создает в университете особую школу по философии общественных наук, притом выходившую за пределы историко-филологического факультета. Сам курс был сложен для восприятия, но вместе с тем позволили поднять университетское преподавание теоретических проблем исторической науки на новый уровень. Что значительно углубляло знания выпускников историко-филологического факультета.

Специальные курсы формируют общую и "прикладную" историографию, первую как предмет, вторую - как обязательную принадлежность университетского исторического преподавания. В конце XIX в. В. О Ключевский читал в Московском университете "Обзор русской историографии", сопровождая его семинарием, Д. И. Багалей в Харьковском — курс "Русская историография", Н. Н. Фирсов в Казанском — "Русскую историографию от Татищева до новейшего времени", А.С. Лаппо-Данилевский в Петербургском университете начал преподавание методологических проблем истории и источниковедения (30).

Как специальные курсы появлялись в университетах и другие новые предметы преподавания: источниковедение (В. О. Ключевский в Московском университете, В. Б. Антонович и В. С. Иконников в университете св. Владимира, А. Н. Ясинский в Юрьевском), историческая география (М. К. Любавский в Москве, Е. Е. Замысловский и С. М. Середонин в Петербурге), византиноведение, история Востока.

Впервые в истории русского университетского преподавания на историко-филологическом факультете Петербургского университета в нач. 70-х г.г. XIX века специальные курсы по истории Византии и русско-византийским

отношениям стал читать В.Г. Василевский (1838-1899). С его именем связано возникновение научной школы русского византиноведения и превращение его византиноведения из своего рода вспомогательной дисциплины в самостоятельную область русской исторической науки.

Еще в середине XIX века появилось значительное число исследователей, которые в связи с изучением русской, славянской истории, славяно-византийских и русско-византийских отношений глубже стали обращаться к истории Византии. Именно в Петербургском университете, где быстро развивалось изучение русской и славянской истории и филологии, сложились наиболее благоприятные условия для выделения византинистики, превращения ее в самостоятельную область исторического исследования. В 1860 г. историко-филологический факультет Петербургского университета подал прошение на имя министра народного просвещения об учреждении в университете специальной кафедры византийских древностей и литератур (31).

Обращение к практике постановки специальных курсов позволяет сделать вывод, что они лишь в редких случаях имели жесткую связь с темами магистерских и докторских диссертаций преподавателей, но столь же редко выходили за пределы отрасли науки, в которой специализировался сам лектор.

Предметом серьезного внимания в начале XX в. стала проблема расширения состава университетских кафедр. Одной из важных задач Комиссии по преобразованию высших учебных заведений явилось приведение в соответствие кафедрального состава историко-филологических факультетов университетов Российской империи с реально преподающимися науками. В историко-филологическом подотделе комиссии были рассмотрены и обобщены ответы профессоров на "вопросы, касающиеся устройства университетов", и сформирована расширенная структура исторических кафедр. Из состава кафедры теории и истории искусств был выведен предмет теории как не преподающийся в университетах. Историко-филологическим факультетом "в силу потребностей и местных условий" разрешалось открывать новые кафедры: этнографии и исторической географии, археологии и истории первобытной

культуры, истории Востока. В Новороссийском университете предполагалась кафедра византиноведения.

Работа по уточнению состава кафедр историко-филологического факультета продолжалась на этапе подготовки нового университетского устава, начавшемся при министре просвещения И. И. Толстом. Проект документа, выработанный в январе 1906 г. совещанием профессоров под председательством министра, прибавил к номенклатуре кафедр для всех университетов кафедры истории религии, истории славян, византиноведения, археологии, исторической географии и этнографии; кроме того, в Петербургском и Казанском университетах предполагалась кафедра истории и филологии Древнего Востока, а в Варшавском — истории Польши. В 1909 г. такой состав кафедр исторического профиля был обозначен в проекте устава, составленном бывшим министром просвещения П. М. Кауфманом. Перечень исторических кафедр историко-филологического факультета остался на уровне 1863 г., выйти за его пределы не удалось ни одному университету.

В начале XX в. активно обсуждались вопросы расширения преподавательского состава в российских университетах и реформирования правил присуждения ученых степеней. В течение XIX столетия в российских университетах был накоплен ценный опыт в области формирования и подготовки профессорско-преподавательского состава. Характерной чертой последнего явилось единство научной и образовательной деятельности: кто двигал науку, тот и учил. Сложился образ преподавателя российского университета, воплотившего в себе такие качества, как обширность научных познаний, честолюбие ученого, свободомыслие, обладание собственной манерой преподавания, педагогическим мастерством. Сочетание в преподавателе высшей школы качеств ученого и педагога обусловило наличие таких задач в его деятельности как подготовка специалиста широкого профиля для государственной службы, а так же воспитание широко эрудированной личности с устойчивыми нравственными качествами. Развитие арсенала методических средств как лекции, диспуты, практические занятия было

призвано сформировать у студентов научное видение жизни.

В центре внимания научной общественности и правительства оказался институт «профессорских стипендиатов». Он был признан главным инструментом ликвидации дефицита преподавателей в высших учебных заведениях России. В то же время общепризнанным был факт необходимости кардинальной перестройки организационных основ подготовки профессорско-преподавательского состава. Острая критика прозвучала в 1902 г. в Комиссии по преобразованию высших учебных заведений. Совершенно неудовлетворительным было признано материальное обеспечение «профессорских стипендиатов» (32).

Улучшение материального положения «профессорских стипендиатов» связанное с повышением в 1909 г. стипендий, несколько замедлило отток наименее обеспеченных молодых людей. Но не решалась главная проблема – значительное увеличение общего числа аспирантов (33).

Учрежденная в 1902 г. Комиссия по преобразованию высших учебных заведений особое внимание уделяла вопросам присуждения ученых степеней. Свой проект положения об испытаниях на магистерские и докторские ученые степени был предложен профессором Ю.А. Кулаковским. В процессе обсуждения он существенно был доработан Комиссией. Прежде всего, ставился вопрос о целесообразности градации магистр-доктор, предполагавшей предоставление двух диссертаций. При этом сторонники упразднения такого деления ориентировались на западноевропейские университеты, где степень магистра была упразднена в начале XIX в.; предлагались и изменения в разрядах наук испытаний. Так на историко-филологическом факультете планировалось слияние греческой и римской словесности в разряд классической филологии с установлением в нем двух подразрядов. Предполагалось введение отдельных разрядов германской и романской филологии. Теория и история искусств должна была быть названа история искусств; вводился разряд византиноведения.

Проект устава, составленный в 1902 г. предусматривал значительное

увеличение числа преподавателей высшей квалификации на основных исторических кафедрах историко-филологических факультетов. Так по всеобщей истории предусматривалось три профессора с делением самого предмета кафедры на три части – древнюю, среднюю и новую. По русской истории предполагалось два профессора при разбиении предмета на древнюю русскую историю и новую (32).

Однако работа по созданию нового устава для российских университетов затянулась. Начиная с 1902 г. министры просвещения – И. Толстой, Н. Шварц, Л. А. Кассо, П. М. Кауфман - вносили в Государственную думу варианты университетского устава. Последним из них был проект, составленный при П. Н. Игнатьеве в 1915 г. (33), который так и не был принят.

Таким образом, в последней трети XIX – XX в.в. проблема реорганизации учебного процесса на историко-филологических факультетах приобрела актуальность для академической общественности. Правительством и университетами Российской империи велась интенсивная работа по определению целей и задач высшего исторического образования и приведению в соответствие его содержания уровню развития науки и социально-экономическим, политическим и культурным потребностям страны. Основой реформирования историко-филологического образования являлась идеологическая концепция приоритета русского начала в науке и культуре и использование потенциала университетской исторической науки в деле укрепления государственных устоев.

На протяжении последней трети XIX столетия интенсивно развивался процесс насыщения высшего исторического образования дисциплинами теоретического характера. В программы историко-филологических факультетов были включены сначала как факультативные, а позже как обязательные курсы методология, социология и философия истории, теоретический курс истории, специальные курсы по истории. Кроме того, совершенствовалась методика преподавания истории, вырабатывались новые подходы к пониманию задач

университетского исторического образования. На первый план выдвигается воспитание в студенте-историке самостоятельности и продуктивного мышления.

Такой подход к историческому образованию требовал реорганизации учебного процесса на факультете. Она понималась как дифференциация, специализация и углубление образования. При этом подразумевалось не расширение объема знаний, а освоение методологии научного поиска.

Для предметной системы учебного процесса, введенной в российских университетах в нач. XX в., характерным явилось создание групповых учебных планов. Содержание обучения было разделено по методологическому принципу. Основными группами преподавания на историко-филологическом отделении стали литература, филология, язык и история. Предметная система была призвана индивидуализировать процесс обучения.

В связи с проблемой перестройки университетского преподавания ставился вопрос и о модернизации методологического инструментария. В новых условиях под сомнение ставилась целесообразность традиционного повествовательного изложения лекционного курса. Проблемный метод изложения материала, превращение лекционных занятий в научную лабораторию становилось реальной практикой. Стремление преподавателей приобщить студентов к самостоятельности обусловило развитие системы практических и самостоятельных занятий, которые стали неотъемлемой частью учебного процесса.

Совершенствование учебных программ способствовало утверждению в учебном процессе специальных курсов, приучавших слушателей к настоящей исследовательской работе с привлечением научных монографий и публикаций. Развитию данной формы занятий и расширению их тематики способствовал рост корпуса приват-доцентов. Последним предоставлялась известная свобода в постановке занятий, так как тематика специальных курсов утверждалась в соответствии с уставом 1884 г. на уровне университета. Чтение специальных курсов на историко-филологических факультетах углубляло преподавание

основных предметов, а так же обосновывало новые дисциплины. Именно в качестве специальных курсов в учебном процессе историко-филологических факультетов обозначились источниковедение, историческая география, историография. Позже, на этапе отделения исторического образования, они приобрели статус специальных вспомогательных дисциплин фундаментальной исторической подготовки.

Предметом серьезного внимания в рассматриваемый период явилась проблема расширения состава университетских кафедр, в том числе и на историко-филологическом факультете. Что было обусловлено необходимостью приведения кафедрального состава факультета с реально преподающимися науками. Однако номенклатура исторических кафедр осталась на уровне 1863 г. Преподавание исторических дисциплин обеспечивалось четырьмя кафедрами. Успешная деятельность которых зависела от наличия профессоров.

К концу XIX в. в России существовало несколько направлений в подготовке профессорско-преподавательских сил, как внутри страны, так и заграницей. Однако потребности развивающихся университетов не удовлетворялись: увеличение числа студентов и кафедр, делали проблему подготовки научно-педагогических кадров еще более острой.

Заключение.

Развитие исторического образования в России было связано со становлением в стране университетской системы. Появление классических университетов в России было велением времени и отразило потребность страны в образованных людях. В России именно государство выступило создателем высшей школы. Масштабные преобразования XVIII столетия выводили Россию на качественно новый уровень общественного развития. Требовались образованные служащие и квалифицированные специалисты во всех государственных структурах, хозяйственных отраслях, науке, культуре. Вступив на путь научного и университетского строительства позже, чем ведущие европейские державы, Россия восприняла мировую науку в высшей на тот момент стадии развития. Формирование университета русского типа, государственного по принадлежности, стало историческим итогом гармоничного сочетания опыта и достижений европейских университетов с самобытной отечественной культурой и традиционными государственными формами.

Обучение в университете рассматривалось в русском обществе как фактор социального престижа. Его популярность была обусловлена перспективой стать государственным чиновником высшего класса, получить возможность заниматься научной деятельностью и преподавать в учебных заведениях. Кроме того, университетское образование, стержнем которого, как и в других европейских странах, выступал классицизм, давало широкий взгляд на мир. Результатом успешного развития классического образования в российских университетах, предполагавшего глубокое изучение древних языков, античной литературы и истории, основ античного права, явился высокий культурный

уровень в образованных слоях дореволюционного общества. Наличие именно такого образования подчеркивало принадлежность к европейской элите. Другим аспектом влияния классицизма на формирование новой русской культуры явилось развитие гуманитарных наук в России. Знания об античности послужили основой для комплекса историко-филологических дисциплин, в первую очередь, всеобщей истории.

Рассмотрение различных сторон университетской жизни показывает, как в конкретных условиях России второй половины XVIII – начала XX в. следование образцам зарубежных университетов вело к формированию национальной системы университетского образования. Своеобразие ей придавало выделение исторического образования из общей системы философского, что отразилось в создании историко-филологических факультетов. В ходе своего развития историко-филологические факультеты российских университетов приобретали опыт, высококвалифицированные кадры преподавателей. В рамках этих факультетов шло создание и становление собственно исторических кафедр, специальных кабинетов (нумизматических, искусствоведческих и пр.), научных библиотек. Неуклонно шло накопление черт и признаков высшего исторического образования в России, отличающегося богатым содержанием, научной насыщенностью учебных планов и программ, преобладанием чтения полных систематических лекционных курсов, закладывающих характерную для русской высшей школы фундаментальную общенаучную подготовку студентов. Именно фундаментальность и академизм в лучшем смысле слова и сегодня выделяют российское образование в мире.

Проведенное исследование показывает, что развитие исторической науки и исторического образования в российских университетах во второй половине XVIII – начала XX в. было непростым. На этот процесс противоречивое влияние оказывали события политической, социально-экономической, духовной жизни российского общества. Становление университетов в России происходило в условиях сильной центральной власти и было тесно связано с

проводимыми в стране реформами. Взаимодействие университетов с российским самодержавным правительством не поддается однозначной оценке. На поверхности политической и общественной жизни страны оказывались факты бюрократизма, не прекращавшаяся борьба за руководство высшей школой. Зачастую незаметной оставалась постоянная кропотливая работа по накоплению и развитию университетской культуры, по внедрению в учебные планы и программы новейших достижений науки. Среди государственных чиновников было немало деятелей и подвижников отечественной высшей школы - организаторов глубоких и всесторонних реформ образовательной системы. Эти реформы были направлены на обогащение российского университетского образования, в том числе и исторического, придания ему «основательности и истинной учености». Существенный вклад в фундамент отечественной высшей школы, прославившей Россию в образованном мире, внесли: С.С. Уваров, А.И. Головин, К.Н. Победоносцев и др.

Российскими университетами при инициативном участии правительства велась напряженная работа и неустанный поиск путей организационного оформления исторического образования, обогащения его содержания, формирования учебных программ и планов историко-филологических факультетов, расширения состава факультетских кадр и преподаваемых дисциплин, оптимальных форм подготовки кадров. Одной из причин такого сотрудничества являлась общая для правительства и университетской корпорации цель – подготовка образованных людей и создание благоприятных условий для развития исторической науки в стране.

Развитию исторической науки, становлению и совершенствованию процесса преподавания истории в университетах дореволюционной России способствовали энтузиазм, научная эрудиция, трудолюбие профессоров столичных и провинциальных университетов. Проблеме подготовки научно-педагогических кадров правительством и университетами придавалось большое значение. Особенностью формирования профессорско-преподавательского корпуса в России являлся высокий уровень требований, предъявляемых к

кандидатам на профессорские должности и сложная процедура присуждения ученых степеней. Лучших университетских преподавателей отличали обширность научных знаний, честолюбие ученого, лекторское и педагогическое мастерство, гражданская позиция, патриотизм. Выдающийся вклад в развитие исторической науки и исторического образования внесли такие ученые и педагоги как М.Т. Каченовский, М.С. Куторга, Т.Н. Грановский, С.В. Ешевский, М.П. Погодин, Н.Г. Устрялов, С.М. Соловьев, В.И. Герье, В.О. Ключевский, Н.И. Кареев, А.С. Лаппо-Данилевский, К.Н. Бестужев-Рюмин, М.М. Ковалевский, П.Г. Виноградов и др. Они стояли у истоков создания собственно исторических кафедр в российских университетах, системы обучения и воспитания студентов, знакомили своих слушателей с новейшими достижениями отечественной и мировой исторической науки. Вокруг ведущих профессоров формировались научные школы и направления. Становление высшего исторического образования в России не было изолировано от развития науки в европейских университетах. Поддерживались контакты с зарубежными учеными, особенно в области исследования проблем всеобщей истории. Практиковались заграничные стажировки молодых преподавателей, оставленных при университетах для подготовки к профессорскому званию, командировки и работа отечественных ученых в крупнейших европейских научных центрах.

Обучение на историко-филологическом факультете отличалось сложностью и насыщенностью. Подготовка специалиста-историка предусматривала изучение большого числа предметов. Не все студенты могли справиться с предложенной программой и прерывали образование. В основном на факультет шли по-настоящему увлеченные, любознательные молодые люди, чей интерес к гуманитарным наукам преодолевал трудности и предубеждения. Развитие специализации на историко-филологических факультетах позволило придать профессиональную направленность подготовке специалистов-историков и специалистов-филологов, сконцентрировать преподавание исторических дисциплин с их более глубоким изучением по источникам.

Однако раздельное существование отделений историко-филологических факультетов столкнулось с проблемами организационного и методического характера, таких как нехватка преподавательских кадров, отсутствие необходимой учебной литературы, четко разработанных программ, рациональных учебных планов.

В деле организации учебного процесса на историко-филологических факультетах в российских университетах в XIX – начале XX в. накапливались традиции, прослеживающиеся и в современной системе университетского образования. Формирование содержания университетских лекционных курсов по истории на протяжении второй половины XVIII – начала XX в. прошло путь от чтения и комментирования античных авторов, систематического изложения фактов по предмету к анализу источников и концепций ученых, обобщению последних научных результатов в рамках конкретных исторических дисциплин, к осмыслению самого процесса исторического познания. Большое влияние на содержание исторического образования в российских университетах оказали труды европейских, особенно немецких историков, что во многом объяснялось отсутствием необходимых учебников и немногочисленностью исследований русских ученых. В большей степени это характерно для первой половины XIX в. В дальнейшем, во второй половине XIX в., получили распространения авторские курсы и концепции как по русской, так и по всеобщей истории Н.Г. Устрялова, В.О. Ключевского, С.М. Соловьева, В.И. Герье, М.С. Куторги и др. Внедрение новых для того времени форм работы со студентами, таких как семинарские и практические занятия, чтения наряду с общими специальных предметных курсов позволило повысить качество исторического образования и активизировать творческий потенциал студентов.

Проведенное исследование показало, что к началу XX столетия в российских университетах была создана довольно стройная, в основном соответствующая потребностям общества и государства того времени система подготовки специалистов-историков. Однако перед университетами и правительством в к. XIX - начале XX в. стояла проблема дальнейшего

совершенствования высшего исторического образования, обусловленная интенсивным развитием исторической науки в России, введением в учебный процесс историко-филологических факультетов новых предметов, широкого круга специальных курсов по методологии, вспомогательным историческим дисциплинам, формирование новых подходов к пониманию задач университетского исторического образования. Это требовало увеличения количества кафедр на факультете, их обеспечения квалифицированными кадрами, усовершенствования методики преподавания истории, изменения структуры и содержания лекционных курсов, перехода к «научно-критическому» изложению материала. Реальной практикой учебной работы в предреволюционных университетах становилось использование проблемного метода, предусматривающего превращение лекционных и семинарских занятий в научную лабораторию. Тем самым студенты приучались к исследовательской работе с широким привлечением научных монографий и источников. Нерешенным в начале XX столетия оставался вопрос о завершении специализации исторического образования, выделении его в самостоятельную отрасль. Историческое отделение историко-филологических факультетов было своего рода «факультетом в факультете» со своей логикой учебного процесса. Споры о дроблении историко-филологического факультета в рассматриваемый период не привели к его разделению на два самостоятельных факультета. Многие видные ученые и общественные деятели подходили к этому вопросу очень осторожно. Среди университетских профессоров были упорные защитники единства историко-филологического образования, придерживавшиеся мнения о неделимости и обоюдной пользе исторических и филологических знаний, обогащающих подготовку как историков, так и филологов. Разделяло эту точку зрения и министерство народного просвещения, опасаясь, что в разделенном факультете затеряется классическая филология.

Опыт организации исторических отделений на историко-филологических факультетах, накопленный в дореволюционный период, был учтен советской

системой образования при создании самостоятельных исторических факультетов в отечественных университетах в 30-е г.г. XX в.

Исходя из вышесказанного, автор считает возможным сформулировать некоторые предложения федеральным и иным органам управления образованием:

1. В процессе модернизации системы образования в стране обеспечить сохранение классических университетов как центров науки, образования и культуры. Университеты всегда занимали лидирующее место в пропаганде и реализации фундаментального образования, главной целью которого является производство и распространение научного знания, как неотъемлемой составляющей мировой культуры.

2. Осуществить меры по укреплению ведущей роли классических университетов как центров обновления содержания исторического образования и подготовки кадров историков.

3. Стабильное социально-политическое развитие страны во многом зависит от наличия в обществе национальной идеи. Это особенно актуально для современного новейшего периода в жизни России. Представляется, что подготовка историков в российских университетах должна стать одним из приоритетных направлений государственной политики в области образования. Так как именно эти специалисты, обладая необходимыми знаниями, с учетом исторического опыта предшествующих поколений, способны наиболее эффективно влиять на формирование у населения национального самосознания.

4. Реализуя Государственный образовательный стандарт по подготовке преподавателей – историков уделять особое внимание формированию у будущих историков четко выраженной гражданской и патриотической позиции, что является чрезвычайно важным для обеспечения единства и стабильности современного российского общества.

В каждом образовательном учреждении разработать и осуществить комплекс мероприятий по реализации Федеральной целевой программы

«Воспитание патриотизма у граждан Российской Федерации». Создавать условия для возрождения и реализации глубокой культурно-воспитательной роли исторической науки в современной России. Извлечение полезных уроков из накопленного исторического опыта способно пробудить стремление к нравственным идеалам, что особенно важно для улучшения морального климата в молодежной среде.

Примечания.

Введение.

1. Пирогов Н.И. Университетский вопрос. – СПб., 1863.

2. Шевырев С.П. История Московского университета. – М., 1855.

3 См: Герье В.И. Очерки развития исторической науки. – М., 1865; Наука и государство. //Вестник Европы. 1876. № 10; Кавелин К.Д. Замечания на проект общего устава императорских российских университетов. //Собр. Соч. Т. 3. – СПб., 1999. С. 227 – 240; Феоктистов Е. Материалы для истории просвещения в России. – СПб., 1865.

4. Иконников В.С. Несколько слов по поводу новых данных о наших университетах. – Киев, 1876; Русские университеты в связи с ходом общественного развития. – СПб., 1876.

5. См: Багалей Д.И. Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам). – Харьков, 1893 – 1898; Булич Н. Из первых лет Казанского университета (1805 – 1819). Рассказы по архивным документам. – СПб., 1904; Владимирский – Буданов М.Ф. История императорского университета св. Владимира в царствование Николая Павловича. – Киев, 1884; Григорьев В.В. Императорский Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет своего существования. Историческая записка. СПб., 1870; Маркевич А.И. Двадцатипятилетие Императорского Новороссийского университета. 1865 – 1890. Историческая записка и академические списки. – Одесса, 1890; Петухов Е.В. Императорский Юрьевский, бывший Дерптский университет за сто лет его существования (1802 – 1902). – Юрьев, 1902.

6. Владиславлев М.И. В ответ на записку Георгиевского о нынешнем устройстве наших историко-филологических факультетов. - СПб., б/д; Георгиевский А.И. о нынешнем устройстве наших историко-филологических

факультетов. – СПб., 1889; Никитин П. Возражение на Записку А.И. Георгиевского о нынешнем устройстве наших историко-филологических факультетов. – СПб., 1898; Помяловский И.В. В ответ на Записку А.И. Георгиевского о нынешнем устройстве наших историко-филологических факультетов. – СПб., 1889.

7. Джаншиев Г.А. Эпоха Великих реформ. – СПб., 1892; Корнилов А.А. Курс истории России XIX в. (переиздание). – М., 1993; Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. – СПб., 1902; Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности министерства народного просвещения. 1802 – 1902. – СПб., 1902; Сухомлинов М.И. Материалы для истории просвещения в России в годы царствования императора Александра I. //Журнал министерства народного просвещения. 1865 № 10.

8. Ферлюдин П. Исторический обзор мер по высшему образованию в России. Вып. 1. Академии наук и университеты. Саратов, 1894.

9. Виноградов П.Г. Учебное дело в наших университетах. //Вестник Европы. 1901. № 7; Ивановский В.Н. Предметная система в наших университетах и ее применение к философским наукам. – СПб., 1907; Кареев Н.И. Выбор факультета и прохождение университетского курса. – СПб., 1897; Клоссовский А. Материалы к вопросу о постановке университетского дела в России. – Одесса, 1903; Кольцов Н. К университетскому вопросу. – М., 1908; Лаппо И.И. Современное состояние науки русской истории и задача ее университетского преподавания. – Юрьев, 1906.

10. Амичис Э. Студенты и социальный вопрос. – Ростов н/Д., 1905; Материалы по университетскому вопросу. Извлечения из книги А.И. Георгиевского «Краткий очерк правительственных мер и предначертаний против студенческих беспорядков». – Штутгардт, 1902; Мельгунов С. Студенческие организации 80-90-х гг. в Московском университете. /по архивным данным. – М., 1908.

11. Корбут М.К. Казанский университет им. В.И. Ульянова – Ленина за 125 лет. – М., 1930; Косминский Е.А. Столетие преподавания истории средних

веков в Московском университете. //Историк-марксист 1940. №7. С. 101 – 105.

12. Бузескул В.П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX – XX вв. В 2-х частях. – Л., 1929 – 1931.

13. Кричевский Г.Г. Ученые степени в университетах дореволюционной России. // История СССР. 1985. № 2.

14. ЦК КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 8. – М., 1985. С. 245 – 246.

15. Очерки исторической науки в СССР. В 7 т. – М., 1955 – 1968.

16. Бутягин А.С., Салтанов Ю.А. Университетское образование в СССР. – М., 1957.

17. См: Асиновская С.А. Из истории передовых идей в русской медиевистике (Т.Н. Грановский). – М., 1959; Дмитриев С.С. Историческая наука в Московском университете в 60-х -90-х г.г. XIX в. //Вестник Московского университета. 1954 №7. С. 95 – 115; Козлова К.И. Чебоксаров Н.Н. Этнография в Московском университете. //Советская этнография. 1955. №2. С. 100 – 111; Курбатов Л.Г. Византиноведение в Петербургском университете. //Вестник ЛГУ. 1969. № 2. С. 130 – 136; Шофман А.С. Изучение античной истории в Казанском университете (до 1917). – Казань, 1956.

18. См: Зубов В.П. Историография естественных наук в России в XVIII – первой половине XIX. – М., 1956.

19. Цетлин Л.С. Из истории научной мысли в России (наука и ученые в Московском университете во второй половине XIX века). – М: АН СССР, 1958.

20. Государственное руководство высшей школой в дореволюционной России и в СССР: Сборник статей. /Под ред. Н.П. Ерошкина. – М., 1979; Иванов А.Е. Управление высшей школой в России в конце XIX – начале XX века. //Историографические проблемы русской культуры: сборник статей. – М., 1983. С. 169 – 201; Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. М., 1973 – 1976.

21. Щетинина Г.И. Университеты в России и устав 1884 года. - М., 1976; Эймонтова Р.Г. Русские университеты на грани двух эпох. От России

крепостной к России капиталистической. - М: Наука, 1985; Эймонтова Р.Г. Русские университеты на путях реформы в 60-е г.г. XIX в. - М: Наука, 1993.

22. Алексеева Л.Д. Московский университет и становление преподавания этнографии в дореволюционной России. //Вестник московского университета. 1983. № 6. С. 54 – 62; Кислягина Л.Г. Изучение отечественной истории в Московском университете во второй половине XVIII века. //Вестник Московского университета. История. 1984 № 2. С. 36 – 45; Куликова А.М. Становление университетского востоковедения в Петербурге. – М: Наука, 1982.

23. См: Киреева Р.А. В.О. Ключевский как историк русской исторической науки. - М., 1966; Киреева Р.А. К.Н. Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины XIX в. - М., 1973.

24. Бессонова В.И. В.И. Ленин о высшей школе и ее роли в формировании советской интеллигенции. //В.И. Ленин и некоторые вопросы изменения социальной структуры советского общества. – М., 1973; Лейкина – Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX в. – М., 1971.

25. Булыгина Т.А. Общественные науки в СССР в середине пятидесятых – первой половине восьмидесятых годов. Дисс…док. ист. наук. – Ставрополь, 2001. С. 53.

26. Чесноков В.И. Правительственная политика и историческая наука России 60-70-х гг. XIX в.: исследовательские очерки. – Воронеж, 1989; Гурье Л., Сунцова М. Подготовка преподавателей: история и современность. //Высшее образование в России. 1991. № 1. С. 141 – 144.

27. Аврус А.И. История российских университетов: Очерки. – М., 2001; Высшее образование в России: Очерк истории до 1917 г. /под ред. Кинилева В.Г. - М: НИИВО, 1995; Садовничий В.А., Белокуров В.В., Сушко В.Г., Шикин Е.В. Университетское образование: приглашение к размышлению. - М: издательство Московского университета, 1995; Захаров И.В., Ляхович Е.С. Миссия университета в европейской культуре. – М., 1994; Шаповалов В.А. Высшее образование в системе культуры. - Ставрополь, 1996.; Шаповалов В.А. Высшее образование в социокультурном контексте. - М., 1996.

28. Змеев В.А. Высшее образование в России во второй четверти XIX в.//Социально-политический журнал. 1998. № 2. С. 187 – 198; Реформирование высшей школы в России в 50-е – 60-е г.г XIX в. //Социально-политический журнал. 1998. № 4. С. 158 – 171; Университетский устав 1884 г. //Социально-политический журнал. 1998. № 6. С. 139 – 153; Высшая школа России на рубеже XIX – XX в.в. //Социально-гуманитарные знания. 2000. № 1. С. 207 – 222; Круглов Ю.Г. Олесюк Е.В. Шулус А.А. Университетские уставы XIX в. в свете идей национальной образовательной доктрины. //Высшее образование сегодня. 2002. № 1. С. 35 – 40; Круглов Ю.Г. Олесюк Е.В. Современное государство и высшая школа. К истории и теории вопроса. //Социально-гуманитарные знания. 2003. № 6. С. 52 – 71; Чиненный А. Университетский преподаватель. XIX в. //Высшее образование в России. 1999. № 3. С. 128 – 136.

29. Витеккер Ц. Граф С.С. Уваров и его время. (перевод с англ.). - СПб., 1999; Фролов Э.Д. Русская наука об античности. – М., 1998; Фролов Э.Д. Граф Сергей Семенович Уваров и академический классицизм. //Петербургская академия наук в истории академий мира. К 275-летию Академии наук. Материалы международной конференции. Т. II. СПб., 1999; Фролов Э.Д. Традиции классицизма и петербургское антиковедение. //Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 8. Москва – Магнитогорск, 2000.

30. Университеты для России: взгляд на историю культуры XVIII столетия. /Под ред. В.В. Пономаревой, Л.Б. Хорошиловой. – М: Русское слово, 1997.

31. Андреев А.Ю. Московский университет в общественно-культурной жизни России начала XIX века (1803 – 1812).: Дисс..канд. ист. наук. – М., 1996; Кулакова И.П. Московский университет в историко-культурной среде XVIII века. Автореф. дисс…канд. ист. наук. – М., 2002.

32. Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. – М., 1991.

33. Иванов А.Е. Студенчество России к. XIX – начала XX в: социально-историческая судьба. М., 1999.

34. Петров Ф.А. Российские университеты в первой половине XIX в. Кн. 1.

Зарождение системы университетского образования. – М., 1998; Кн. 2. Становление системы университетского образования. – М., 1998.

35. Чесноков В.И. Пути формирования и характерные черты системы университетского исторического образования в дореволюционной России. //Российские университеты в XVIII – XX веках. Сб.ст. Вып. 2 – Воронеж, 1992; Правительство и развитие структуры исторических кафедр и наук в университетах России. // Российские университеты в XVIII – XX веках: Сб ст. Вып. 3. – Воронеж, 1998; Обзор движения университетов в Российской империи. // Российские университеты в XVIII – XX веках: Сб ст. Вып. 3. – Воронеж, 1998; Движение за разделение историко-филологического факультета и начало специализации университетского исторического образования в 50-х – 70-х г.г. XIX в.. // Российские университеты в XIX – начале XX в: Сб ст.– Воронеж, 1993; Проблема замещения кафедр и формирование системы «профессорских стипендиатов» в российских университетах времени царствования Александра II. //Российские университеты в XVIII – XX веках: Сб. ст. Вып. 5. – Воронеж, 2000.

36. Афонюшкина А.В. О правительственной политике России в 20-е – 40-е г.г. XIX в. в области университетского образования. //Российские университеты в XVIII – XX веках: Сб ст. Вып. 3. – Воронеж, 1998; Глебов А.Г. П.Г. Виноградов об «университетском вопросе» в России начала XX в. //Российские университеты в XIX – начале XX в.: Сб. ст. – Воронеж, 1993; Попова Т.Н. Становление историографии как специальной исторической дисциплины. Некоторые аспекты проблемы. // Российские университеты в XIX – начале XX в.: Сб. ст. – Воронеж, 1996; Чирскова И.М. Университеты в системе правительственной политики России второй половины XIX в. // Российские университеты в XVIII – XX веках: Сб ст. Вып. 5. – Воронеж, 2000.

37. Иванов А.Е. Ученые степени в Российской империи XVIII – 1917 г. – М., 1994. – 195 с.; Якушев А.Н. Законодательство в области подготовки научных кадров и присуждения ученых степеней в России (1747 – 1918): история и опыт реализации. – СПб., 1999; Подготовка профессорских

кандидатов и присуждение ученых степеней в университетах Западной Европы и России: становление и развитие: Сб. науч. ст. /Составление, предисловие и общая редакция А.Н. Якушева. – Ставрополь: СГУ, 1997; Система научной подготовки и аттестации в университетах России и Западной Европы: исторический опыт (XIV – XX в.) /Под ред. Якушева А.Н. Вып. 3. – М., 1998; Хохлова Д.А. История научной подготовки и аттестации кадров на историко-филологическом факультете в архивных документах Казанского университета (1804 -1918). Дисс…канд. ист. наук. – М., 1998; Воропаев И.Г. Порядок присуждения ученых степеней в России и СССР (1802 0 1995). Дисс…канд. юрид. наук. – Саратов, 2000.

38. Брачев В.С. Наша университетская школа русских историков и ее судьба. – СПб., 2001; Глебов А.Г. П.Г. Виноградов об университетском вопросе в России начала XX в. //Российские университеты в XIX – начале XX в.: Сб ст. /Под ред. В.И. Чеснокова. – Воронеж, 1993; Лаптева Л.М. Преподавание истории славян в университетах России в XIX начале XX в. //Российские университеты в XIX - начале XX в.: Сб. ст. /Под ред. В.И. Чеснокова. – Воронеж, 1992.; Лаптева Л.М. Славяноведение в Московском университете в XIX – начале XX в.в. – М: МГУ, 1997. 296 с.; Петров Ф.А. М.П. Погодин и создание кафедры истории в Московском университете. – М., 1995; Фролов Э.Д. Русская наука об античности. – СПб., 1996; Цыганков Д.А. В.И. Герье и историческая наука второй половины XIX в. в Московском университете. //http://museum.guru.ru/

39. РГИА. Ф. 733. О. 88. Д. 12, 160, 161, 186, 200; О. 89. Д. 53; О. 90. Д. 24; О. 147. Д. 43, 94-99, 190; О. 149. Д. 654 - 656; О.150. Д. 386; О. 226. Д. 6 – 30.

40. РГИА. Ф. 733. О. 149. Д. 23, 130, 825; О. 150. Д. 862, 1548.

41. РГИА. Ф. 733. О. 21. Д. 40; О. 27. Д. 162; О. 28. Д. 134, 135; О. 149. Д. 457; О. 150. Д. 708; О. 226. Д. 82.

42. РГИА. Ф. 733. О. 89. Д. 45; О. 34. Д. 5. О. 147. Д. 191. О. 226. Д. 20-21.

43. РГИА. Ф. 733. О. 27. Д. 163; О. 34. Д. 5; О. 37. Д. 144; О. 38. Д. 159; О. 39. Д. 92; О. 45. Д. 15; О. 149. Д. 550, 828 - 838, ,845 - 852, 914; О. 150. Д. 271,

495 - 498, 578, 579, 586; О. 151. Д. 188.

44. РГИА. Ф. 733. О. 28. Д. 273, 274; О. 86. Д. 366, 391, 419; О. 87. Д. 44; О. 88. Д. 5, 163; О. 89. Д. 8, 177, 178; О. 90. Д. 139; О. 147. Д. 1, 2, 94, 95,125, 263, 774; О. 149. Д. 3, 38, 577, 599, 693, 756; О. 150. Д. 148, 808, 874, 978, 1130, 1531 - 1534; О. 152. Д. 146; О. 153. Д. 428 – 429; О. 155. Д. 135, 164, 198, 446, 485, 1025; О. 156. Д. 116.

45. РГИА. Ф. 733. О. 20 – 80.

46. Московский университет в воспоминаниях современников (1755 – 1917) /Сост. Ю. Емельянова – М., 1989; Ленинградский университет в воспоминаниях современников. /Под ред. В.В. Мавродина. В двух томах. – Л: ЛГУ, 1963 – 1982.

Глава 1. Становление исторического образования в университетах России во второй половине XVIII - первой половине XIX в.

1.1. Влияние культуры классицизма на развитие русской исторической науки и образования.

1. Университет для России. Взгляд на историю культуры XVIII в. /Под ред. В.В. Пономаревой, Л.Б. Хорошиловой. – М: Русское слово. 1997. С. 31.

2. Цит: Кондаков И.В. Введение в историю русской культуры. - М., 1997. С. 129.

3. Там же.

4. Кондаков И.В. Указ. Соч. С. 134.

5. См: Фролов Э.Д. Граф Сергей Семенович Уваров и академический классицизм. // Петербургская академия наук в истории академий мира. К 275-летию Академии наук. Материалы международной конференции. Т. II. - СПб., 1999. / http:/www.rome.webzone.ru/site/frolov.htlm.;

6. См: Фролов Э.Д. Традиции классицизма и петербургское антиковедение. //Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 8. – Москва - Магнитогорск, 2000. / http:/www.rome.webzone.ru/site/frolov.htlm.

7. Там же.

8. Цит: Шаповалов В.А. Высшее образование в системе культуры. - Ставрополь, 1996. С. 45.

9. Садовничий В.А., Белокуров В.В., Сушко В.Г., Шикин Е.В. Университетское образование: приглашение к размышлению. М: издательство Московского университета, 1995. С. 164.

10.Ферлюдин П. Исторический обзор мер по высшему образованию в России. Ч. 1. Академия наук и университеты. - Саратов, 1894. С. 40.

11. Цит: Кулакова И. П. Московский и Санкт-Петербургский университет: к спору о первородстве. // Российские университеты в XVIII – XX веках: Сб. ст. /Под ред. В.И. Чеснокова. Вып. 5. – Воронеж, 2005. С. 32.

12. Цит: Чесноков В.И. Обзор движения университетов в Российской империи. //Российские университеты в XVIII – XX веках: Сб. ст. /Под ред. В.И. Чеснокова. Вып. 3. – Воронеж, 1998. С. 5.

13. Кулакова И.П. Кулакова И. П. Московский и Санкт-Петербургский университет: к спору о первородстве. С. 31.

14. Кулакова И.П. Московский университет в историко-культурной среде XVIII века. Автореф. дисс…канд. ист. наук. – М., 2002. С. 7.

15. Цит: Ферлюдин П. Указ. Соч. С. 39.

16. Цит: Университет для России. Взгляд на историю культуры XVIII в. /Под ред. В.В. Пономаревой, Л.Б. Хорошиловой. – М: Русское слово. 1997. С. 23.

17. Московский университет в воспоминаниях современников (1755 - 1917). /Сост. Ю. Емельянова. - М.,1989. С. 78.

18. См: Кислягина Л.Г. Изучение отечественной истории в Московском университете во второй половине XIX в. //Вестник Московского университета. «История». 1984 № 2. С. 36.

19. Цит: Садовничий В.А. Белокуров В.В. Сушко В.Г. Шикин Е.В. Указ. Соч. С. 165.

20. Цит: Фролов Э.Д. Граф Сергей Семенович Уваров и академический классицизм. / http:/www.rome.webzone.ru/site/frolov.htlm.

21. См: Ферлюдин П. Указ. Соч. С. 50.

22. Сухомлинов М.И. Материалы для истории образования в России в царствование императора Александра I. //Журнал Министерства народного прсвещения. 1865. № 10. С. 44.

1.2. Образовательная политика правительства в первой половине XIX в. и создание историко-филологических факультетов в российских университетах.

1. Сборник постановлений по министерству народного просвещения. Т. 1. - СПб., 1875. С. 5.

2. РГИА. Ф. 733. О. 86. Д. 29.

3. Цит: Чесноков В.И. Обзор движения университетов в Российской империи. //Российские университеты в XVIII – XX веках.: Сб. ст. /Под ред. В.И. Чеснокова. Вып. 3. - Воронеж, 1998. С. 8.

4. Булич Н. Из первых лет Казанского университета. Рассказы по архивным документам. Ч. 1. - СПб., 1904. С. 8.

5. Багалей Д.И. Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам). Т. 1. - Харьков, 1893. С. 354.

6. Высшее образование в России: Очерк истории до 1917 г. /Под ред. Кинилева В.Г. – М: НИИВО, 1995. С. 49.

7. Афонюшкина А.В. О правительственной политике России 20-е - 40-е г.г. XIX в. в области университетского образования. // Российские университеты в XVIII –XX веках: Сб. ст. /Под ред. В.И. Чеснокова. Вып. 3. - Воронеж, 1998. С. 4.

8. Общий устав Российских университетов 26 июля 1835 г. Ст. 11 // Сборник постановлений по Министерству Народного Просвещения. - СПб., 1864. Т. 2. С. 744.

9. Цит: Чесноков В.И. Правительство и развитие структуры исторических кафедр и наук в университетах России. //Российские университеты в XVIII –XX веках: Сб. ст. /Под ред. В.И. Чеснокова. Вып. 3. - Воронеж, 1998. С. 18 - 19.

10. Московский университет в воспоминаниях современников. /Под ред. П.А. Зайончковского, А.Н. Соколова. – М., 1956. С. 149.

11. Устав университетов Российской империи 1804 г. // //http://museum.guru.ru/

12. Дмитриев П.А. Сафронов Г. И. К 150-летию кафедр славянской филологии в отечественных университетах. //Вестник Ленинградского университета. 1985 № 4. С. 52.

13. Цит: Чесноков В.И. Правительство и развитие структуры исторических кафедр и наук в университетах России. //Российские университеты в XVIII – XX веках: Сб. ст. /Под ред. В.И. Чеснокова. Вып. 3. - Воронеж, 1998. С. 22.

14. См: Лаптева Л.П. Преподавание истории славян в университетах России XIX – нач. XX века. // Российские университеты в XVIII –XX веках: Сб. ст. Вып. 2. - Воронеж, 1992. С. 29.

15. Лаптева Л.П. Указ. Соч. С. 31.

16. См: Владимирский-Буданов М.Ф. История Императорского университета св. Владимира. Т. 1. Университет св. Владимира в царствование Николая Павловича. - Киев, 1884. С. 309.

17. Брачев В.С. Наша петербургская школа русских историков. – СПб., 2001. С. 12.

18. Чесноков В.И. Пути формирования и характерные черты системы университетского исторического образования в дореволюционной России. //Российские университеты в XVIII –XX веках: Сб. ст. / Под ред. В.И. Чеснокова. Вып. 2. - Воронеж, 1992. С. 10.

19. Устав университетов Российской империи 1804 г. // //http://museum.guru.ru/

20. См: Багалей Д.И. Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам). Т. 1. – Харьков, 1893. С. 486.

21. См: Якушев А.Н. Ермакова А.Л. Сазонова Л.А. Становление и развитие института «профессорских кандидатов». // Ученые степени в России: XVIII – 1918 г. Вып. 1. Ч. 2. /Под науч. ред. А.Е. Иванова, А.Н. Якушева. М:

ИРИ РАН, СГУ, 1996. С. 217.

22. Цит: Петров Ф.А. М.П. Погодин и создание кафедры российской истории в Московском университете. - М., 1995. С. 5.

23. Там же.

24. Багалей Д.И. Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам). Т. 2 (1815 – 1835). - Харьков, 1904. С. 849.

25. Цит: Свербеев Д.Н. Из воспоминаний. //Московский университет в воспоминаниях современников. 1755 – 1917. / Составитель Ю. Емельянова. - М., 1989. С. 7 - 9.

26. Там же.

27. Устав университетов Российской империи 1804 г. Гл. X. П. 109. //http://museum.guru.ru/

28. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. 2. - СПб., 1902. С. 352.

29. Милюков П.Н. Указ. Соч. С. 353.

30. Цит: Афонюшкина А.В. О правительственной политике России 20-е - 40-е г.г. XIX в. в области университетского образования. // Российские университеты в XVIII – XX веках: Сб. ст. /Под ред. В.И. Чеснокова. Вып. 3. - Воронеж, 1998. С. 5.

31. Афонюшкина А.В. Указ. Соч. С. 8.

32. Журнал Министерства народного просвещения. 1851. № 5. С. 39.

33. Цит: Фролов Э.Д. Граф Сергей Семенович Уваров и академический классицизм. / http:/www.rome.webzone.ru/site/frolov.htlm.

34. Фролов Э.Д. Там же.

35. См: Цыганков Д.А. В.И. Герье и историческая наука второй половины XIX в. в Московском университете. // http://museum.guru.ru/

36. Сборник постановлений по министерству народного просвещения. Т. 2. Отд. 2. - СПб., 1876. Стб. 343.

37. См: Эймонтова Р.Г. Русские университеты на грани двух эпох. От России крепостной к России капиталистической. - М., 1985. С. 46.

38. См: Чесноков В.И. Пути формирования и характерные черты системы университетского исторического образования в дореволюционной России. //Российские университеты в XVIII – XX веках: Сб. ст. /Под ред. В.И. Чеснокова. Вып. 2. - Воронеж, 1992. С. 6.

39. Чесноков В.И. Движение за разделение историко-филологического факультета и начало специализации университетского исторического образования в 50-х – 70-х г.г. XIX в. //Российские университеты в XVIII –XX веках: Сб. ст. /Под ред. В.И. Чеснокова. Вып. 3. - Воронеж, 1998. С. 71.

40. РГИА. Ф. 733. Оп. 90. Д. 141. Л. 12.

41. РГИА. Ф. 733. Оп. 90. Д. 141.. Л. 19.

42. РГИА. Ф. 733. Оп. 90. Д. 141. Л. 4-5.

43. РГИА. Ф. 733. Оп. 90. Д. 141. Л. 4.

44. Цит: Чесноков В.И. Пути формирования и характерные черты системы университетского исторического образования в дореволюционной России. //Российские университеты в XVIII –XX веках: Сб. ст. /Под ред. В.И. Чеснокова. Вып. 2. - Воронеж, 1992. С. 7.

1.3. Содержание исторического образования в университетах России

1. Булич Н. Из первых лет Казанского университета. Рассказы по архивным документам. Ч. 1. - СПб., 1904. С. 397.

2. Устав университетов Российской империи 1804 г. Гл. X. П. 109. // http://museum.guru.ru/

3. См: Историко-филологический факультет Харьковского университета за сто лет своего существования (1805-1905). /Под ред. М.Г. Халанского, Д.И. Багалея. - Харьков, 1908. С. 47.

4. Цит: Историко-филологический факультет Харьковского университета за сто лет своего существования (1805-1905). С. 74.

5. Устав университетов Российской империи 1804 г. П. 117. //http://museum.guru.ru/

6. Петров Ф.А. Российские университеты в первой половине XIX в. Кн.1.

Зарождение системы университетского образования. - М., 1998. С. 375.

7. Багалей Д.И. Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам). Т. 1. – Харьков, 1893 – 1898. С. 543.

8. Багалей Д.И. Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам). Т. 1. С. 562.

9. Цит: Чесноков В.И. Правительство и развитие структуры исторических кафедр и наук в университетах России. //Российские университеты в XVIII –XX веках: Сб. ст. /Под ред. В.И. Чеснокова. Вып. 3. - Воронеж, 1998. С. 22.

10. Петров Ф.А. Российские университеты в первой половине XIX в. Кн. 2. Становление системы университетского образования. – М., 1998. С. 98.

11. Там же.

12. Там же.

13. Петров Ф.А. Российские университеты в первой половине XIX в. Кн. 2. Становление системы университетского образования. С. 64.

14. См: Петров Ф.А. Российские университеты в первой половине XIX в. Кн. 2. Становление системы университетского образования. С. 67.

15. См: Брачев В.С. Наша петербургская школа русских историков. - СПб., 2001. С. 12.

16. Цит: Фролов Э.Д. Русская наука об античности. – М., 1996. С. 144.

17. Фролов Э.Д. Русская наука об античности. С. 145.

18. Там же.

19. Там же.

20. См: Владимирский-Буданов М.Ф. История императорского университета св. Владимира. Т. 1. Университет св. Владимира в царствование Николая Павловича. - Киев, 1884. С. 115.

21. Петров Ф.А. Российские университеты в первой половине XIX в. Кн. 2. Становление системы университетского образования. С. 76.

22. Цит: Фролов Э.Д. Русская наука об античности. С. 169.

23. Фролов. Э.Д, Русская наука об античности. С. 167.

24. Цит: Фролов. Э.Д. Русская наука об античности С. 170.

25. Фролов Э.Д. Русская наука об античности С. 172.

26. См: Петров Ф.А. Российские университеты в первой половине XIX в. Кн. 2. Становление системы университетского образования. С. 76.

27. Общий устав Российских университетов 26 июля 1835 г. Гл. VI. П. 103. // Сборник постановлений по Министерству Народного Просвещения. - СПб., 1864. Т.2. С. 760.

28. Общий устав российских университетов 26 июля 1835 г. Гл. VI. П. 107. // Сборник постановлений по Министерству Народного Просвещения. - СПб., 1864. Т.2. С. 760.

29. Историко-филологический факультет Харьковского университета за сто лет своего существования (1805-1905). / Под ред. М.Г. Халанского, Д.И. Багалея. – Харьков, 1908. С. 58.

Глава 2. Эпоха Великих реформ и формирование принципов дальнейшего развития исторического образования в российских университетах

2.1. Реформирование системы университетского исторического образования в ходе либерально-буржуазной политики Александра II в 50 – 60-х гг. XIX в.

1. Высшее образование в России: Очерк истории до 1917 г. /Под ред. Кинилева В.Г. – М: НИИВО, 1995. С.33.

2. См: Чесноков В. И. Из истории замещения вакантных кафедр на историко-филологическом факультете Киевского университета. // Развитие исторического образования в СССР. М., 1986. С. 117.

3. Змеев В.А. Реформирование высшей школы России в 50 – 60-е годы XIX века. //Социально-политический журнал. 1998. № 4. С. 159.

4. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. - СПб., 1902. Ч. 2. С. 357.

5. Змеев В.А. Реформирование высшей школы России в 50 – 60-е годы

XIX века. //Социально-политический журнал. 1998. № 4. С. 163.

6. Журнал министерства народного просвещения. 1863. № 8. С. 353.

7. Ферлюдин П. Исторический обзор мер по высшему образованию в России. Ч. 1. Академия наук и университеты. – Саратов, 1894. С. 127 - 128.

8. Журнал Министерства народного просвещения. 1864. №3. С. 653 – 654.

9. Чесноков В.И. Правительство и развитие структуры исторических кафедр и наук в университетах России. //Российские университеты в XVIII –XX веках: Сб. ст. /Под ред. В.И. Чеснокова. Вып. 3. - Воронеж, 1998. С. 24.

10. Чесноков В.И. Правительство и развитие структуры исторических кафедр и наук в университетах России. С. 27.

11. Там же.

12. Цит: Чесноков В.И. Правительство и развитие структуры исторических кафедр и наук в университетах России. С. 31.

13. Милюков П.Н. Указ. Соч. Ч. 2. С. 358.

14. Милюков П.Н. Указ. Соч. Ч. 2. С. 357.

15. Общий устав императорских Российских университетов. П. 85, 86, 90. - СПб., 1863. С.27 - 28.

16. Змеев В.А. Высшее образование в России во второй четверти XIX в. //Социально-политический журнал 1998. № 2. С.190.

17. Общий устав императорских Российских университетов. СПб.. 1863. П. 85. С. 27-28.

18. Общий устав императорских Российских университетов. П. 99. -СПб., 1863. С. 30.

19. Цит: Историко-филологический факультет Харьковского университета за сто лет своего существования (1805-1905). /Под ред. М.Г. Халанского, Д.И. Багалея. - Харьков, 1908. С. 118.

20. Там же.

21. Общий устав императорских Российских университетов. П. 96.- СПб., 1863 С. 29.

22. Историко-филологический факультет Харьковского университета за

сто лет своего существования (1805-1905). С. 121 - 122.

23. Общий устав императорских Российских университетов. П. 91 - 92. - СПб., 1863. С. 29.

24. Общий устав императорских Российских университетов. П. 94. - СПб., 1863. С. 29.

25. Общий устав Императорских российских университетов. П. 12 – 13. СПб., 1863. С. 2 – 3.

26. Цит: Чесноков В.И. Правительство и развитие структуры исторических кафедр и наук в университетах России. //Российские университеты в XVIII –XX веках: Сб. ст. /Под ред. В.И. Чеснокова. Вып. 3. - Воронеж, 1998. С. 32.

27. Проект устава и штата Императорского Дерптского университета. - СПб., 1864. С. 3 - 6.

28. РГИА. Ф. 733. О. 226. Д. 18.

29. Журнал министерства народного просвещения. 1869. № 6. С. 126-128.

30. См: Лаптева Л.П. Преподавание истории славян в университетах России XVIII - XX веках // Российские университеты в XIX – нач. XX в.в.: Сб. ст. /Под ред. В.И. Чеснокова. Вып. 2. - Воронеж, 1992. С. 33.

31. Там же.

32. РГИА. Ф. 733. О. 147. Д. 94. Л. 33.

33. См: Чесноков В.И. Правительство и развитие структуры исторических кафедр и наук в университетах России. С. 34.

34. Маркевич А.И. Двадцатипятилетие Императорского Новороссийского университета. Историческая записка и академические списки. – Одесса, 1890. С. 611.

35. Цит: Чесноков В.И. Правительство и развитие структуры исторических кафедр и наук в университетах России. С. 35.

36. РГИА. О. 149. Д. 773. Л. 1.

37. РГИА. О. 149. Д. 773. Л. 13.

38. РГИА. О. 149. Д. 773. Л. 9.

39. РГИА. О. 149. Д. 773. Л. 15.

2.2. Становление специализации исторического образования в российских университетах.

1. Чесноков В.И. Пути формирования и характерные черты системы университетского исторического образования в дореволюционной России. //Российские университеты в XVIII –XX веках: Сб. ст. /Под ред. В.И. Чеснокова. Вып. 2. - Воронеж, 1992. С. 6.

2. Положение об ученых степенях. // Журнал Министерства народного просвещения. 1844. № 3. С. 484.

3. Журнал министерства народного просвещения. 1879. № 2. С. 175.

4. Журнал министерства народного просвещения. 1863. № 4. С. 215.

5. РГИА Ф. 733 О. 147. Д. 200. Л. 89.

6. См: Чесноков В.И. Движение за разделение историко-филологического факультета и начало специализации университетского исторического образования в 50-х – 70-х г.г. XIX в. //Российские университеты в XIX – начале XX в.: Сб. ст. / Под ред. В.И. Чеснокова. - Воронеж, 1993. С. 72.

7. Там же.

8. Чесноков В.И. Движение за «разделение историко-филологического факультета» и начало специализации университетского исторического образования в 50 - 70-х г.г. XIX в. //Российские университеты в XIX – начале XX в..: Сб. ст. / Под ред. В.И. Чеснокова. - Воронеж, 1993. С. 73 - 74.

9. РГИА Ф. 733 О. 147. Д. 200. Л. 68 - 69.

10. Чесноков В.И. Движение за «разделение историко-филологического факультета» и начало специализации университетского исторического образования в 50 - 70-х г.г. XIX в. //Российские университеты в XIX – начале XX в.: Сб. ст. / Под ред. В.И. Чеснокова. - Воронеж, 1993. С. 75.

11. Общий устав императорских Российских университетов. П. 21. - СПб.,1863. С. 11 - 17.

12. Цит: Чесноков В.И. Движение за «разделение историко-

филологического факультета» и начало специализации университетского исторического образования в 50-70-х г.г. XIX в. //Российские университеты в XIX – начале XX в.: Сб. ст. / Под ред. В.И. Чеснокова. - Воронеж, 1993. С. 78.

13. РГИА. Ф. 733 О. 147 Д. 200 Л. 13-15.

14. РГИА. Ф. 733 О. 147 Д. 200 Л. 12.

15. РГИА. Ф. 733 О. 147 Д. 200 Л. 13

16. РГИА. Ф. 733 О. 147 Д. 200 Л. 59.

17. РГИА. Ф. 733 О. 147 Д. 200 Л. 73.

18. РГИА. Ф. 733 О. 147 Д. 200 Л. 90.

19. РГИА. Ф. 733 О. 147 Д. 200 Л. 90.

20. Там же.

21. Историко-филологический факультет Харьковского университета за сто лет его существования (1805 – 1905). / Под ред. М.Г. Халанского, Д.И. Багалня. – Харьков, 1908. С. 111

22. Там же.

23. РГИА Ф. 733. О. 147. Д. 950. Л. 64, 70 – 71.

24.Там же

25. См: Чесноков В.И. Движение за «разделение историко-филологического факультета» и начало специализации университетского исторического образования в 50-70-х г.г. XIX в. //Российские университеты в XIX – начале XX в: Сб. ст. / Под ред. В.И. Чеснокова. - Воронеж, 1993. С. 80.

26. См: Маркевич А.И. Двадцатипятилетие Императорского Новороссийского университета. Историческая записка и академические списки. – Одесса, 1890. С. 174.

27. Чесноков В.И. Движение за «разделение историко-филологического факультета» и начало специализации университетского исторического образования в 50-70-х г.г. XIX в. //Российские университеты в XIX – начале XX в.в.: Сб. ст. / Под ред. В.И. Чеснокова. - Воронеж, 1993. С. 81.

28. Обзор деятельности министерства народного просвещения в 1879 -1881 г.г. - СПб., 1881. С. 213.

29. См: Чесноков В.И. Пути формирования и характерные черты системы университетского исторического образования в дореволюционной России. //Российские университеты в XVIII –XX в.: Сб. ст. /Под ред. В.И. Чеснокова. Вып. 2. - Воронеж, 1992. С. 7.

30. Цит: Чесноков В.И. Движение за «разделение историко-филологического факультета» и начало специализации университетского исторического образования в 50-70-х г.г. XIX в. //Российские университеты в XIX – нач. XX в.в.: Сб. ст. / Под ред. В.И. Чеснокова. - Воронеж, 1993. С. 82.

31. Устав Императорского Дерптского университета 1865 г. - СПб., 1865. С. 6.

32. Чесноков В.И. Пути формирования и характерные черты системы университетского исторического образования в дореволюционной России. //Российские университеты в XVIII–XX в.: Сб. ст. /Под ред. В.И. Чеснокова. Вып. 2. - Воронеж, 1992. С. 15.

2.3. Подготовка научно-педагогических кадров историков в российских университетах в 50 – 70-е гг. XIX в.

1. Чесноков В.И. Пути формирования и характерные черты системы университетского исторического образования в дореволюционной России. //Российские университеты в XVIII–XX в.: Сб. ст. /Под ред. В.И. Чеснокова. Вып. 2. - Воронеж, 1992. С. 10.

2. Кричевский Г.Г. Ученые степени в университетах дореволюционной России. // История СССР. 1985 № 2. С. 141-143.

3. Устав императорских Российских университетов 1804 г. Глава IX. П. 96 – 107. // http://museum.guru.ru/

4. Таблицы испытания на ученые степени (по «Положению об испытаниях на ученые степени 1837 г». // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2. Отд. I. Приложения. - СПб., 1864. С. 46 - 47.

5. Положение об испытаниях на ученые степени 1837 г. П. 17. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. - Т. 2. Отд. I. - СПб.,

1864. С. 986.

6. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2. Отд. II. Приложения. - СПб., 1864. С. 350.

7. Таблицы испытания на ученые степени. (по «Положению о производстве в ученые степени 1844 г». // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2. СПб., 1864. Приложения. С. 30 – 31.

8. Кричевский Г.Г. Указ. Соч. С. 143.

9. См: Чесноков В.И. Проблема замещения кафедр и формирование системы «профессорских стипендиатов» в российских университетах времени царствования Александра II. //Российские университеты в XVIII – XX веках.: Сб. ст. /Под ред. В.И. Чеснокова. Вып. 5. - Воронеж, 2000. С. 104.

10. Чесноков В.И. Из истории замещения вакантных кафедр на историко-филологическом факультете Киевского университета в 60-е XIX в. Из истории замещения вакантных кафедр на историко-филологическом факультете Киевского университета. // Развитие исторического образования в СССР. М., 1986. С. 117.

См: 11. Чесноков В.И. Проблема замещения кафедр и формирование системы «профессорских стипендиатов» в российских университетах времени царствования Александра II. //Российские университеты в XVIII – XX веках.: Сб. ст. /Под ред. В.И. Чеснокова. Вып. 5. - Воронеж, 2000. С. 107.

12. Чесноков В.И. Проблема замещения кафедр и формирование системы «профессорских стипендиатов» в российских университетах времени царствования Александра II. //Российские университеты в XVIII – XX веках.: Сб. ст. /Под ред. В.И. Чеснокова. Вып. 5. - Воронеж, 2000. С. 112.

13. См: Чесноков В.И. Проблема замещения кафедр и формирование системы «профессорских стипендиатов» в российских университетах времени царствования Александра II. //Российские университеты в XVIII – XX веках.: Сб. ст. /Под ред. В.И. Чеснокова. Вып. 5. - Воронеж, 2000. С. 103.

14. Цит: Чесноков В.И. Проблема замещения кафедр и формирование системы «профессорских стипендиатов» в российских университетах времени

царствования Александра II. // Российские университеты в XVIII – XX веках.: Сб. ст. /Под ред. В.И. Чеснокова. Вып. 5. - Воронеж, 2000. С. 113.

15. Там же.

16. См: Чесноков В.И. Проблема замещения кафедр и формирование системы «профессорских стипендиатов» в российских университетах времени царствования Александра II. //Российские университеты в XVIII – XX веках.: Сб. ст. /Под ред. В.И. Чеснокова. Вып. 5. - Воронеж, 2000. С. 114.

17. Общий устав императорских Российских университетов. П. 68. - СПб., 1863. С. 23.

18. См: Змеев В.А. Реформирование высшей школы России в 50 – 60-е годы XIX в. //Социально-политический журнал. 1998. № 4. С. 168.

19. Общий устав императорских Российских университетов. П. 80. -СПб., 1863. С. 26.

20. Общий устав императорских Российских университетов. П. 42. - СПб., 1863. С. 20.

21. См: Чесноков В.И. Проблема замещения кафедр и формирование системы «профессорских стипендиатов» в российских университетах времени царствования Александра II. // //Российские университеты в XVIII – XX веках.: Сб. ст. /Под ред. В.И. Чеснокова. Вып. 5. - Воронеж, 2000. С. 119.

22. Журнал министерства народного просвещения. 1863. № 4. С. 76.

23. Общий устав императорских Российских университетов. П. 68. - СПб., 1863. С. 23.

24. Чесноков В.И. Проблема замещения кафедр и формирование системы «профессорских стипендиатов» в российских университетах времени царствования Александра II. ////Российские университеты в XVIII – XX веках.: Сб. ст. /Под ред. В.И. Чеснокова. Вып. 5. - Воронеж, 2000. С 119.

25. См: Чесноков В. И. Из истории замещения вакантных кафедр на историко-филологическом факультете Киевского университета. // Развитие исторического образования в СССР. М., 1986. С. 123 - 130 .

26. Кричевский Г.Г. Указ. Соч. С. 144.

27.Там же.

28. Кричевский Г.Г. Указ. Соч. С. 145.

39. Там же.

30. Цит: Кричевский Г.Г. Указ. Соч. С. 144.

Глава 3. Тенденции развития исторического образования в российских университетах в последней трети XIX - начале XX в.

3.1. Изменение правительственного курса в области высшего образования в 70-е – 80-е г.г. XIX в. и принятие университетского устава 1884 г.

1. Щетинина Г.И. Университеты в России и Устав 1884 года. - М., 1976. С. 36.

2. Щетинина Г.И. Указ. Соч. С. 45.

3. Чирскова И.М. Университеты в системе правительственной политики России второй половины XIX века. //Российские университеты в XVIII – XX веках: Сб. ст. /Под ред. В.И. Чеснокова. Вып. 5. - Воронеж, 2000. С. 74.

4. Сборник постановлений по министерству народного просвещения. Т. 9. Царствование императора Александра III. (1889 – 1890). - СПб., 1895. С. 567.

5. Цит: Хотеенков В. Граф Д.А. Толстой – «лжегосударственный» человек. //Высшее образование в России. 2002. № 4. С. 45.

6. Там же.

7. Цит: Хотеенков В. Указ. Соч. С. 45.

8. Чирскова И. М. Указ. Соч. С. 75.

9. См: Хотеенков В. Указ. Соч. С. 49.

10. Цит: Феоктистов Е. Материалы для истории просвещения в России. Т.1. - СПб., 1865. С. 197.

11. См: Змеев В.А. Университетский устав 1884 г. // Социально-политический журнал 1998. № 6. С. 140.

12. Глебов А.Г. П.Г. Виноградов об «университетском вопросе» в России начала XX в. // Российские университеты в XIX – начале XX в.: Сб.ст. /Под ред. В.И. Чеснокова. – Воронеж, 1993. С. 133.

13. Цит: Глебов А.Г. Указ. Соч. С. 133.

14. Змеев В.А. Университетский устав 1884 г. // Социально-политический журнал 1998. № 6. С. 141.

15. Иванов А.Е. Высшая школа России к. XIX – нач. XX в.в. - М., 1991. с. 27.

16. Круглов Ю.Г., Олесюк Е.В., Шулус А.А. Университетские уставы XIX в. в свете идей национальной образовательной доктрины. //Социально-гуманитарные знания. 2003 № 1. С. 45 – 46.

17. Змеев В.А. Университетский устав 1884 г. // Социально-политический журнал 1998. № 6. С. 142.

18. Общий устав императорских Российских университетов 1884 г. Ст. 6. // http://museum.guru.ru/

19. Общий устав императорских Российских университетов 1884 г. Ст. 13. // http://museum.guru.ru/

20. Общий устав императорских Российских университетов 1884 г. Ст. 60 – 63. // http://museum.guru.ru/

21. Общий устав императорских Российских университетов 1884 г. Ст. 109 - 113. // http://museum.guru.ru/

22. Отчет о состоянии и действиях императорского С.- Петербургского университета за 1891 г. - СПб., 1892. С. 13.

23. Общий устав императорских Российских университетов 1884 г. Ст. 99. // http://museum.guru.ru/

24. Общий устав императорских Российских университетов 1884 г. Ст. 67. // http://museum.guru.ru/

25. См: Извлечения из всеподданнейшего отчета Министра народного просвещения за 1891 г. - СПб., 1892. С. 61

26. Змеев В.А. Университетский устав 1884 г. //Социально-политический

журнал. 1998. № 6. С. 146.

27. См: Алексеева Л.Д. Московский университет и становление преподавания этнографии в дореволюционной России. //Вестник Московского университета. История. 1983 № 6. С. 55.

28. См: Козлова К.И., Чебоксаров Н.Н. Этнография в Московском университете. //Советская этнография. 1955. № 2. С. 105.

29. См: Змеев В.А. Университетский устав 1884 г. // Социально0политический журнал. 1998. № 6. С. 148.

30. РГИА. Ф. 733 О. 149. Д. 851. Л.3.

31. Экзаменационные требования, коим должны удовлетворять испытуемые в комиссии историко-филологической. - СПб., 1885. С. 4. //РГИА Ф.733. О. 149. Д. 852.

32. Экзаменационные требования, коим должны удовлетворять испытуемые в комиссии историко-филологической. - СПб., 1885. С. 3. //РГИА Ф.733. О. 149. Д. 852.

33. РГИА Ф. 733. О. 150. Д. 506. Л. 424 - 426.

34. О зачете полугодий. - СПб., 1885. С. 1. // РГИА Ф.733 О. 149. Д. 851.

35. Змеев В.А. Университетский устав 1884 г. // Социально-политический журнал. 1998. № 6. С. 149 - 150.

36. Общий устав императорских Российских университетов 1884 г. Ст. 27. П. 4. // http://museum.guru.ru/

3.2. Реорганизация учебного процесса на историко-филологических факультетах в университетах России в конце 70-80-х гг. XIX в.

1. Цит: Фролов Э.Д. Граф Сергей Семенович Уваров и академический классицизм. // Петербургская академия наук в истории академий мира. К 275-летию Академии наук. Материалы международной конференции. Т. II. / http:/www.rome.webzone.ru./site/frolov.htlm.

2. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 5. - СПб., 1877. с. 1436.

3. Цит: Хотеенков В. Граф Д.А. Толстой – «лжегосударственный» человек. //Высшее образование в России. 2002 № 4. С. 40.

4. РГИАФ. 733 О. 150. Д. 506. Л. 4.

5. Цит: Георгиевский А.И. О нынешнем устройстве наших историко-филологических факультетов. Записка 12 февраля 1889 г. - СПб., 1889. С. 3.

6. Журнал министерства народного просвещения. 1876. №10. С. 155.

7. Георгиевский А.И. О нынешнем устройстве наших историко-филологических факультетов. Записка 12 февраля 1889 г. - СПб., 1889. С. 2.

8. РГИА Ф. 733. О. 150 Д. 506. Л. 2.

9. РГИА Ф. 733. О. 150 Д. 506. Л. 3.

10. Щетинина Г.И. Указ. Соч. С. 157.

11. См: Никитин П. Возражение на записку Георгиевского А. И. «О нынешнем устройстве наших историко-филологических факультетов». - СПб., 1889. С. 13.

12. РГИА Ф. 733. О. 150. Д. 506. Л. 1 - 2.

13. Там же.

14. Вестник Европы 1888 № 11. С. 470.

15. См: Краткий исторический очерк истории Харьковского университета. С. 305.

16. РГИА Ф. 733 О. 150. Д. 506. Л. 3.

17. Историко-филологический факультет Харьковского университета за сто лет его существования (1805 – 1905). /Под ред. М.Г.Халанского, Д.И. Багалея. - Харьков, 1908. С. 148.

18. См: Фролов Э.Д. Граф Сергей Семенович Уваров и академический классицизм. // Петербургская академия наук в истории академий мира. К 275-летию Академии наук. Материалы международной конференции. Т. II. / http:/www.rome.webzone.ru./site/frolov.htlm.

19. Там же.

20. РГИА. Ф. 733. О. 150. Д. 506. Л. 4 - 5.

21. РГИА. Ф. 733. О. 150. Д. 506. Л. 424 – 426.

22. РГИА. Ф.733 О. 150. Д. 507.

23. РГИА. Ф. 733. О. 150. Д. 508. Л. 3.

24. Правила о зачете полугодий и полукурсовых испытаниях и программах их на историко-филологическом факультете Московского университета. - М., 1892. С. 17.

25. РГИА Ф. 733 О. 150. Д. 508.

26. Чирскова И.М. Университеты в системе правительственной политики России второй половины XIX века. //Российские университеты в XVIII – XX веках: Сб. ст. /Под ред. В.И. Чеснокова. Вып. 5. - Воронеж, 2000. С. 75.

3.3. Модернизация системы университетского исторического образования на рубеже XIX – XX вв.

1. Цит: Чесноков В.И. Обзор движения университетов в Российской империи. // Российские университеты в XVIII –XX веках: Сб. ст. /Под ред. В.И. Чеснокова. Вып. 3. - Воронеж, 1998. С. 20.

2. Там же.

3. Цит: Иванов А.Е. Студенчество России к. XIX - нач. XX в.в. Социально-историческая судьба. – М., 1999. С. 40.

4. См: Иванов А.Е. Студенчество России к. XIX - нач. XX в.в. Социально-историческая судьба. С. 53.

5. Иванов А.Е. Студенчество России к. XIX - нач. XX в.в. Социально-историческая судьба. С. 40 - 41.

6. Цит: Дружинин Н.М. Избранные труды. Воспоминания, мысли, опыт историка. - М., 1990. С. 8.

7. См: Попова Т.Н. Становление историографии как специальной исторической дисциплины. Некоторые аспекты проблемы. // Российские университеты в XIX – начале XX в.: Сб. ст. / Под ред. В.И. Чеснокова. – Воронеж, 1996. С. 41.

8. См: Киреева Р.А. Изучение отечественной историографии в

дореволюционной период с середины XIX в. до 1917 г. - М., 1983. С. 206.

9. Цит: Попова Т.Н. Становление историографии как специальной исторической дисциплины. Некоторые аспекты проблемы. // Российские университеты в XIX – начале XX в.: Сб. ст. / Под ред. В.И. Чеснокова. – Воронеж, 1996. С. 42.

10. Там же.

11. Там же.

12. Ивановский В.Н. Предметная система в наших университетах и ее применение к философским наукам. - СПб., 1907. С. 7.

13. Ивановский В.Н. Указ. Соч. С. 10.

14. Ивановский В.Н. Указ. Соч. С. 5.

15. Ивановский В.Н. Указ. Соч. С. 17.

16. Ивановский В.Н. Указ. Соч. С. 13.

17. См: Чесноков В.И. Движение за «разделение историко-филологического факультета» и начало специализации университетского исторического образования в 50-70-х г.г. XIX в. // Российские университеты в XIX – начале XX века: Сб. ст. /Под ред. В.И. Чеснокова. – Воронеж, 1993. С. 86.

18. Олесюк Е.В. О предметной системе учебного плана. //Высшее образование в России. 1996 № 4.

19. Попова Т.Н. Становление историографии как специальной исторической дисциплины. Некоторые аспекты проблемы. // Российские университеты в XIX – начале XX в.: Сб. ст. / Под ред. В.И. Чеснокова. – Воронеж, 1996. С. 49.

20. РГИА Ф. 733. О. 149. Д. 852. Л. 27.

21. Историко-филологический факультет Харьковского университета за сто лет его существования (1805 – 1905). / Под ред. М.Г. Халанского, Д.И. Багалея. – Харьков, 1998. С 156.

22. Там же.

23. См: Чесноков В.И. Пути формирования и характерные черты системы университетского исторического образования в дореволюционной России.

//Российские университеты в XVIII–XX в.: Сб. ст. /Под ред. В.И. Чеснокова. Вып. 2. - Воронеж, 1992. С. 16.

24. См: Глебов А.Г. П.Г. Виноградов об «университетском вопросе» в России начала XX в. // Российские университеты в XIX – нач. XX в.: Сб.ст. /Под ред. В.И. Чеснокова. – Воронеж, 1993. С. 136.

25. Глебов А.Г. Указ. Соч. С. 137.

26. Чесноков В.И. Пути формирования и характерные черты системы университетского исторического образования в дореволюционной России. //Российские университеты в XVIII–XX в.: Сб. ст. /Под ред. В.И. Чеснокова. Вып. 2. - Воронеж, 1992. С. 18.

27. Обозрение преподавания на историко-филологическом факультете императорского Московского университета в 1898 - 1899 г.г.; 1899 - 1900 г.г.

28. Обозрение преподавания наук на историко-филологическом факультете императорского Петербургского университета в осеннем полугодии 1900 г. и весеннем полугодии 1901г. - СПб., 1900.

29. См: Брачев В.С. Наша петербургская школа русских историков. – СПб., 2001. С. 54.

30. См: Чесноков В.И. Пути формирования и характерные черты системы университетского исторического образования в дореволюционной России. //Российские университеты в XVIII–XX в.: Сб. ст. /Под ред. В.И. Чеснокова. Вып. 2. - Воронеж, 1992. С. 19.

31. РГИА Ф. 733. Оп 27. Д. 162. Л. 1.

32. Иванов А. Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. - М., 1991. С. 212.

33. Иванов А. Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. – М., 1991. С. 213.

Список источников и литературы.

I. Архивные документы:

Российский государственный исторический архив (РГИА).

Фонд 732 Главного правления училищ

Фонд 733 Департамента народного просвещения.

О. 20. Д. 219, 255,

О. 21. Д. 40, 142;

О. 24. Д. 60;

О. 27. Д. 161 – 163;

О. 28. Д. 8, 9, 273, 274;

О. 34. Д. 5, 83;

О. 37. Д. 144;

О. 38. Д. 159;

О. 39. Д. 92;

О. 45. Д. 1, 151, 152;

О. 48. Д. 5, 199;

О. 57. Д. 340, 342, 397, 400, 426;

О. 70 Д. 290;

О. 90. Д. 140, 141.

О. 86. Д. 366, 391, 419;

О. 87. Д. 44;

О. 88. Д. 5, 163;

О. 89. Д. 8, 177, 178;

О. 90. Д. 139;

О. 147. Д. 1, 2, 45- 49, 89, 94, 95, 125, 200, 263, 485, 516, 712, 717, 773, 774, 950, 951, 1033, 1056;

О. 149. Д. 3, 38, 457, 550, 577, 599, 693, 756, 851, 852, 882, 914;

О. 150. Д. 53 а, 104 – 124, 148, 156, 256, 336 – 363, 463, 483, 484, 506, 507, 508, 624, 708, 808, 874, 978, 1130, 1531 - 1534;

О. 152. Д. 146;

О. 153. Д. 428 – 429;

О. 155. Д. 135, 164, 198, 446, 485, 1025;

О. 156. Д. 116.

О. 226. Д. 1, 18, 30, 42, 71, 82, 156, 210.

Фонд 734 Ученого комитета.

Фонд 735 Канцелярии министра народного просвещения

Фонд 742 Редакции «Журнала Министерства народного просвещения»

II. Опубликованные законодательные документы.

1. Общий устав Императорских российских университетов. - СПб.,. 1863. 128 с.
2. Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Собрание I. – СПб., 1830; Собрание II. – СПб., 1830 – 1844; Собрание III. – СПб., 1885 – 1916.
3. Проект Общего устава Императорских российских университетов. - СПб., 1862. 139 с.
4. Сборник постановлений по министерству народного просвещения. Т. 1. - СПб., 1864.
5. Сборник постановлений по министерству народного просвещения. Т. 2. Царствование Николая I. (1825 – 1855). - СПб., 1864. 42 с.
6. Сборник постановлений по министерству народного просвещения. Т. 5. Царствование Александра II. (1871 – 1873) - СПб., 1877. 2257 с.
7. Сборник постановлений по министерству народного просвещения. Т. 6. Александр II (1874 – 1876).
8. Сборник постановлений по министерству народного просвещения. Т. 7. Александр II (1877 -1881). - СПб.,. 1883.
9. Сборник постановлений по министерству народного просвещения. Т. 9. Царствование императора Александра III. (1889 – 1890). - СПб., 1895.

III. Делопроизводственные документы и материалы:

10. Годичные акты Императорского Казанского университета. Казань, 1866 – 1910.

11. Журнал заседаний Ученого комитета Главного правления училищ по проекту общего устава Императорских российских университетов. – СПб., 1862.

12. Замечания на проект общего устава Императорских российских университетов. – СПб.

13. Обзор деятельности Императорского Дерптского университета на память 1802 – 1865 г.г. (составлен по отчетам и донесениям). - Дерпт, 1866. 172 с.

14. Обозрение преподавания наук на историко-филологическом факультете Императорского Петербургского университета (осень 1903). СПб., 1903.

15. Общий отчет, предоставляемый его Императорскому Величеству по Министерству народного просвещения за 1840 г. - СПб., 1841.

16. Общий отчет, предоставляемый его Императорскому Величеству по Министерству народного просвещения за 1842 г. - СПб., 1843.

17. Общий отчет, предоставляемый его Императорскому Величеству по Министерству народного просвещения за 1843г. - СПб., 1844.

18. Общий отчет, предоставляемый его Императорскому Величеству по Министерству народного просвещения за 1847 г. - СПб., 1848.

19. Общий отчет, предоставляемый его Императорскому Величеству по Министерству народного просвещения за 1848 г. - СПб., 1849. 161 с.

20. Общий отчет, предоставляемый его Императорскому Величеству по Министерству народного просвещения за 1849 г. - СПб., 1850. 161 с.

21. Объяснительная записка к проекту Общего устава Императорских российских университетов. - СПб., 1905. 196 с.

22. Отчет о состоянии и деятельности Петербургского университета за 1896 год, составленный Х.Я. Гоби. - СПб., 1896.

23. Отчет о состоянии Императорского Харьковского университета за 1852-1853 г.г. -Харьков, 1853. 84 с.

24. Правила о зачете полугодий и полукурсовых испытаниях и программах их на историко-филологическом факультете Московского университета. - М., 1892.

25. Российские университеты. Общий штат Императорских российских университетов. Проект. - 32 с.

26. О личном составе и вакантных кафедрах в Императорских российских университетах к 1 января 1866 г. - СПб., 1866. 67 с.

IV. Статистические материалы.

27. Фойгт К. Историко-статистические записки об Императорском Харьковском университете и его заведениях от основания университета до 1859 г. - Харьков, 1859. 173 с.

V. Публицистика

28. Виноградов П.Г. Учебное дело в наших университетах. //Вестник Европы. 1901. № 7.

29. Владиславлев М.И. В ответ на записку Георгиевского о нынешнем устройстве наших историко-филологических факультетов. - СПб., б/д.

30. Георгиевский А.И. О нынешнем устройстве наших историко-филологических факультетов. Записка 12 февраля 1889 г. - СПб., 1889.

31. Герье В.И. Наука и государство. //Вестник Европы. 1876. № 10

32. Кавелин К.Д. Замечания на проект общего устава императорских российских университетов. //Собрание сочинений. Т. 3. – СПб., 1999. С. 227 – 240.

33. Кареев Н.И. Выбор факультета и прохождение университетского курса. – СПб., 1897. – 167 с.

34. Кареев Н.И. Идеалы общего образования. – СПб., 1909.

35. Клоссовский А. Материалы к вопросу о постановке университетского дела в России. - Одесса, 1903. 90 с.

36. Кольцов Н. К университетскому вопросу. - М., 1909. 98 с.

37. Кулаковский Ю.А. Гонорар в русских университетах. - Киев, 1897. 90 с.

38. Лаппо И.И. Современное состояние науки русской истории и задача ее университетского преподавания. – Юрьев, 1906.

39. Никитин П. Возражение на записку Георгиевского о нынешнем устройстве наших историко-филологических факультетов. - СПб., 1888.

40. Петров Н.П. Об историческом значении классического образования. - Харьков, 1869. 32 с.

41. Пирогов Н.И. Университетский вопрос. – СПб., 1863. – 85 с.

42. Писарев Д.И. Наша университетская историческая наука. //Соч. в 4 т. – М., 1955. Т. 2.

43. Помяловский И.В. В ответ на записку Георгиевского о нынешнем устройстве наших историко-филологических факультетов. - СПб., 1899.

44. Южаков С.Н. Вопросы просвещения. Публицистические опыты. СПБ., 1897 283 с.

VI. Периодические издания.

45. Вестник Европы 1867 – 1884, 1887 – 1901.

46. Журнал министерства народного просвещения 1834 – 1910.

VII. Дневники, воспоминания, мемуары.

47. Дружинин Н.М. Избранные труды. Воспоминания, мысли, опыт историка. М., 1990.

48. Ленинградский университет в воспоминаниях современников. / под ред. В.В. Мавродина. Т. 1 (1819-1895). - Л: ЛГУ, 1963. 319 с.

49. Ленинградский университет в воспоминаниях современников. /под ред. В.В. Мавродина. Т. 2 (1895-1917). - МГУ, 1982. 227 с.

50. Московский университет в воспоминаниях современников (1755 - 1917). /Сост. Ю. Емельянова. - М.,1989. 734 с.

51. Московский университет в воспоминаниях современников. /Под ред. П.А. Зайончковского, А.Н. Соколова. – М., 1956. 487 с.

52. Соловьев И.М. Русские университеты в их уставах и воспоминаниях современников. Вып. 1. Университеты до эпохи 60–х г.г. XIX века. - СПб., 1914. 206 с.

VIII. Монографии, диссертационные исследования, статьи:

53. Аврус А.И. История российских университетов: Очерки. – М., 2001. 192 с.

54. Акульшин П.В. Граф С.С. Уваров и его роль в жизни российского общества. // Педагогика. 1993. № 4. С. 92 – 97.

55. Алексеева Л.Д. Московский университет и становление преподавания этнографии в дореволюционной России. //Вестник Московского университета. История. 1983, №6. С. 54–62.

56. Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII – первая половина XIX века). - М: Наука, 1985. 270 с.

57. Амичис Э. Студенты и социальный вопрос. – Ростов н/Д., 1905.

58. Андреев А.Ю. Московский университет в общественно-культурной жизни России начала XIX века (1802 – 1812): Дис…канд. ист. наук. – М., 1996.

59. Андреев А.Ю. О начале университетского образования в Санкт-Петербурге. //Отечественная история. 1998. № 5.

60. Аристова Н. Состояние образования в России в царствование Александра I. - Киев, 1879. 44 с.

61. Археологическое образование в Новороссийском университете в дореволюционный период. // Материалы по археологии Северного Причерноморья. 1966. Вып. 5. С. 245 - 257.

62. Асиновская С.А. Из истории передовых идей в русской медиевистике (Т.Н. Грановский). - М., 1959. 165 с.

63. Афонюшкина А.В. Проблемы становления науки «история нового времени» в университетах России во второй четверти XIX века: Дисс…канд.

ист. наук.– Воронеж, 1993.

64. Багалей Д.И. Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам). Т. 1 (1802 – 1815). - Харьков, 1893 -1898. 1204 с.

65. Багалей Д.И. Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам). Харьков, 1893 -1898. Т. 2 (1815 – 1835). - Харьков, 1904. 1136 с.

66. Бессонова В.И. В.И. Ленин о высшей школе и ее роли в формировании советской интеллигенции. //В.И. Ленин и некоторые вопросы изменения социальной структуры советского общества. – М., 1973.

67. Брачев В.С. Наша университетская школа русских историков и ее судьба. - СПб., 2001. 243 с.

68. Бузескул В.П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX - XX в. Ч. 1. - Л.,1929. 218 с.

69. Бузескул В.П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX - XX в. Ч. 2. - Л., 1931. 223 с.

70. Булич Н. Из первых лет Казанского университета (1805 – 1819). Рассказы по архивным документам. - СПб.,. 1904. 554 с.

Бутягин А.С., Салтанов Ю.А. Университетское образование в СССР. – М., 1957.

71. Валк С.Н. Историческая наука в Ленинградском университете за сто двадцать пять лет. //Труды юбилейной научной сессии ЛГУ. Секция исторических наук. Л., 1948. С. 3 – 79.

72. Варшавский университет 1808 - 1818 – 1958. /под ред. А. Гейштора и С. Стисеменьского. - Варшава: ”Avkady”, 1958. 68 с.

73. Василейский С.М. Лекции, преподаваемые в дореволюционной высшей школе. - Горький, 1959. 271 с.

74. Витеккер Ц. Граф С.С. Уваров и его время. (Перевод с англ). - СПб., 1999.

75. Владимирский - Буданов М.Ф. История императорского университета св. Владимира. Т. 1. Университет св. Владимира в царствование

Николая Павловича. - Киев, 1884. 675 с.

76. Воропаев И.Г. Порядок присуждения ученых степеней в России и СССР (1802 – 1995): Дис…канд. юр. Наук. – Саратов, 2000.

77. Вузовская историческая наука и историческое образование: итоги и перспективы развития. Материалы межвузовской научно-методической конференции. /Ред В.И. Чесноков. – Воронеж, 1991. 106 с.

78. Высшее образование в России: Очерк истории до 1917 г. /под ред. Кинилева В.Г. - М: НИИВО, 1995. 352 с.

79. Герье В.И. Очерки развития исторической науки. - М., 1865.

80. Горина Л. Лекции по истории зарубежных славянских народов М. Дриева в Харьковском университете (1873 – 1906). //Советское славяноведение. 1983. № 6. С. 58 – 66.

81. Государственное руководство высшей школой в дореволюционной России и в СССР: сборник статей. /Под ред. Н.П. Ерошкина. – М., 1979. 240 с.

82. Григорьев В.В. Императорский Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет своего существования. Историческая записка. - СПб., 1870. 432 с.

83. Гудзий Н.К. Изучение русской литературы в Московском университете (дооктябрьский период). - М: МГУ, 1959. 70 с.

84. Гурье Л., Сунцова М. Подготовка преподавателей: история и современность. //Высшее образование в России. 1991. № 1. С.142 – 144.

85. Джаншиев Г.А. Эпоха Великих реформ. – Спб., 1892.

86. Дмитриев С.С. Историческая наука в Московском университете в 60-х -90-х г.г. XIX в. //Вестник Московского университета. 1954, №7. С. 95 – 115.

87. Дмитриев П.А., Сафронов Г.И. К стопятидесятилетию кафедр славянской филологии в отечественных университетах. //Вестник Ленинградского университета. 1985, Вып. 4. С. 52 – 58.

88. Дьяков В.А., Мыльников А.С. Об основных этапах развития славяноведения в дореволюционной России. //Славяноведение в дореволюционной России: Библиографический словарь. - М., 1979. С. 11 - 46.

89. Есипов В.В. Материалы к истории Варшавского университета. - Варшава, 1915

90. Загоскин Н.П. История Императорского Казанского университета за первые сто лет его существования. 1804 – 1904. Т. 1- 4. – Казань, 1902 – 1904, 1906.

91. Захаров И.В. Ляхович Е.С. Миссия университета в европейской культуре. - М., 1994.

92. Зипунникова Н.Н. Правовое регулирование университетского образования в России в XVIII – первой половине XIX в. Дисс…канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 1998. 264 с.

93. Змеев В.А. Высшая школа России на рубеже XIX - XX в. //Социально-гуманитарные знания 2000 № 1. С. 207 - 222.

94. Змеев В.А. Высшее образование в России во второй четверти XIX века. //Социально-политический журнал. 1998, № 2. С. 187 – 198.

95. Змеев В.А. Комплектование высшей школы Российской империи. //Социально-гуманитарные знания 2001 №1. с.89-112.

96. Змеев В.А. Реформирование высшей школы в 50-е – 60-е г.г. XIX века. //Социально-политический журнал. 1998, № 4. С. 158 – 171.

97. Змеев В.А. Университетский устав 1884 года. //Социально-политический журнал. 1998, № 6. С. 139 – 153.

98. Зубов В.П. Историография естественных наук в России в XVIII – первой половине XIX в. – М., 1956.

99. Еленев Ф. Студенческие беспорядки. - СПБ., 1888. 46 с.

100. Ермичев А.А. О том как поссорились два ученых мужа. Очерк истории нравов университетской профессуры в России начала XX в. //Вопросы философии. 2003. № 5. С. 124 – 134.

101. Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX века.- М., 1991. 392 с.

102. Иванов А.Е. Дискуссия о проблемах высшего педагогического образования В России на рубеже XIX – нач. XX в.в. //Педагогика. 1999. № 6. С.

83 – 91.

103. Иванов А.Е. Студенчество России к. XIX – нач. XX в.: социально-историческая судьба. - М, 1999. 414 с.

104. Иванов А.Е. Управление высшей школой в России в конце XIX – начале XX века. //Историографические проблемы русской культуры: сборник статей. - М., 1983. С. 169 – 201.

105. Иванов А.Е. Ученые степени в Российской империи XVIII в. – 1917 год. - М., 1994. 195 с.

106. Иванов А.Е. Студенческая самопомощь в высшей шклое Российской империи: конец XIX - начало XX в. //Отечественная история. 2002. № 4. С. 35 – 50.

107. Иванов О. Государственная деятельность С.С. Уварова. - http://www/vob.ru/main.rus.htlm

108. Иванов П. Студенты в Москве. Быт. Нравы. Типы. Очерки. - М., 1903. 301 с.

109. Ивановский В.Н. . Предметная система в наших университетах и ее применение к философским наукам. - СПб., 1907.

110. Иконников В.С. Несколько слов по поводу новых данных о наших университетах. - Киев, 1876. 18 с.

111. Иконников В.С. Русские университеты в связи с ходом общественного развития. – СПб., 1876.

112. Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые сто лет своего существования (1805 – 1905). /под ред. Халанского М.Г. и Багалея Д.И. - Харьков, 1908. 573 с.

113. Исторический очерк возникновения и развития академических организаций. (без в/д). 149 с.

114. История Тартусского университета. 1632 – 1982. /Х. Тейримяэ, К. Ситливаск, Р. Рууотсоо и др. Талин: Периодика, 1982. 279 с.

115. Камоско Л.В. Изменение сословного состава учащихся средней и высшей школы России (30-е – 80-е г.г. XIX в.). //Вопросы истории. 1970. № 10.

С. 203 – 207.

116. Каратаев Н.К. Экономические науки в Московском университете. - М., 1956. 344 с.

117. Кареев Н.И. Отчет о русской исторической науке за пятьдесят лет. // Отечественная история. 1994. № 2. С. 138 – 142.

118. Кеппен П. Материалы для истории просвещения в России, собираемые Петром Кеппеном. Ч. 1. - СПб., 1819. 92 с.

119. Кеппен П. Материалы для истории просвещения в России, собираемые Петром Кеппеном. Ч. 2. - СПб., 1826. 646 с.

120. Кеппен П. Материалы для истории просвещения в России, собираемые Петром Кеппеном. Ч. 3. - СПб., 1827. 260 с.

121. Киреева Р.А. Изучение отечественной историографии в дореволюционной период с середины XIX в. до 1917 г. - М., 1983. С. 206.

122. Киреева Р.А. В.О. Ключевский как историк русской исторической науки. - М., 1966. 260 с.

123. Киреева Р.А. К.Н. Бестужев – Рюмин и историческая наука второй половины XIX в. М: Наука, 1990.

124. Кислягина Л.Г. Изучение отечественной истории в Московском университете во второй половине XVIII века. //Вестник Московского университета. История. 1984, №2. С. 36 - 45.

125. Козлова К.И., Чебоксаров Н.Н. Этнография в Московском университете. //Советская этнография. 1955, №2. С. 100 – 111.

126. Кондаков И.В. Введение в историю русской культуры. - М., 1997. 633 с.

127. Кооп А.В. Развитие научной и философской мысли в Тартуском университете за 350 лет. //Вопросы философии. 1982. №8. С.32-43.

128. Корбут М.К. Казанский университет им. В.И. Ульянова – Ленина за 125 лет. – М., 1930.

129. Корнилов А.А. Курс истории России XIX века (переиздание). – М., 1993.

130. Косачевская С.М. М.А. Болугянский и Петербургский университет в первой четверти XIX века. - Л., 1971. 271 с.

131. Косминский Е. Столетие преподавания истории средних веков в Московском университете. //Историк-марксист. 1940 № 7. С. 101 – 105.

132. Кричевский Г.Г. Ученые степени в университетах дореволюционной России. //История СССР. 1985. №2. С. 141 – 153.

133. Круглов Ю.Г., Олесюк Е.В., Шулус А.А. Университетские уставы XIX в. в свете идей национальной образовательной доктрины. //Высшее образование сегодня. 2002 №1. С. 35 - 40.

134. Кулакова И.П. Московский университет в историко-культурной среде XVIII века. Автореф. дисс…канд. ист. наук. – М., 2002.

135. Куликова А.М. Становление университетского востоковедения в Петербурге. – М: Наука, 1982. 207 с.

136. Куприц Н.Я. О преподавании государственного права в России в период крепостнической реакции 30 – 50-х г.г. XIX в. // Вестник Московского университета. Серия «Право» 1978, №4. С. 17 – 25.

137. Курбатов Г.Д. Византиноведение в Петербургском университете. // Вестник ЛГУ. 1969. № 2. С. 130 – 136.

138. Лаптева Л.М. Славяноведение в Московском университете в XIX – нач. XX в.в. - М: МГУ, 1997. 296 с.

139. Лаута О.Н. Научная подготовка и аттестация кадров на историко-филологическом факультете Московского университета (XIX – XX в.). Дисс…канд. ист. наук. – Майкоп, 2000.

140. Лейкина – Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. - М., 1971.

141. Ленинградский Государственный Университет. 1819 – 1944 г.г. (к 125-летию). Сб. статей. - М., 1945. 184 с.

142. Лесмент Л., Ярвелайд П. О юридическом факультете тартуского университета и его деканах в период 1802 – 1918. //Советское право. Талин, 1981, №4. С.248-254; №5. С. 355 – 361.

143. Любарский А. Свет русской науки. (Очерки о Тартуском университете). - Талин, 1952. 332 с.

144. Ляхович Е.С., Ревушкин А.С. Университеты в истории и культуре дореволюционной России. – Томск, 1998. 577 с.

145. Макарова Н. Студенческие корпорации первых российских университетов. //Высшее образование в России. 1999. 3 4. С. 81 – 89.

146. Маркевич А.И. Двадцатипятилетие Императорского Новороссийского университета. Историческая записка и академические списки. - Одесса, 1890. 784 с.

147. Мартинсон Э.Э. Исторические связи тартусского университеа с русской наукой. Талин, 1951. 831 с.

148. Материалы по университетскому вопросу. Извлечения из книги А.И. Георгиевского «Краткий очерк правительственных мер и предначертаний против студенческих беспорядков». - Штутгардт, 1902. 59 с.

149. Матышевский П.С. Киевскому университету и его юридическому факультету – 150 лет. //Известия высших учебных заведений. Право 1984, №5. С. 22 – 32.

150. Мельгунов С. Студенческие организации 80-х – 90-х г.г. в Московском университете. / По архивным данным. - М., 1908. 103 с.

151. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Часть 2. - СПб., 1902.

152. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Часть 3. - СПб., 1902.

153. Момот А. Чернета В. Министр Эпохи Великих реформ (Е.П. Ковалевский). //Высшее образование в России. – 1995. № 2. С. 134 – 152.

154. Московский университет и развитие философской науки и общественно-политической мысли России. /под ред. И.Я. Щипанова. - М: МГУ, 1957. 470 с.

155. Новейшее образование: его истинные цели и требования. Сборник статей в защиту научного воспитания. - СПб., 1867.

156. Новые данные к истории университетского быта. - М.,. 1899.

157. Олесюк Е.В. К вопросу становления и развития университетского образования в России. //Социально-гуманитарные знания. 2001 №2. С. 71 – 90.

158. Олесюк Е.В. О предметной системе учебного плана. //Высшее образование в России. 1996 № 4. С. 34 – 39.

159. Орлова Е. Высшее женское образование в России (по страницам публикаций второй половины XIX века). //Альма-матер: Вестник высшей школы. 1999, № 3. С. 36 – 40.

160. Праздник советской науки и культуры (об изучении древней истории в МГУ). //Вестник древней истории. 1955, №2. С. 3 – 13.

161. Очерки истории исторической науки в СССР. - М., 1954. Т. 1., 2.

162. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. До конца первой половины XIX века. - М., 1973. 605 с.

163. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Вторая половина XIX века. - М., 1976.

164. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Конец XIX в. – начало XX в.в. - М., 1976.

165. Очерки по истории Ленинградского университета. Т. 4. - Л: ЛГУ, 1982.

166. Очерки по истории Ленинградского университета. Т. 5. - Л: ЛГУ, 1984.

167. Палтсер А. Юридическому факультету Тартуского университета 350 лет. //Советское право. Талин, 1982, №4. С. 32….

168. Пашкова А.А. Философская мысль в Киевском университете в дооктябрьский период. //Научные доклады высшей школы. Филология. 1884, №5. С. 101 – 108.

169. Петров Ф.А. Немецкие профессора в Московском университете. - М: Христианское издательство, 1997. 180 с.

170. Петров Ф.А. М.П. Погодин и создание кафедры российской истории в Московском университете. М., 1995.

171. Петров Ф.А. Российские университеты в первой половине XIX в. Кн. 1. Зарождение системы университетского образования. - М., 1998. 471 с.

172. Петров Ф.А. Российские университеты в первой половине XIX в. Кн. 2. Становление системы университетского образования. - М., 1998. 388 с.

173. Петров Ф.А. С.П. Шевырев – первый профессор российской словесности в Московском университете. - М., 1999.

174. Петухов Е. В. Императорский Юрьевский, бывший Дерптский университет за сто лет его существования (1802 – 1902). Исторический очерк. Т. 1 (1802 – 1865). - Юрьев, 1902. 620 с.

175. Петухов Е.В. Кафедра русского языка и словесности в Юрьевском (Дерптском) университете. Юрьев, 1900.

176. Подготовка «профессорских кандидатов» и присуждение ученых степеней в университетах Западной Европы и России: становление и развитие: Сб. науч. ст. /под ред. А.Н. Якушева. Ставрополь: СГУ, 1997.

177. Поздеева И.В. Изучение древней истории и древних языков в Московском университете в 50-е – 70-е г.г. XVIII в. //Вестник древней истории. 1962. № 3. С. 3 – 24.

178. Преподавание отечественной истории в университетах России: прошлое и настоящее. – М. – Уфа, 1997.

179. Проблемы истории отечественной исторической науки. Сборник ст. /под ред. В.И. Чеснокова. - Воронеж, 1981. 171 с.

180. Развитие общественных и гуманитарных наук в Томском университете. (1880 - 1980). / А.П. Бычков, М.П. Евсеев и др. - Томск,. 1980. 142 с.

181. Ремарчук В. Из истории университетских уставов (1755 – 1939). //Вестник Московского университета. 1998. № 32. С. 4 – 5.

182. Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности министерства народного просвещения. 1802 – 1902. - СПб., 1902. 785 с.

183. Рождественский С.В. Очерк по истории системы народного образования в России в XVIII – XIX в.в. – СПб., 1912.

184. Рождественский С.В. Сословный вопрос в русских университетах в первой четверти XIX века. СПб., 1907. 28 с.

185. Российские университеты XVIII – XX веков в системе исторической науки и исторического образования: Материалы научной конференции. /Под ред. В.И. Чеснокова. – Воронеж, 1994. 105 с.

186. Российские университеты в XVIII – XX веках: Сб. ст. / Под ред. В.И. Чеснокова. Вып. 2. – Воронеж, 1992.

187. Российские университеты в XVIII – XX веках: Сб. ст. / Под ред. В.И. Чеснокова. Вып. 3. – Воронеж, 1998. 216 с.

188. Российские университеты в XVIII – XX веках: Сб. ст. / Под ред. В.И. Чеснокова. Вып. 5. – Воронеж, 2000. 230 с.

189. Российские университеты в XIX – начале XX века: Сб. ст./ Ответственный редактор В.И. Чесноков. - Воронеж, 1993. 152 с.

190. Российские университеты в XIX – нач. XX в.в. Сб.ст./ Ответственный редактор В.И. Чесноков. - Воронеж, 1996.

191. Ряузов Н. История преподавания и развитие статистики в Петербургском университете 1819 – 1971 г.г. //Вестник статистики. 1974. №1. С. 56 - 60.

192. Садовничий В.А. Отечественная высшая школа и российская государственность. //Вестник высшей школы 1998. № 6. С. 3 – 12.

193. Садовничий В.А. Белокуров В.В. Сушко В.Г. Шикин Е.В. Университетское образование: приглашение к размышлению. М: издательство Московского университета. 1995.

194. Сборник аннотированных материалов научно-исследовательских работ, завершенных в 1993 г. по направлению «Университеты как центры образования, науки и культуры в регионе». - Р. н/Д: РГУ, 1994.

195. Смирнов А.А. Общество любителей русской словесности (1811 – 1930). //Вестник Московского университета. Филология. 1979, №6. С. 29 - 34.

196. Смолин Г.Я. В.П. Васильев и преподавание истории Дальнего Востока в Петербургском университете во второй половине XIX века. //

История и культура Китая: (сборник памяти В.П. Васильева). - М., 1974. С. 71-85.

197. Современное университетское историческое образование в Российской Федерации. Вып. 2. - Саратов, 1994. 142 с.

198. Столетний юбилей Императорского Московского университета. - М., 1855. 110 с.

199. Столыпин Д. Несколько слов о высшем образовании. - М.,. 1892. 31 с.

200. Сумцов Н.Ф. Материалы для истории Харьковского университета. - Харьков, 1894.

201. Сухомлинов М.И. Материалы для истории просвещения России в годы царствования Императора Александра I.

202. Сучков И. Высшая школа и учительство России в конце XIX – нач. XX в.в. //Альма-матер. 1994. № 2. С. 43 – 44.

203. Терещенко О.В. Становление и развитие классического университета в России XIX –XX в.: Дисс….канд. ист. наук. – Ставрополь, 2002. 229 с.

204. Ткаченко П.С. Московское студенчество в общественно-политической жизни России второй половины XIX века. - МГУ, 1958.

205. Университеты для России: взгляд на историю культуры XVIII столетия. /под ред. В.В. Пономаревой, Л.Б. Хорошиловой. – М: Русское слово. 1997. 351 с.

206. Ученые степени в России: XVIII –1918 г.: Сб. науч. статей /под науч. ред. Иванова А.Е., Шаповалова В.А., Якушева А.Н. Вып. 1. Ч. 1. – М. – Ставрополь: Ин-т рос. ист. РАН, СГУ, 1996. 141 с.

207. Ученые степени в России: XVIII –1918 г.: Сб. науч. статей /под науч. ред. Иванова А.Е., Шаповалова В.А., Якушева А.Н. Вып. 1. Ч. 2. – М. – Ставрополь: Ин-т рос. ист. РАН, СГУ, 1996. 274 с.

208. Ушмаева К.А. Развитие высшего исторического образования на Северном Кавказе с 1945 – по 2000 г. Дисс…канд. ист. наук. – Ставрополь, 2004.

209. Феоктистов Е. Материалы для истории просвещения в России. - СПб., 1865. Т. 1. 227 с.

210. Ферлюдин П. Исторический обзор мер по высшему образованию в России. Вып. 1. Академии наук и университеты. Саратов, 1894. 184 с.

211. Фриман Э. Методы изучения истории. 8 лекций 1884 г. с приложением вступительной лекции об обязанностях профессора истории. Б/д.

212. Фролов Э.Д. Из истории университетской школы антиковедения. //Вестник ЛГУ. 1969. № 2. С. 121 – 129.

213. Фролов Э.Д. Какая история нам нужна? (К современной полемике о науке истории). //http://www.centant.pu.ru./centrum/publik/frolov/frol.05.htlm.

214. Фролов Э.Д. Ф.Ф. Соколов и начало историко-филологического направления в русском антиковедении. //Вестник древней истории. 1977. № 1. С. 213 – 225.

215. Фролов Э.Д. Граф Сергей Семенович Уваров и академический классицизм. // Петербургская академия наук в истории академий мира. К 275-летию Академии наук. Материалы международной конференции. Т. II. СПб., 1999

216. Фролов Э.Д. Русская наука об античности. М., 1996. 560 с.

217. Фролов Э.Д. Традиции классицизма и петербургское антиковедение. //Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 8. Москва-Магнитогорск, 2000.

218. Харьковский университет за 150 лет (1805 – 1955). Сб. статей. - Харьков, 1955. 387 с.

219. Хохлова Д.А. История научной подготовки и аттестации кадров на историко-филологическом факультете в архивных документах Казанского университета (1804 – 1918). Дисс…канд. ист. наук. – М., 1998.

220. Цетлин Л.С. Из истории научной мысли в России (наука и ученые в Московском университете во второй половине XIX века). - М: АН СССР, 1958. 277 с.

221. Цыганков Д.А. В.И. Герье и историческая наука второй половины

XIX века в Московском университете. //http://museum.guru.ru/

222. Черепнин Л.В. Отечественные историки XVIII – XX в. - М: Наука, 1984. 343 с.

223. Черняев П.Н. Материалы для истории бывшего Варшавского университета (8 июня 1896 – 1917). Кафедра римской словесности в биографических очерках ее представителей. - Р н/Д., 1919. 373 с.

224. Чесноков И.В. Министерство народного просвещения и историческая наука России в 80-х – первой половине 90-х гг. XIX в.Дисс…канд. ист. наук. – Воронеж, 1998.

225. Чесноков В.И. Правительственная политика и историческая наука России 60 - 70-х г.г. XIX в: исследовательские очерки. - Воронеж, 1989. 207 с.

226. Чиненный А. Студенчество российских университетов (XIX век). //Высшее образование в России. 1999. № 5. С. 141 – 147.

227. Чиненный А. Университетский преподаватель. XIX век. // Высшее образование в России. 1999, № 3. С. 128 – 136.

228. Шаповалов В.А. Высшее образование в системе культуры. - Ставрополь: СГУ, 1996. 68 с.

229. Шаповалов В.А. Высшее образование в социокультурном контексте. – М, 1996. 218 с.

230. Шаповалов В.А. Культурные традиции высшего образования в России. //Вестник Ставропольского университета. 1996. Вып. 5. С. 3-15.

231. Шаповалов В.А., Терещенко О.В., Перковская Г.А. Формирование российской национальной модели университета в XIX в. //Вестник СГУ. 2001. Вып. 27. С. 61 - 71.

232. Шевырев С.П. История императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею Степаном Шевыревым. 1755 – 1855. - М., 1855. – 584 с.

233. Швидковский Д.О. Книги о Московском университете. //Отечественная история. 1998. № 5. С. 211-214.

234. Шевырев С.П. История Императорского Московского университета.

- М., 1855.

235. Шилов А., Андреев А. Лекции и практические занятия А.С. Лаппо-Данилевского в Петроградском университете в 1890 – 1918 г.г. // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 42 – 43.

236. Шофман А.С. из истории античной науки в Казанском университете. // Вестник древней истории. 1968. № 1. С. 199 – 203.

237. Шофман А.С. Изучение античной истории в Казанском университете (до 1917 г.). - Казань, 1956. 29 с.

238. Шофман А.С. Изучение истории и культуры южных славян в Казанском университете. (с середины XIX века). // Ученые записки Казанского университета. 1962. Том 122. Кн. 5. С. 3 - 14.

239. Шульгин В.Я. История университета св. Владимира. СПб., 1860.

240. Щетинина Г.И. Алфавитные списки студентов как исторический источник. // История СССР. 1979. № 5. С. 110 – 126.

241. Щетинина Г.И. Университеты в России и Устав 1884 года. - М., 1976.

242. Эймонтова Р.Г. Русские университеты на грани двух эпох. От России крепостной к России капиталистической. - М: Наука, 1985. 347 с.

243. Эймонтова Р.Г. Русские университеты на путях реформы в 60-е г.г. XIX века. - М: Наука, 1993. 270 с.

244. Ярошевская Е.Л. Государственный Совет и принятие устава 1884 г. - // Из истории культуры и общественной мысли народов СССР: сборник научных статей. М., 1984. С. 74 - 87.

IX. Справочные и библиографические издания:

245. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (1804 – 1904). Ч. 1. (историко-филологический факультет).

246. Варшавский – Донской – Северокавказский – Ростовский университет: указатель литературы. - Ростов н/Д: РГУ, 1995.

247. Днепров Э.Д. Советская литература по истории школы и педагогики

дореволюционной России. 1918-1977. Библиографический указатель. – М., 1979. 446 с.

248. Иванова Л.В. Книги по истории университетов страны: обзор. //История СССР. 1982, №2. С. 181 – 184.

249. Материалы по истории Петербургского университета. 1819 - 1917 г.г. Обзор архивных документов. // под ред. С.Н. Валка. – Л: ЛГУ, 1961. 124 с.

250. Московский университет за 225 лет: указатель литературы. - М: МГУ, 1983. 310 с.

251. Полянская Л.И. Документы к истории высшего образования в России. //Исторический архив. 1958, № 1. С. 222 – 227.

252. Систематический указатель к периодическим изданиям историко-филологического общества при Харьковском университете за 1896 – 1916 г.г. - Харьков, 1955. 71 с.

253. Университетское образование в СССР и за рубежом. Указатель советской и иностранной литературы. Вып. 3. - М.,1974. 476 с.

254. Университетское образование в СССР и за рубежом: указатель литературы. - М.,1987. 262 с.

255. Университетское образование в СССР и за рубежом (библиография). Вып. 1. - М., 1966. 474 с.

256. Университетское образование в СССР и за рубежом: указатель литературы. Вып. 2. - М.,1974. 476 с.

257. Якушев А.Н. Научная подготовка и аттестация кадров в России (1724-2004): полное собрание нормативных правовых актов. Пятигорск, 2004. 199 с.

X. Ресурсы Интернет:

258. История Императорского Московского университета http://museum.guru.ru

259. Международный исторический журнал http://history.machaon.ru

260. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. http:// www.msu.ru

261. Санкт-Петербургский государственный университет http://www.spbu.ru.

262. Центр антиковедения СПбГУ http://www.centant.pu.ru.

263. Центр образовательного законодательства http://www.lexed.ru.

Приложение 1.

Сравнительная таблица,

отражающая постепенное увеличение числа кафедр историко-филологического профиляв российских университетах по данным университетских уставов.

1755 г. философский факультет	**1804 г. отделение словесности**	**1835 г. 1-ое отделение философского факультета**	**1863 г. историко-филологический факультет**
1.Профессор истории для показания истории универсальной и российской, также древностей и геральдики. 2.Профессор красноречия для обучения оратории и стихотворству. 3.Профессор философии для обучения логике, метафизике и нравоучению.	1.Греческий язык и словесность. 2.Древности и язык латинский. 3.Красноречие, стихотворство и Российский язык. 4.Всемирная история, статистика и география. 5.История, статистика и география Российского государства. 6.Теория изящных искусств и археология. 7. Восточные языки.	1.Философия. 2.Греческая словесность и древности. 3.Римская словесность и древности. 4.Российская словесность и история российской литературы. 5.История и литература славянских наречий. 6.Всеобщая история. 7.Российская история. 8.Политическая экономия и статистика. 9.Восточная словесность.	1.Философия (логика, психология, история философии). 2.Греческая словесность (греческий язык и толкование авторов, история греческой литературы, греческие древности). 3.Римская словесность (латинский язык и толкование авторов, история римской литературы, римские древности). 4.Сравнительная грамматика индоевропейских языков. 5.История русского языка и литературы. 6.История всеобщей литературы. 7.Савянская филология (славянские наречия, история славянской литературы, славянские древности). 8.Всеобщая история. 9.Русская история. 10. Церковная история. 11.Теория и история искусств.

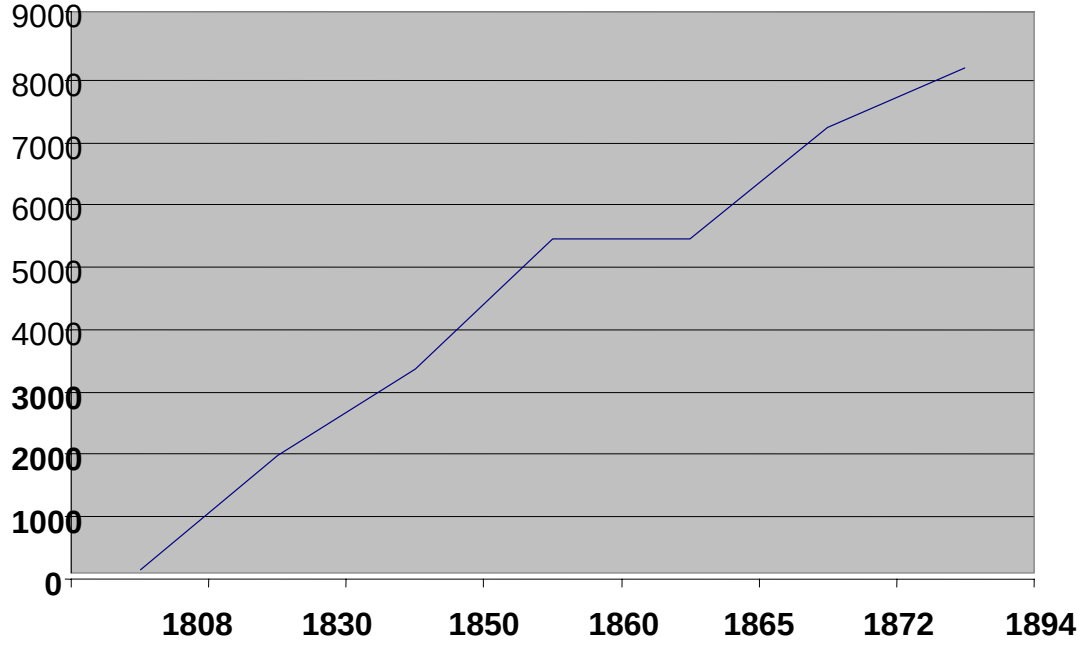
Приложение 3

Численность студентов историко-филологических факультетов российских университетов
в царствование Александра III. (1881-1894).

	Университет	**годы**	**Всего студентов**	**Истор.-филолог. Ф-т**
1	Петербургский	1881 1894	2 151 2804	230 187
2	Московский	1881 1894	2 504 4 118	190 266
3	Казанский	1881 1894	826 735	66 32
4	Харьковский	1881 1894	937 1 310	70 43
5	Св. Владимира в Киеве	1881 1894	1334 2417	134 53
6	Новороссийский	1881 1894	422 517	53 46
7	Юрьевский	1881 1894	1164 1398	160 40
8	Варшавский	1891 1894	1032 995	42 27
	Во всех университетах	1881 1894	10374 14755	945 694

//Приложение к Обзору деятельности ведомства Министерства народного просвещения за 1881-1894 г.г. с.12-15.

Приложение 2

Динамика роста численности студенчества в российских университетах в XIX в.

Годы	Количество учащихся
1808	150
1830	1996
1850	3368
1860	5453
1865	5453
1872	7251
1894	8193